

НОВАЯ ПОЛЬША 9/2013

Содержание

1. ИНТЕРВЬЮ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА
2. КРОВАВЫЕ ЗЕМЛИ
3. ОТЦЫ ВАШИ. ОТЦЫ НАШИ
4. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
5. ПАГУБНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА
6. «ГЕДРОЙЦ СНЯЛ С МЕНЯ ОБУЗУ»
7. ВОСЬМОЙ СБОРНИК СТИХОВ НАТАЛИИ АСТАФЬЕВОЙ
8. КОСУЛЕНОК; ВАДИ
9. В КЛОАКЕ XX века
10. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
11. ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ МРОЖЕКА
12. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
13. ЕВРОПЕЙСКАЯ СТОЛИЦА КУЛЬТУРЫ

ИНТЕРВЬЮ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

О КОРНЯХ

— *Ваша фамилия [Bahr], з-н посол, похожа на немецкую; я знаю о том, что многие ваши родственники проживают в Кракове, который долгое время входил в состав Австро-Венгрии; наконец, одно время вы сами жили в Австрии. Правильно ли я догадался, что семья ваша имеет австрийское происхождение?*

— Хотя не обо всех предках у нас сохранилась информация, но действительно, насколько можно судить, мои предки переселились сюда, в Краков, в конце XVIII — начале XIX века из Австрии. Сохранилась традиция считать, что прибыли они с территории нынешней Словакии — из окрестностей города Кошице. Вообще в пользу австрийского происхождения моей семьи свидетельствует и то, что большинство моих предков жило в южной части нынешней Польши — в Закопане, Новом Тарге, Тарнуве — а также ближе ко Львову.

В годы Первой Мировой войны мой дядя, будучи солдатом австрийской армии, попал в русский плен и оказался в лагере в Лифляндской губернии. У меня осталось около двухсот писем, которые он написал в это время. Это такие обычные письма человека, который находится в плену и пишет совсем простые вещи типа напоминания дочери о необходимости закрывать окно, чтобы не простудиться.

После Февральской революции он вернулся в Польшу. Точнее, на польские территории, потому что польского государства тогда еще не было. В нашей семье сохранился выданный властями города Владимира документ о том, что два поляка — мой дядя и его товарищ — направляются в Польшу.

— *То есть ваш дядя уже воспринимался как поляк?*

— Да.

Отец мой родился уже в Кракове. И я тоже. И когда в определенный момент моей жизни мне пришлось получать в Австрии политическое убежище, то я немножко воспринимал это как своеобразное прикосновение к прошлому своей семьи.

— *Расскажите о том, что предшествовало вашей эмиграции.*

— Сначала я трудился в качестве научного сотрудника в Горно-Металлургической академии в Кракове, а потом переехал в Ополе, в Силезский институт. В 70-е годы меня оттуда взяли на работу в МИД.

— *Вы с самого начала работали в науке как социолог?*

— Да, сначала я читал студентам курс социологии. А потом в Силезии, так как я знал немецкий и румынский языки, мне предложили заниматься темой немцев в Румынии. Но этим заняться я не успел, потому что меня пригласили перейти в МИД тогда еще Польской Народной Республики. Там я проработал около семи лет.

— *Вы работали в стране или за границей?*

— Я работал и в стране, и за границей. Сначала — в Варшаве, потом меня послали в Женеву, где проходила Конференция по европейскому сотрудничеству. Там мы были самой молодой делегацией...

— *В каком смысле «молодой»?*

— Просто по возрасту: в состав этой делегации пригласили молодых людей. Тогда был такой подход.

Потом меня послали в Румынию, где я провел четыре года. Затем вернулся в Польшу, где работал в МИДе в отделе, который занимался, в частности, Румынией.

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Когда в декабре 1981 г. в Польше было введено военное положение, то я при довольно-таки драматических обстоятельствах (пройдя партийный суд) отказался от работы в МИДе и вернулся в Краков. Здесь «Солидарность» помогла мне устроиться научным сотрудником (но без контакта со студентами) в библиотеку Института международных отношений. Это было очень хорошо для меня: действовало военное положение, а мы сидели среди чрезвычайно интересных книг и могли не только критиковать коммунистов в своем кругу, но и что-то полезное для себя читать. Как и бывает при настоящем авторитаризме, тамошняя моя работа (так же как и зарплата) была чисто символической, и я смог подготовить там ряд материалов, изданных затем в подполье.

— *Простите, но я не понял, каким образом находящаяся на нелегальном положении «Солидарность» могла помочь вам в трудоустройстве.*

— Люди, которые состояли в объявленной вне закона «Солидарности», занимали должности деканов, профессоров в университете, и от них кое-что зависело. Конечно, в каждом учреждении и высшем учебном заведении находились и офицеры для поддержания военного положения, но действовали также какие-то научные советы, профессора из которых и помогли мне найти место. Ведь в то время, если у тебя не было работы, тебя могли запросто счесть тунеядцем, что закончилось бы какими-то неприятностями.

— Скажут ли что-нибудь русскому читателю фамилии этих ваших доброжелателей? Стал ли кто-нибудь из них затем известен в России?

— Нет. Это в первую очередь профессор Гвидон Рищак. Или специалист по международному праву и политологии профессор Соболевский. Или, например, профессор Гжибовский. Все они уже умерли.

— А почему вы, член партии, так болезненно восприняли военный переворот? Ведь согласно результатам опросов общественного мнения на протяжении всех последних двадцати с лишним лет поляки оказались примерно поровну поделены между теми, кто уверен в том, что введение военного положение спасло их страну от советской интервенции, и теми, кто считает его коммунистическим преступлением.

— Я принадлежу ко второй половине. Я считаю введение военного положения в Польше страшной трагедией и жалею о том, что виновные в ней до сих пор практически не понесли наказания. Проблема не в том, чтобы того или иного генерала — старика под девяносто лет — увидеть в тюрьме. Мой подход другой: они должны быть наказаны для того, чтобы никто в будущем не посмел больше поднять руку на свой народ.

Если кто-то оперирует данными о том, будто бы жертв военного положения было мало, то это абсолютная чушь! Потому что если человек нормально смотрит на жизнь, то жертва — не только тот, кого убили, но и, например, тот, у кого убили надежду. Жертва и тот, кто был вынужден получить загранпаспорт в одну сторону — как это тогда происходило. (При Ярузельском вышел такой закон с целью постараться выбросить нежелательных людей из страны.) И я своими глазами видел людей, которые никогда не уехали бы из Польши, потому что у них не было даже психологической подготовки для жизни за границей.

Отдаленные жертвы введения военного положения и та половина поляков, которая считает сегодня, что оно было вполне приемлемо, потому что многие из них уже не представляют себе, какой при этом был нанесен урон нормальной жизни и какие были введены идиотские правила поведения. Я приведу один пример... Тогда нельзя было выходить из дома в определённое время — с девяти вечера и до шести утра или как-то так. Мы были в гостях у своих знакомых в Кракове, и когда возвращались, то трамвай опоздал. У нас оставалось только пять минут, и мы быстро побежали от остановки. В это время я вдруг подумал: что происходит? Я житель этой страны, и это мой город и моя улица. Я ничего плохого не сделал. Я пил кофе в гостях и не виноват в том, что трамвай опоздал. Зачем мне вести себя, как идиоту, который бежит, хотя у него нет такого желания? И после этого я пошел медленным шагом. Мне стало абсолютно всё равно, задержит меня милиция или нет. Я знал, что если бы меня в этот момент задержали, я был бы внутренне в десять раз сильнее, чем тогда, когда бежал, и спокойно бы это пережил. Кто-то может сказать: ну какая это проблема? Нет! Это — унижение. Проблема прежде всего в том, что это — унижение.

Я не хочу входить в детали — вошла ли бы в Польшу советская армия или нет. Это пусть определяют специалисты. Хотя сейчас известно, что по разным причинам это было маловероятно. Но, конечно, никто тогда этого не знал...

— ...Кроме генерала Ярузельского, которому главком войск Варшавского договора Куликов лично передал соответствующее решение нашего политбюро.

— Но я только хочу сказать, что с самого момента введения военного положения было абсолютно ясно, что оно идёт вразрез конституции и законности. И наказание людей, которые тогда это сделали, должно послужить тому, чтобы такое больше никому и никогда не пришло в голову. Во всяком случае на нашей территории.

— Ранее вы признались мне, что самой неприятной для вас была бы необходимость пожать руку генералу Ярузельскому. Из чего я делаю вывод, что этот переворот просто оскорбил вас лично.

— Я не рассматриваю военное положение через призму личного отношения, потому что были люди, судьба которых сложилась тогда намного-намного тяжелее, чем у меня. Например, в Польше были тысячи людей, которые просто оказались в тюрьмах. Как я

уже сказал, я испытывал чувство унижения, оттого что каждый день вводились всё новые и новые запреты.

Я оказался в специфической ситуации, потому что был единственным дипломатом из польского МИДа, который, находясь в Польше, выступил против военного положения. Выступил публично, сказав: «Я не хочу работать в МИДе. Пусть работают те, кто понимает необходимость введения военного положения».

При этом я еще не имел информации о том, что муж моей сестры — декан в одном из краковских вузов — был арестован и получил срок три года. (Он просидел 16 месяцев.) Так что зачем же мне сравнивать себя с теми, кто потерял намного больше моего — потерял свободу (в буквальном смысле слова)?

— Некоторое время назад в Москве выступал известный деятель тогдашней «Солидарности» Вальдемар Кучинский, который с таким восторгом и упоением смаковал комфортабельные условия своего заключения во время интернирования (дом отдыха высшего командного состава польских ВВС), что у иного человека с психологией раба или холоуя могли просто слюнки потечь от зависти. (Он, кстати, и Ярузельского защищал.) Вы, я вижу, относитесь к этому по-иному.

— Он принадлежал к самой верхушке тогдашней «Солидарности», и, может быть, с ним обращались по-другому, нежели с большинством интернированных. Но передо мною пример моего шурина, который находился в обыкновенной тюрьме. В ней, можно сказать, интеллигентов не били (дубинками), но рабочих уже били.

Я никогда не забуду рассказ моей очень пожилой родственницы, которая в своё время сидела в лагере Аушвиц-Биркенау и рассказывала про него только одно — как она играла в лагерном театре. И если смотреть на Аушвиц с точки зрения существования там театра, тогда получается, что это было такое довольно-таки легкое для сидения место.

Я знаю, как меняется образ мыслей человека спустя много лет после пережитых им даже страшных событий: много лет спустя всё кончается анекдотом. Как социолог я много такого выслушал. Но важно значение этого примера для всего народа. Нужно, чтобы люди понимали, говоря словами Маяковского, что такое хорошо и что такое плохо. А это было плохо, кратко говоря.

— *Еще интересный для меня сюжет — ваша подпольная деятельность.*

— Во время военного положения, когда я еще жил в Кракове, это было сотрудничество с католической Церковью. Я, например, делал подборки цитат из разных выступлений Папы Иоанна Павла II, посвященных Европе, труду, значению для человека его чести или родины... Из них делались брошюры, которые издавалась Краковской курией и шли потом в первую очередь на заводы — чтобы рабочие имели источник нравственных знаний.

Кроме того я тогда подготовил работу, посвященную отношениям с нашими соседями, которая называлась «Формы польских пространств». Это была брошюра, в которой содержались разделы «Восток», «Запад», «Север» и «Юг», и в каждом из них были мои заметки о соответствующем регионе, но особенно богато были представлены польско-украинские отношения. Когда я оказался на Западе, та ее часть, что была посвящена польско-литовским отношениям, оказалась издана представителями литовской эмиграции на литовском языке, а также по-немецки и по-английски.

— *А в подпольной прессе вы не печатались?*

— Нет. Мы с сестрой ездили на свидания с моим шурином и занимались разными другими связанными с этим вещами. Когда власти обратили внимание на эти наши частые визиты, то стали переводить его в тюрьмы всё дальше и дальше от Кракова — почти что до немецкой границы. Поэтому довольно-таки много времени мы проводили в поездках. Вообще жизнь тогда была нелегкая, люди были озабочены выживанием, и много времени мы проводили в очередях. Но это русские должны хорошо понимать.

Помогали мы и другим людям. Даже в том месте, где мы с вами сейчас находимся (деревня Мышкув под Краковом. — АП) мы прятали одного человека из «Солидарности».

В ЭМИГРАЦИИ

Потом, когда после отмены военного положения стало возможным выехать из страны, решение об этом мне было принять легко. Я тогда подумал: у меня всего одна жизнь, я хочу учиться дальше, а в моей стране ситуация сложилась такая, что кто-то мне может диктовать, какую книгу я должен читать и какую мне читать нельзя. А я не мог никому позволить определять, чем я должен заниматься в плане

интеллектуальных занятий. И поэтому решение выехать ко мне пришло с легкостью. Одновременно я был совершенно уверен, что вернусь. И поэтому не поехал вместе с другими членами своей семьи в Америку, а остался недалеко от Польши.

— *Вы только в силу этого выбрали Австрию или еще из-за каких-то причин?*

— В рамках сотрудничества между двумя старейшими университетами этой части Европы — Ягеллонским в Кракове (основан в 1364 г.) и Венским — австрийцы организовали у себя курсы немецкого языка. Наши коммунисты захотели показать, что после отмены военного положения научное сотрудничество возвращается в нормальное прежнее русло, и дали возможность людям поехать туда учиться и заниматься исследованиями. Мой институт как раз хотел послать меня туда, и я оказался в составе такой группы. А поскольку немецкий я уже более-менее знал, то попал на курс не для начинающих, а для совершенствующих свой язык.

Стоял и другой вопрос: я должен был сам оплатить свою поездку, а из Кракова до Вены на поезде — чрезвычайно близко. Когда Краков еще принадлежал Австрии, некоторые представители местной интеллигенции могли себе позволить ездить в Вену на уик-энд — в оперу. Я в оперу не попал, но попал в страну, которая дала мне свободу.

Приехал я туда с 27 долларами в кармане, из которых 19 отдал за учебники немецкого языка. Так что питался я привезенной с собой колбасой, которую каждый выезжающий за границу поляк считал почти что частью своего тела и которую всегда брал с собой. Я удивляюсь тому, что до сих пор люблю эту колбасу, хотя первые две недели питался только ею плюс чаем. И ничем больше!

— *Простите, а как называется эта знаменитая колбаса?*

— Это краковская колбаса. Это самая лучшая колбаса.

Когда много лет спустя я был послом в Туркменистане, меня однажды принял не президент Ниязов, а глава мнимого парламента Туркменистана. Этот спикер был абсолютным стариком, которому было бы трудно ответить даже на вопрос о том, как его фамилия. Разговор между нами получился сложным, потому что он не очень внятно отвечал на мои вопросы, а я не очень хорошо понимал, что его вообще интересует. И когда вдруг он узнал, что я из Кракова, я, наконец, увидел в его глазах какое-то понимание. Он сказал:

«Да, у вас — хорошая краковская колбаса». Я еще что-то об этой колбасе ему рассказал, а на следующий день, представьте, в местной русскоязычной газете я прочитал информацию про свою встречу с этим человеком, в которой говорилось о том, что важным элементом нашего разговора было возможное сотрудничество между Польшей и Туркменистаном в области сельскохозяйственного производства. Поэтому, когда мы говорим про краковскую колбасу, то я считаю это серьезным, даже трансконтинентальным вопросом.

— Итак, после этой учебы вы приняли решение остаться в Австрии...

— Да, я сделал соответствующее заявление, и через три недели после окончания курса меня поместили в лагерь для беженцев Трайскирхен вблизи Вены. Это разместившийся в бывшем военном городке огромный центр, в котором тогда было около полутора тысяч человек из разных стран, а всего он мог принять до трех тысяч человек. Я начал проходить процедуру получения политического убежища, которая в отношении меня была очень тщательной, потому что я не был обыкновенным иностранцем, захотевшим остаться в Австрии: мне задавали вопросы о моей прежней деятельности, в частности в МИДе. Но нашлись люди, которые сказали про меня то, что надо. В итоге я получил политическое убежище и мог жить в Австрии или выехать куда захочу.

Там я много учился. Я получил немецкую стипендию, которой мог воспользоваться в том месте, где захочу, и занимаясь тем предметом, каким захочу. Это было очень удобно для меня, и я решил поехать в Мюнхен, в Свободный украинский университет — практически единственную такую институцию в Западной Европе. (Подобные ей были в Канаде и, может быть, где-то еще, но не в Европе.) Там я четыре месяца занимался разными очень интересными темами.

Кроме того, когда я оказался на Западе, то сотрудничал с «Посевом», ездил во Франкфурт и Париж на разные встречи, проводимые этим издательством. Конечно, я сотрудничал с литовским эмиграционным центром, с организованным очень известным польским ксендзом Бляхницким католическим центром (он назывался «Христианская служба наций» или как-то так) и с другими эмигрантами, хотя некоторые из них придерживались довольно-таки далеких от меня взглядов. Например, украинские националисты. Один из них был Ярослав Стецько — глава правительства, организованного украинцами во Львове в июне 1941 года. Его жена Слава Стецько после

обретения Украиной независимости вернулась на родину и стала известным членом украинского парламента.

Через год-полтора началась перестройка, гласность, и мы, люди с востока Европы, с каждым месяцем всё сильнее чувствовали, что суть происходящего — это не поверхностная корректировка социализма, а нечто особенное, уходящее всё глубже и глубже. Я тогда как раз работал в советологическом центре Швейцарского Восточного института в Берне, куда нас пригласили, потому что мы умели читать между строк, и как раз для того, чтобы мы этим там занимались. И нам было видно, как эти процессы набирают силу просто с каждым месяцем. Связано это было со всеми теми проблемами, что проявились во второй половине 80-х годов, в том числе в тогдашних прибалтийских республиках.

Так что пять с половиной лет в разных исследовательских центрах на Западе я занимался прежде всего Восточной и Центральной Европой, а потом решил вернуться в Польшу. Я написал первому посткоммунистическому польскому министру иностранных дел Скубишевскому письмо, в котором сообщил о том, что хочу работать в польском МИДе, и очень быстро получил положительный ответ.

СНОВА НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ

Я вернулся в Варшаву, после чего меня очень быстро направили в Москву начальником политического отдела посольства (мы тогда меняли людей в посольстве), куда я приехал за три недели до, как у нас говорят, «путча Янаева». Так что приехал в чрезвычайно интересное время и стал наблюдать за Россией уже не из австрийского, немецкого или швейцарского далека, а изнутри.

В должности советника посольства я проработал с 91-го года до 92-го, после чего меня послали создавать генконсульство в Калининграде, где я оказался первым дипломатом со времен Второй Мировой войны. (До войны в Кенигсберге было 17 консульств.)

Когда я приехал, то, как это принято, захотел познакомиться с местными властями и попросил аудиенции у главы областной администрации. У меня получился очень хороший разговор с Юрием Маточкиным и другими представителями власти, а на следующий день «Калининградская правда» на первой странице написала: «Нас признали». Для меня это был шок, потому что я эту встречу считал не каким-то политическим жестом, а частью нормальной работы дипломата.

Отдаленность Калининграда от политической жизни и от нормальной жизни вообще была такой огромной, что я понял, насколько сильна там была потребность в появлении людей извне и в том, чтобы жить немножко по-другому в смысле контактов. Это было для меня наиболее интересным.

Наряду с очень сильными консервативными и откровенными коммунистическими тенденциями там существовало и желание выйти на пространство нормальной жизни; люди были заинтересованы в Польше. (Хотя, конечно, Польша тогда сама делала только первые шаги в этом направлении.) Это стремление к новому выражал такой интересный человек, как писатель-маринист Юрий Иванов, который был для меня символом такого устремления России. (К сожалению, он очень рано умер.) Более влиятельным выразителем этих тенденция был глава администрации Маточкин.

Тогда только открывались возможности сотрудничества Польши с Калининградской областью. С юридической точки зрения наши отношения являлись ещё белым пятном, и никто не знал, какие на этот счёт существуют правила, что можно делать, чего нельзя; было много криминала. Конечно, с точки зрения консульства, которое только формировалось, это было сложное время.

В Калининграде я проработал два года, и это было чрезвычайно интересное для меня время. После этого я вернулся к работе в польском МИДе.

— Я вижу, что годы, проведенные вами в Калининграде, произвели на вас такое глубокое впечатление, что вы до сих пор пристально интересуетесь делами этого города и даже создали посвященный ему небольшой домашний музей. Эту целую комнату экспонатов о Кёнигсберге/Калининграде вы даже собираетесь подарить городу Ольштыну.

— Да, это правда. Жаль только, что это не янтарная комната. Конечно, моя работа в Калининграде была очень важным толчком к этому, но заниматься историей Калининграда (или, как его называют поляки, Крулёвца) я стал ещё в начальной школе. И предметы, которые вы видели у меня в этой комнате, я начал собирать намного раньше — везде, где я бывал.

И потом, будучи послом в Литве, я тоже смотрел на историю и настоящее этого города, но уже с литовской точки зрения, тоже чрезвычайно интересной. Это многогранная тематика, которую можно рассматривать с любой точки зрения —

российской, немецкой, польской, литовской, а также в разрезе отношений между Россией и Евросоюзом в целом.

УКРАИНА

...В Варшаве я работал директором 2-го (Восточного) департамента МИДа, где занимался в том числе и отношениями с Россией. В это же время у нас началось более интенсивное сотрудничество с Украиной, в ходе которого мы коснулись и чрезвычайно трудной проблемы истории отношений между поляками и украинцами, начались первые контакты научных работников двух стран, возникла идея формирования польско-украинского миротворческого батальона... Эти два года в МИДе оказались для меня очень интересными.

Следующие четыре года я провел на Украине уже в качестве посла, и это время считаю самым счастливым периодом своей жизни. Я узнал Украину как чрезвычайно интересную и важную страну и не скрываю своей любви к украинской культуре. Вообще возрождение Украины как государства — феномен чрезвычайно важный как для Польши, так и для всей Европы.

— *Украинский язык вы выучили, уже будучи послом в Киеве?*

— Нет, я учил его, когда мне было 18-19 лет, потому что в моем образе мыслей была установка узнать наших соседей такими, какие они есть, а не такими, какими они казались на тогдашней карте Европы.

— *То есть в вузах «Народной Польши» были кафедры украинистики?*

— Когда я был школьником, то старался дойти до всего не официальным путем, а встретить такого украинца или человека, владевшего украинским языком, который бы согласился учить молодого парня. И это получилось. (Это были личные связи.)

— *То есть вы брали частные уроки?*

— Частные уроки. И это было нелегко. Конечно, в рамках Организации польско-советской дружбы какой-то уголок для украинцев в Кракове был. Помню, что когда они отмечали Маланку (не знаю, как это по-русски — новогодняя встреча по старому календарю)...

— *Старый Новый год.*

— Старый Новый год, да. Я в нем участвовал, и это была для меня возможность встретиться с украинцами.

Не скажу, что украинцы в Польше были в подполье, но любой контакт с ними был редок. И свою организацию они сумели основать только после «оттепели», то есть после 56 го года. Начала выходить их газета — «Наше слово». Конечно, она не была интересной (цензура была особенно строга к ней), и больше всего там было статей типа «Вапновати чи не вапновати?» Знаете это слово — «вапно»? Нет? Это — минеральное удобрение, и для сельского хозяйства это тогда был почти гамлетовский вопрос: использовать или не использовать? Но в качестве контакта с языком и это кое-что давало. Потом, будучи уже послом, я брал уроки украинского языка с целью сделать мой пассивный украинский активным.

— *А Украинский культурный центр на моей любимой в Кракове Каноничей улице был создан после вашей «оттепели»?*

— Я не знаю точно его истории, но могу сказать, что огромная роль в его создании принадлежит профессору нашего Ягеллонского университета Володымыру Мокрому. Насколько я понимаю, этот центр мог появиться только в освежающей атмосфере конца 80 х. Тем более что Канонича всегда была очень дорогой улицей с точки зрения стоимости каждого квадратного метра. Кроме того все эти дома тогда были в страшном состоянии, и поэтому изначально главная проблема носила финансовый характер. То, что украинцам дали такую огромную территорию, произошло не без влияния католической Церкви, которой исторически принадлежали эти дома. (Насколько я знаю, украинцы получили их в аренду от Церкви.)

Украинский центр всегда был чрезвычайно активен. Там каждый может найти что-то свое: можешь зайти в книжный магазин — единственный такой в Кракове, — где есть огромный выбор книг как для туриста, так и для историка. А хочешь, можешь зайти в украинский ресторан. Или в иконописную мастерскую, где всё время проходят выставки. Так что я очень рад тому, что они получили эти помещения в таком чудесном месте — самом сердце старого города, — и от всей души желаю им продолжения их успешной работы.

ЛИТВА

После Украины я начал работать послом в Литве, где мне, без сомнения, помогло в работе то, что я знаю литовский язык. Имея в виду всю историю взаимоотношений Польши и Литвы,

это хорошо, когда поляк знает литовский язык, который довольно сложен.

— А почему вы стали учить литовский язык, насколько я понимаю, тоже еще в молодые годы?

— Да, мне было 17 лет, когда я начал его учить. И это было еще сложнее, чем в случае с украинским, потому что тогда в далеком от Литвы Кракове было нелегко найти человека с литовским языком.

Начал я его учить по той же самой причине: уже тогда я понимал, что в XIX веке оставаться литовцем означало практическую необходимость оказаться вне среды польского языка и польской культуры, потому что полонизация Литвы зашла так далеко, как в некоторых частях Украины сегодня зашла русификация. И первыми, кто стал тогда пробуждать литовский дух, были католические священники, учителя и, конечно, те, кто пел старые литовские песни. И таким образом они смогли защитить свой язык.

Я помню, как мы с президентом Квасневским во время его прощального визита в Литву побывали на празднике песни в Каунасе. В какой-то момент более трех тысяч человек начали петь (почти что кричать) некую патриотическую песню, и президент Квасневский сказал: «Сейчас я понимаю, почему даже нам не удалось победить их». Мне это очень понравилось, потому что это было очень точно подмечено. В этой песне была выражена вся сила этого небольшого народа.

Я думаю, что если бы они были под нашим или российским влиянием еще дольше и не имели бы этой передышки между Первой и Второй Мировыми войнами, то они бы растворились в польской и русской культуре. Поэтому человек с польской стороны должен иметь намного больше понимания их и уважения, чем это обычно бывает у поляков, потому что поляки и в XIX столетии, и позже смотрели на литовцев как на жителей региона нашей культуры, в котором только немногие пользовались каким-то странным языком. Так вот, я захотел этот «странный» язык узнать, и мне это удалось, потому что к литовцам и их языку я отношусь с огромным уважением.

— А всё-таки: каким образом в юности вам удалось выучить этот язык?

— Иногда довольно-таки жестоким. У меня была норма — 90 новых слов ежедневно. Мой отец за этим следил, и если из этих 90 я не выучивал хотя бы 80, то он лишал меня ужина. Такое

самоограничение я сам себе установил. Ведь в 18 лет вам очень хочется есть, и поэтому я был хорошим учеником.

— *То есть вы изучали его самостоятельно по учебникам?*

— По учебникам. Но мне также удалось познакомиться с человеком, который замечательно знал литовский. Он был поляком из Литвы (хотя в XVII веке его предки появились там как шведы). Он был сослан в Сибирь, в 1940 е дважды бежал оттуда, но каждый раз его хватили и возвращали обратно. В конце концов ему вместе со своим дядей удалось выехать во время так называемой поздней репатриации — в 56 м или 57 м году. Его дядя в Сибири сильно заболел и выжил только потому, что его племянник убеждал его: «Мы будем жить в Кракове». Это желание стало их главной мечтой, и потом они не только приехали в Краков, но этот человек стал работать здесь гидом. Он настолько полюбил наш город, что выучил все его достопримечательности. Этому человеку, уже ушедшему от нас, я буду благодарен до самой смерти.

...Польскому послу в Вильнюсе надо было стараться постоянно улучшать отношения с независимой Литвой в условиях существования проблемы с польским меньшинством, которая, к сожалению, до сих пор актуальна. Еще более усложняло задачу то, что в некоторых местностях это меньшинство оказывалось большинством, а в его среде действовало коммунистическое влияние. Так что литовское руководство смотрело на него с определенной подозрительностью.

Поляки в Литве иногда выражали свое самоощущение словами о том, что не они отошли от Польши, а Польша отошла от них. И мне надо было найти ту золотую середину, чтобы, с одной стороны, помочь им как полякам, как той части нашего народа, которая осталась вне границ Польши, а с другой — внушить им, что в новых обстоятельствах они должны быть лояльными гражданами литовского государства.

Литовцы тоже шаг за шагом учились выстраивать свои отношения с поляками. Учитывая, что сегодня поляки входят в правительство независимой Литвы, то определенный путь нам удалось пройти. Хотя там осталось и довольно-таки много, ни в коем случае не хочу сказать, мелочей, но, так сказать, локальных проблем, которые надо тщательно и спокойно решать и которые вытекают из договора о добрососедстве, подписанного нами с Литвой, надо сказать, довольно поздно. И хотя со времени его подписания прошло уже довольно много лет, некоторые положения этого договора до сих пор не выполнены литовцами, о чем мы им постоянно напоминаем.

Проблемы эти связаны с условиями существования и развития польского меньшинства, в том числе со свободами коллективными и индивидуальными. Например, речь идет о написании на двух языках названий населенных пунктов — подобно тому, как это делается в Польше и других странах Евросоюза.

— У вас не создалось впечатления о том, что за годы пребывания в составе империи — сначала Российской, потом советский — какая-то часть местного польского населения утратила свое национальное самосознание? Например, когда приходится слышать польскую речь литовских поляков, то часто не покидает ощущение того, что это по-польски говорит русский человек (или белорус), который просто выучил польский язык по учебникам. У них настолько сильно заметен восточный акцент, что их польский не производит впечатления родного для них языка.

— Я абсолютно другого мнения. Самое главное — это их самоидентификация. Наш подход: не мы определяем, кем является этот человек. Главное, это кем он сам себя ощущает и как он связан с польской культурой. И тогда проблема того или иного акцента не имеет никакого значения.

Кроме того людей из царского времени уже не осталось, а после него ведь было еще двадцать лет независимой Польши, в которой именно эта ее часть отличалась патриотизмом — начиная с Пилсудского, который в то время был почти богом и, можно сказать, солью этой земли и частью ее мифа. И у этих людей иногда даже можно поучиться традиционному польскому мышлению.

А советская политика там была такова, что отношения между литовцами и поляками, живущими в Литве, ни в коем случае не должны были быть очень хорошими. В советское время там было много хорошо оборудованных польских школ, но воспитание они давали коммунистическое. И вы правы в том смысле, что там довольно-таки много русифицированных людей, отличающихся традиционным коммунистическим подходом.

Проблема эта частично проистекает из того, что те поляки, что остались в Литве, оказались без интеллигенции как среды. Польская интеллигенция там была либо истреблена гитлеровцами, либо вывезена коммунистами в глубь Советского Союза, либо (и прежде всего) выехала в Польшу. Еще некоторое время назад уровень образования людей и экономического развития той территории, где жили поляки, отставал от других частей Литвы.

Сейчас положение немного изменилась, и за время независимости Литвы у поляков уже появилась новая интеллигенция. (Я хочу подчеркнуть, что элементом польского существования в Литве является хорошая организация польских школ, которая очень высока с точки зрения наличия учителей и их активности.) Другое дело, что эти люди часто выезжают потом за границу — продолжать учёбу в польских университетах или работать где-нибудь в Лондоне. Эта проблема, правда, касается не только поляков, но и литовцев.

— Но напомним о том, что командиров Вильнюсского и Рижского отрядов ОМОН, совершавших в 91-м году страшные преступления в попытке сохранить советскую империю от развала, звали Чеслав Млынник и Болеслав Макутынович. И были они, конечно, никакими не поляками, но типичными советскими людьми. Недаром их деятельность вызывала восторг у многих советских имперских патриотов.

— Я согласен с вами. Я тоже много таких людей встречал. И если бы я встретился с Дзержинским, то тоже не считал бы его поляком в том смысле, в каком я это понимаю.

БЮРО НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Когда моя работа в Литве заканчивалась, президент Квасневский под конец своего президентства захотел, чтобы я возглавил (в ранге министра) Бюро национальной безопасности. Это — важный орган, хотя, конечно, не такой важный, как Совет безопасности в России (в России эта структура намного сильнее), но касается безопасности в более широком значении этого слова. В этой должности я проработал год, и это снова было чрезвычайно интересное для меня время.

Проблемы безопасности государства многогранны, и направлений работы в интересах ее обеспечения возникает всё больше и больше. В числе этих новых направлений, например, кибернетическая безопасность страны. Некоторые из них появляются на наших глазах, и никто не знает, во что они выльются в будущем. Это, к примеру, проблема беспилотных самолётов, которые становятся всё меньше и меньше и могут уже почти достигать размеров насекомого.

Мой подход таков: если мы не в состоянии защитить себя старыми методами, то мы должны идти вперед, стараясь сотрудничать с другими странами в том числе и в тех сферах, где раньше действовала только конкуренция. К сожалению, мы сейчас живем в такое время, когда государства и их власти стремятся защищать свой суверенитет в старом

националистическом стиле, при котором в соседней стране чаще видят врага, чем доброго соседа и партнера. Но я думаю, что в итоге мы всё-таки подойдем к такому образу мыслей, при котором умение многогранно сотрудничать с другими дает свободу нам самим.

Сейчас в России преобладает тенденция к ограничению влияния негосударственных организаций, которые являются совершенно необходимым элементом современной жизни. Видеть в них «иностранных агентов» — это цинизм и какая-то историческая наивность.

Я упомянул эти аспекты в контексте национальной безопасности, потому что требования к ней всё время меняются и с уровня национальной безопасности переходят на уровень безопасности международной. Когда я работал в БНБ, то занимался там проблемами как традиционной безопасности (военной, связанной с деятельностью спецслужб и т.д.), так и безопасностью продовольственной и экологической. Помню, как ко мне даже приходили экологи, которые боролись за защиту морских животных на побережье Балтийского моря.

— Я совершенно не представляю себе работу БНБ, однако с ваших слов догадываюсь, что она носит скорее методологический характер, нежели распорядительный. То есть оно, видимо, вырабатывает предложения, которые реализуют уже другие органы власти? Кстати, когда мой знакомый польский политолог-русист переходил на работу в эту структуру, то предупредил меня о том, что БНБ — «это на самом деле не так страшно, как звучит».

— Работа БНБ тесно связана с Канцелярией президента, и даже сам его офис расположен прямо за президентским дворцом. Президент может быть инициатором принятия новых законов или концепций, может давать толчок к началу общественных дискуссий, и работа БНБ заключается, говоря простым языком, в оказании президенту определённой помощи в этих его инициативах. Значительная область работы БНБ — это его сотрудничество такого характера с другими структурами других стран. За время своей работы там я успел принять делегацию российского Совета безопасности, участвовал в налаживании сотрудничества с американцами, Израилем, с Турцией. Я и сам побывал с официальным визитом в нескольких странах, так как наш президент часто брал меня с собой. Помню, например, встречу с Лукашенко: мы тогда занимались проблемой польского меньшинства в Белоруссии и судьбой Союза поляков, на который белорусская

администрация оказывала серьезное давление. Посетил я, конечно, и Киев.

— В том числе в ходе знаменитых визитов Квасневского во время «оранжевой революции»?

— Нет, тогда я уже работал в Вильнюсе.

А когда у нас сменились президент и правительство и была провозглашена новая политика, я решил отдохнуть, взять отпуск и некоторое время пожить в свое удовольствие где-нибудь в Австрии или Швейцарии.

СНОВА МОСКВА

Не прошла и неделя после моего отъезда, как меня разыскивали в Европе, после чего мне пришлось срочно выехать в Варшаву, где мне сообщили о предложении отправиться послом в Россию. Так начался мой новый российский период, продлившийся с 2006 до поздней осени 2010 года.

— Мой уже традиционный вопрос касается причин отличного знания вами языка очередной страны пребывания. Как все поляки, вы учили русский только в школе или потом еще где-то специально совершенствовали его?

— Я если не в начальной школе, то в гимназии старался активно заниматься русским языком. Потом для сдачи экзамена на аттестат зрелости нужно было сдавать один дополнительный предмет, и все выбирали математику, физику или историю, а я оказался единственным в нашей гимназии, кто выбрал русский язык. Конечно, тогдашним властям это очень понравилось, и меня демонстрировали как образец. Но никто не знал, какова было подоплека: я просто следовал своему плану лучше узнать наших соседей такими, какие они есть на самом деле, и поэтому нуждался в русском языке.

— После того, как Стефан Меллер закончил свою работу послом в Москве и стал министром иностранных дел, появилась информация о том, что послом в Москву он собирается назначить моего старого доброго знакомого Кшиштофа Занусси
— насколько я понимаю, в силу своих добрых личных отношений с ним. И хотя, конечно, мне было бы приятно иметь в качестве посла в Москве своего хорошего знакомого, но я тогда являлся решительным противником этого назначения, потому что считаю pana Кшиштофа выдающимся кинорежиссером и не хотел, чтобы он на несколько лет прекращал работу в кино, бросал Варшаву, стаю своих лабрадоров и перебирался в Москву на

чисто государственную работу. Теперь, по прошествии стольких лет, Вы можете рассказать о том, почему тогда всё-таки не состоялось это назначение и почему послом в Москву отправились вы?

— Я не знаю подробностей этого выбора, но я совершенно согласен с вами в том, что это была бы потеря с точки зрения польской, и не только польской, культуры. С другой стороны, тоже зная г-на Занусси, я могу сказать, что он и без этого звания остается послом. Потому что среди наших самых больших художников не найти другого, который бы так старательно и столько лет занимался налаживанием сотрудничества с Россией. Через его дом прошло много людей из России, он сам часто приезжает в эту страну проводить творческие мастерские и осуществлять разные другие программы. Так что назначение его чиновником стало бы действительной потерей. Ведь работа посла в немалой степени заключается в административной деятельности, а в том качестве, в котором г-н Занусси трудится сейчас, он делает очень много для установления между нашими странами хороших отношений.

— Что важного вы можете выделить из опыта своей работы в Москве?

— Начало ее было довольно-таки сложным, потому что тогда у нас действовало правительство, которое, я бы так сказал, было не в состоянии найти способ установить хорошие отношения с Россией. Это касается как МИДа, так и самого президента Качинского. И, несмотря на определенные попытки в этом направлении, в целом этот период был потерянным временем для наших отношений. Хотя с точки зрения чисто человеческой я очень высоко оцениваю свои отношения с президентом и с удовольствием вспоминаю свои встречи с ним. Но когда пришло новое правительство, мне стало работать легче.

Я знаю, что для России атмосфера отношений имеет значение большее, чем для других стран, потому что вы всё связываете со всем. И если в политической плоскости отношения не очень хорошие, то это сразу начинает отражаться и на уровне, например, культурного или экономического сотрудничества. Отражением таких проблем был мясной конфликт, ситуация вокруг газопровода «Норд-стрим» и другие. Это и перемены на Украине, которая важна как для России, так и для Польши.

Для меня огромное значение имело то, кто с нашей стороны проводит в посольстве эту политику. Я очень рад, например, тому, что в это не очень благоприятное в политическом

отношении время директором нашего Культурного центра был г н Хиероним Граля — знаток России и ее истории. Нам, как мне кажется, удалось сделать что-то хорошее в области своих музыкальных и, вообще, культурных связей с Россией и не только их.

На сегодня эти отношения нельзя назвать примером добрососедства (до этого еще довольно-таки далеко), но, с другой стороны, они всё-таки нормальные и не носят такого характера, когда самое главное — идеология. Хотя, конечно, этой идеологии в наших отношениях слишком много, и было бы лучше, если бы ее было поменьше — и с одной, и с другой стороны.

В то время, когда я работал в Москве, там как раз прокатилась кампания за новое историческое мышление, новый подход к исторической политике, которая касается использования прошлого для отношений сегодня и на будущее. В этом было много идеологии как с одной, так и с другой стороны, и для меня прежде всего это было препятствием для нормальных отношений, потому что подход здесь остается разным и с русской, и с польской стороны. Я считаю, что нельзя выделять это как самое важное, потому что у нас есть и другие проблемы, которые надо решать.

— Как кажется, одной из важнейших таких проблем для Польши вот уже долгое время остается сокрытие российской военной прокуратурой многих аспектов катынского преступления. Можете ли Вы теперь раскрыть какие-то засекреченные прежде моменты борьбы польского МИДа за полное раскрытие правды о Катыни?

— Катынь уже ни для кого не тайна. Мы только хотим полной правды, которая — как верим — пригодится самим российским гражданам для оценки их коммунистического прошлого.

— Безусловно, важнейшим событием за всё время вашей работы в Москве стала смоленская катастрофа, которая чуть не оказалась для меня личной трагедией, потому что в то утро в числе погибших в ней людей «Эхо Москвы» назвало и моего личного доброго знакомого — вас, 2-н посол. Можете вы теперь рассказать о том, как пережили этот день?

— Появление моей фамилии в списке погибших было связано с тем, что я был членом официальной делегации. Но с самого начала так планировалось, что я не должен был находиться в том самолете.

Мне не хочется еще раз описывать всё пережитое мною в тот день, и я хочу сказать только, что, во-первых, я никогда, конечно, не забуду этого страшного дня. Кроме того, я столкнулся с невероятной симпатией многих людей — когда они узнали, что я всё-таки жив. Я это ценю и этого тоже не забуду. Некоторые подчеркивали, что в их глазах я как будто во второй раз родился. К сожалению, для этой моей второй жизни не осталось много времени. Но я и так уже увидел в своей жизни возвращение независимости моей страны и независимости стран и народов вокруг нас, что для меня тоже чрезвычайно важно.

— Можете ли вы разъяснить российскому читателю подход польской стороны к расследованию смоленской катастрофы?

— К сожалению, я не могу разъяснить польский подход, потому что сами поляки разделились в этом вопросе. И разделились чрезвычайно драматически и в такой форме, которая нас самих, поляков, удивляет. Можно сказать, что есть подход одних поляков, есть подход других поляков и есть непонимание поляков между собой насчет Смоленска. Поэтому, чтобы дать честный ответ, надо иметь в виду оба эти подхода.

Один подход носит характер, я бы сказал, определенной прагматичности. Этот прагматичный подход не исключает некоторых упреков по адресу русской стороны, но они не носят принципиального характера. Так, мы, конечно, не понимаем, почему в течение трех лет нам не возвращают обломки самолета, которые уже не представляют никакого интереса для следствия, и можем только догадываться, что для России это имеет какое-то политическое значение, и хотели бы узнать, что для нее эти обломки значат практически.

С другой стороны, мы сами знаем, что эти обломки приобретают всё более и более символический характер для нас самих. Для некоторых поляков это святая святых в отношениях между нашими двумя народами, что я считаю не только наивностью, но просто глупостью. Наше правительство старается сейчас эти обломки вернуть в Польшу, но я считаю, что можно выглянуть из-за этих обломков и посмотреть на какие-то конструкции будущего, а не только на обломки. Так что, как видите, и для нас самих в этом существует проблема.

— Я догадываюсь, что когда обломки самолета всё же будут возвращены в Польшу, то они непременно станут предметом какого-то культа, и их наверняка никто не осмелится утилизировать, а создадут для них что-то вроде пантеона — мемориала и места поклонения.

— По всей вероятности, это так и будет, потому что никто сегодня не посмеет поднять руку на эти обломки в том смысле, в каком вы сказали, — утилизировать, потому что такого человека сразу же назвали бы смертельным врагом Польши. Ведь среди части польского общества имеет место такой чисто психологический феномен: некоторые люди хотят молиться на эти обломки.

Другой подход заключается в том, что надо всё выяснить до конца, постараться выработать такие процедуры, которые бы не позволили ничему подобному никогда повториться, купить новые самолеты и летать на них с пилотами, которые не сделают таких страшных ошибок. Надо также сделать так, чтобы такие поездки за границу никогда не имели политического характера.

Ведь ясно, что тогда, в 2010 г., обе стороны этого внутripольского конфликта использовали катынскую проблему в своих собственных интересах и это закончилось большим несчастьем. А первым несчастьем стало то, что даже на кладбище в Катыни поляки тогда поехали раздельно, и я это считаю нашей внутренней трагедией. Я подчеркиваю трагизм этой ситуации, потому что не представляю себе, как можно, глядя глаза в глаза тому страшному прошлому, что случилось в 1940 г. в Катыни, удовлетворять какие-то свои собственные интересы. (Я это считаю кощунством — независимо от того, кто и в какой степени это делал.) По дороге туда случилась несчастье, можно сказать, технического характера, а за этим пошла если не катастрофа, то, во всяком случае, сегодняшняя ситуация, когда польское общество представляет собой картину такого разделения между поляками, которого раньше никогда не было — даже, может быть, в коммунистическое время. И должно пройти какое-то время, чтобы эта рана зарубцевалась.

Мы сейчас входим в довольно-таки сложный период нашей жизни, связанный не только с теми внутренними проблемами, о которых я говорил, но в большой степени с проблемами наших соседей в Европе. Это и мировой кризис, и развитие России не всегда в таком направлении, как нам мечталось бы. Сегодня по причинам, о которых я сейчас старался вам рассказать, полякам не удастся преодолеть всё это с легкостью, потому что мы сами немного больны.

— *Вы уже сказали что-то о причинах смоленской катастрофы, однако в среде польской оппозиции распространены совсем другие версии. При этом называются взаимоисключающие вещи — искусственный туман, взрыв на борту... Говорят и про то, что, с одной стороны, выживших в катастрофе добивали уже на земле, а*

с другой — что трое людей всё-таки пережили катастрофу и делись потом неизвестно куда. Я — человек, исходящий из того, что нет такого преступления, которое бы не могли совершить наши чекисты, и верящий, например, в то, что это именно они в 1999 г. взрывали дома в Москве — не вижу никаких свидетельств в пользу, как это называют в Польше, «теории покушения». А каков ваш взгляд на причины смоленской катастрофы?

— Я смотрю на это однозначно: туман, про который вы упомянули, — он в головах тех, кто говорит об искусственном тумане. И «покушение» — это покушение на здравый смысл. Я допускаю, что не все аспекты катастрофы ясны до конца, и понимаю, откуда происходит разница в текстах российского и польского заключений о ее причинах (иногда чувствуется, что каждый тянет одеяло на себя). Но даже если растет количество поляков, которые верят в теорию покушения, то это чистая вера. Но в таком случае почему бы и мне ни верить правительству моей свободной страны? Я могу не верить в то, что им удалось раскрыть все аспекты этой страшной катастрофы, но их добрая воля и желание для меня очевидны.

Конечно, обычному поляку не очень хочется признать то, что мы сами могли сделать такие чисто технические ошибки, что такие ошибки — почти детские — мог сделать пилот. Тем более страшные, что этот пилот сам стал их жертвой. И что бы ни сказали члены семей погибших пилотов — я бы им поверил. Я бы согласился с ними, если бы они сказали, что виновником катастрофы был ангел зла, которого все видели сидящим на известной березе. Но я ни в коем случае не соглашаюсь с тем, чтобы кто-то использовал эту трагедию в собственных политических целях. Я верю в то, что наши специалисты знают свое дело и что в конце концов они придут к окончательному результату, который, я думаю, не будет сильно отличаться от того, который мы уже знаем.

Совсем другая вещь — это образ мыслей многих поляков в самых разных ситуациях. Например, по поводу кризиса, в котором кто-то потерял работу: кто-то же должен быть виноват в том, что моя личная судьба не сложилась. И тогда, конечно, легче всего будет показать пальцем на соседа, который в этом виноват.

Должен сказать, что после Смоленска я совсем другими увидел русских. Если раньше я знал, что «Москва слезам не верит», то тут я чувствовал слёзы и видел их. И нам как соседям и вообще, порядочным людям нельзя забыть о том, как обычные русские люди с улицы выражали свою солидарность с нами.

Я не скрываю, что из своей работы в России я вынес огромную массу критики в отношении характера сегодняшнего развития вашего государства. Но, с другой стороны, я вынес и огромную симпатию к людям. Смоленск показал мне другое лицо русских — лицо, о котором поляки или не знали, или не верили в то, что оно может быть таким, или просто не хотели знать. А я, как христианин, это ценю.

— Вне зависимости от того, было покушение или нет, нельзя не признать, что после прихода на пост президента Бронислава Коморовского польская внешняя политика стала больше поддаваться влиянию линии Путина (которого, напомню, многие правозащитные организации в нашей стране обвиняют в совершении военных преступлений).

— Я хочу сказать, что в подозрении насчет того, что политика президента Коморовского стала особенно пророссийской, я вижу мало сказать нелепость, но просто глупость, потому что тому нет никаких доказательств. Коморовский не посещал Россию с официальным визитом, и из России в последнее время к нам не приезжал никто из числа тех, чей приезд можно бы было расценить как какой-то сигнал. Вообще нет таких доказательств, которые могли бы подтверждать особенные связи сегодняшней Польши с Россией. Это отношения соседей.

— Намекая на его прорусскость, оппозиция даже переименовывает фамилию президента, называя его Коморусский.

— И в том и в другом случае это — чистая глупость.

— Вообще я хотел бы понять, насколько смена президента может повлиять на изменение внешнеполитического курса. Потому что в моем представлении президент Польши — фигура скорее церемониальная, и единственно, на что он имеет влияние, — это внешняя политика и оборона. А раз Польша — парламентская республика, то в большей степени за ее внешнюю политику должно отвечать правительство — в лице министерства иностранных дел.

— Как вы правильно сказали, Польша — парламентская республика, но какие-то аспекты внешней политики всегда могут зависеть от президента. В ней для Коморовского особенно важен региональный аспект, который я не всегда вижу в политике МИДа. И если МИД больше занимается делами Веймарской группы, то президент особенно активен в делах нашего региона — Вышеградской группы, стран бассейна Балтийского моря, отношений с Чехией и Словакией. И те, кто критикует Коморовского, не дают никаких примеров его

практической активности, которыми можно бы было подтвердить его пророссийскость. Конечно, по сравнению с временами президента Качинского несколько ослабла активность польской дипломатии на кавказском направлении, но надо сказать о том, что изменилась и ситуация на самом Кавказе. То же самое можно сказать и насчет Литвы, где между Коморовским и Грибаускайте трудно представить себе такую же близость, как между Качинским и Адамкусом.

Но я понимаю, почему эта критика имеет место — потому что критики не могут вынести того, что Коморовский — самый популярный среди всех польских политиков и что уровень его популярности стабильно держится на уровне 68–72%. При этом популярность лидера оппозиции находится примерно на уровне 33%. То есть я понимаю эту критику с политической точки зрения, но совершенно не вижу никаких оснований для критики деятельности Коморовского. В Польше, которая сегодня разделена, наличие президента с такой высокой популярностью ценно само по себе. Наше общество нуждается в таком человеке, который с помощью здравого смысла учил бы нас спокойствию. А особенность Коморовского состоит в том, что его понимают так называемые простые люди, которые поэтому и оказывают ему поддержку.

Я рад тому, что президент увидел, что наша дипломатия в последние годы не всегда в должной степени занималась отношениями с нашими соседями, потому что мы были больше заняты Евросоюзом, в котором Польша могла бы играть более серьезную роль. Это позиция министра иностранных дел Сикорского, который, впрочем, в последнее время стал очень активен и в отношении Вышеградской группы, что, правда, может быть связано с нынешним председательством в ней Польши. А у Коморовского к этому, я думаю, и душа больше лежит.

Так что я абсолютно не согласен с мнением о том, будто бы Коморовский настроен особенно пророссийски. Я вижу его как спокойного реалиста — и только.

— А всё-таки: кто в Польше имеет большее влияние на проведение внешнеполитической линии — МИД или президент?

— Конечно, внешняя политика всегда дает хороший результат, когда существует взаимодействие между обоими этими институтами. Сегодня я вижу нормальное сотрудничество между ними.

Разумеется, при назначении, например, послов сталкиваются интересы самых разных политических сил, и в этой ситуации можно предположить наличие каких-то проблем, но они, во-первых, не видны, а во-вторых, сегодня они не имеют особенного значения. Так что у нас существует достаточно реальных проблем в отношениях между поляками для того, чтобы искать еще какие-то мнимые.

Внешняя политика Польши абсолютно нормальна, и в ней на сегодня не видно какой-то нездоровой конкуренции между МИДом и президентом. Если кто-то утверждает обратное, то делает это потому, что желает, чтобы так было. Обе стороны — и президент, и Сикорский — очень осторожны друг к другу и ведут себя достаточно интеллигентно, чтобы не создавать даже видимости конфликта.

Конечно, со стороны МИДа больше выделяются связи в рамках Евросоюза, а со стороны президента — региональные связи, что в определенной степени продолжает политику Качинского. Вообще я бы не стал противопоставлять внешнюю политику Качинского линии Коморовского. Просто политика Качинского содержала более драматичные моменты.

— В России распространено мнение о том, что если во времена нахождения у власти братьев Качинских польская дипломатия была ориентирована на установление близких отношений прежде всего с США, то сегодня глава правительства Туск проводит линию на установление близких отношений прежде всего с Германией, что оппозиция и ставит ему в вину. Получается, что внешнеполитический вектор Польши всё-таки изменился?

— Меняются лишь акценты, но фундамент остается тем же самым — наши отношения с США и Германией одинаково важны. А существование такого мнения я отношу на счет того, что журналисты, которым наскучивает обыденность, иногда ищут чего-то «жареного».

А вот в польско-российских отношениях за время после Смоленска действительно возникли новые аспекты. Мы, например, осуществили эксперимент, открыв часть России — Калининградскую область — для нас, и наоборот. Не скрываю, что меня это чрезвычайно интересует. Я связываю с этим определённые надежды.

— Замечу в связи с этим, что мой близкий товарищ — москвич родом из Калининграда — задумывается над тем, чтобы возобновить свою калининградскую прописку с целью

воспользоваться теми возможностями, что в ответном порядке предоставила Польша жителям этого анклава.

— Я этому не удивляюсь, потому что ваш товарищ — современный человек с нормальными желаниями сегодняшнего европейца. Но мы рассматриваем данную ситуацию еще и как определённый эксперимент, который докажет Варшаве (и не только Варшаве, но и Москве, и Брюсселю), что он оправдал наши ожидания и полезен нам всем.

— **Напомню о том, что совсем недавно главы российского и польского МИДа приняли очередную декларацию о необходимости установления для российских граждан безвизового режима с государствами Шенгенской зоны. В первый раз подобную декларацию представители России и Запада приняли еще несколько лет назад. Стоит ли за этой новой декларацией что-либо, кроме очередных красивых слов?**

— Мне сложно ответить на этот вопрос. Сам я хотел бы, чтобы это пошло в таком направлении, но я знаю, в чём заключаются препятствия. Имея в виду, что сейчас Европа занята своими проблемами, прежде всего экономическим кризисом, я бы был в этом острожным оптимистом. Конечно, намного легче станет, когда Европа выйдет из кризиса, но, на мой взгляд, введение безвизового въезда — проблема не скорого будущего. Если, конечно, не будет политического решения. Но я его не жду. И следующий такой эксперимент может быть осуществлен скорее с Украиной, чем с Россией. Впрочем, и с этим будут проблемы, потому что Россия всегда может повлиять на Украину с тем, чтобы последняя не шла в Европу быстрее самой России. Так что это не такая простая проблема.

Мы все учимся. Россия тоже учится вести дела с Европой. Ведь одной из проблем отношения России к Евросоюзу было то, что она долгое время не считала Евросоюз серьезным партнёром. России всегда было намного выгоднее иметь билатеральные связи, в которых она имеет огромный опыт.

Я часто сталкивался с таким подходом, когда российская сторона смотрит на Евросоюз как на что-то либо несерьёзное, либо временное, либо мнимое. В действительности же это попытка (я не знаю, удастся они или нет) зайти в объединении так далеко, как не заходил никто раньше. Это просто фантастика — как наш континент впервые становится единым организмом.

Конечно, Россия для Европы является заметным, но не важнейшим партнером. И если сегодня огромный потенциал России не реализуется, то происходит это из-за характера политической системы России. Это — препятствие на пути экономического развития России. Россия сегодня во многих аспектах не современная страна.

— Продолжая тему личных контактов граждан двух стран, я хочу спросить: не вас ли я должен подвергнуть суровой критике за усложнение процедуры получения в России польских виз? Введение обязательной электронной визовой анкеты — форменное издевательство, потому что человек со средними умственными способностями вроде меня просто не способен ее правильно заполнить ни за те два часа, которые отводились на это год назад, ни, тем более, за час, как это требуется сейчас. Этот шедевр бюрократической мысли напоминает интернет-игру на прохождение в установленное время какого-то интеллектуального теста. Кроме того, анкета и инструкция по ее заполнению содержат ошибки как в русском языке, так и смысловые; некоторые пункты в анкете просто невозможно правильно заполнить. Не говорю уже о том, что анкета не может предусматривать всех жизненных обстоятельств человека и вообще оказывается недоступной для людей без компьютера. Так что если бы я был сторонником теории заговора, то подумал бы, что такие препятствия создаются специально для того, чтобы направить желающих получить польскую визу в многочисленные посреднические фирмы, аффилированные с консульством и небескорыстно помогающие россиянам заполнять эти злополучные анкеты.

— Скажу вам, во-первых, что если бы мне предстояло решать задачу с получением визы таким образом, то я бы никогда её не получил, потому что мое умение разбираться в таких задачах в несколько раз ниже вашего.

— Кстати, в Москве о вас ходила легенда, что вы совсем не пользуетесь компьютером и интернетом...

— Нет, я пользуюсь, но только умею это делать очень плохо. И поэтому могу представить себе, какие мучения мне пришлось бы пережить, если бы я сам занялся заполнением такой анкеты.

Я не знаю, почему дело обстоит таким образом, но я знаю, что в нашей современной жизни встречаются элементы идиотизма. Никакого заговора в этом я не вижу, а вижу определённую глупость.

— А корыстный интерес?

— Может быть. Но я не знаю, какой может быть размер этой корысти...

— *После того как официальные посредники, аттестованные польским консульством, стали брать за помощь в оформлении анкеты 18 евро, на ту же самую сумму возросла и стоимость виз в Польшу у туристических фирм.*

— Конечно, каждый знает, что там, где находится место посредникам, всегда несут потери те, кто хотел бы пойти прямым путем.

ПЕНСИОНЕР ВСЕПОЛЬСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

...После Москвы я еще некоторое время поработал в Варшаве в МИДе, а потом с большой радостью вышел на пенсию.

— *Как бывший высокопоставленный чиновник, вы получили от государства какие-нибудь специальные привилегии?*

— Что вы имеете в виду?

— *Ну, например, по шутливой аналогии с советским временем это могло бы быть звание «Пенсионер всепольского значения» с соответствующей повышенной пенсией.*

— У нас такого нету. А если говорить о пенсии, то сегодня не существует доплат к ней даже за государственные награды. По нашей сегодняшней философии вам должно быть достаточно обычной пенсии. И я считаю нормальным, что сапер, который выслужил на своей работе установленный срок, получает пенсию в полтора раза выше моей.

Я горжусь тем, что на общественных началах, то есть совершенно бесплатно (и я с этим абсолютно согласен), я могу участвовать в каких-то мероприятиях или выступать в качестве советника. Например, я член капитула ордена Возрождения Польши при президенте Коморовском, член Польско-российской группы по сложным вопросам, член Совета Фонда им. Яна Новака-Езёранского и некоторых других подобных общественных структур. Всё это помогает мне проявлять свою общественную активность.

— *Получается, что единственное, чем вы были отмечены при выходе на пенсию, это пожизненное звание посла?*

— Да. Есть некоторое количество бывших послов, которые получают от президента право сохранить за собой это звание до конца своей жизни. Называется оно «титულлярный посол».

— Я знаю, что вас иногда вызывают в Варшаву к президенту. Наверное, на заседание одной из упомянутых выше структур?

— Да, время от времени президент, премьер-министр или люди из их окружения устраивают мозговые штурмы по поводу тех или иных проблем, и я, прямо как юный пионер, всегда готов в этом участвовать. А еще меня приглашают на различные доклады и встречи, которых у меня, я бы сказал, даже слишком много.

— Я хотел бы задать вам вопрос не столько профессионального, сколько философского характера. Я всегда, скажем так, без особого уважения относился к дипломатам как к людям, по определению не имеющим собственной воли и политических взглядов и в силу вещей всю свою жизнь обязанных проводить линию тех политических сил, которые в данный момент находятся у власти в их стране. Теперь мне известен один пример, когда дипломат ушел в отставку по причине несогласия с политикой своего правительства, — ваш пример. Есть ли вам что сказать в оправдание дипломатии как профессии?

— В каждой профессии многое зависит от личности. Например, в истории нашей дипломатии, а также дипломатии бывших социалистических стран дипломатами часто становились поэты, известные журналисты или люди науки. И если они потом возвращались к своему прежнему роду занятий, то считали этот период чем-то вроде командировки.

Я сам знаю многих дипломатов, которые были очень интересными представителями самых разных областей знаний. Чтобы далеко не ходить, назову нынешнего польского посла в России, известного ученого, автора написанной совсем недавно огромной монографии о калмыках, бурятах и других менее известных у нас народах России. И это чрезвычайно интересно для тех поляков, которые занимаются вашей страной.

Конечно, если дипломат видит дипломатическую службу как место, где можно только посещать приемы и получать чины, награды и прочие прелести, то он просто глуп. Во-вторых, он просто не понимает, что дипломатическая служба сегодня выглядит совсем по-иному. Это, прежде всего, тяжелая работа, которая сейчас — в век новых вызовов, в том числе технологических — выглядит совсем по-другому, чем раньше. Сегодня, например, может оказаться так, что при всеобщем распространении средств связи дипломат в столице государства, привыкший раз в две недели посылать в МИД свои отчеты о ситуации в стране пребывания, просто не выдержит

конкуренции блогера, он-лайн описывающего, допустим, начало революции на какой-нибудь площади. Поэтому сейчас перед дипломатической службой встают совсем другие проблемы, и она уже не символ блеска, развлечений и роскошной жизни, как было раньше.

— За те несколько дней, что я прожил в вашем доме и наблюдал за вашей повседневной жизнью, я увидел, что всё свободное время вы посвящаете обустройству своего нового дома — в первую очередь, украшению его аппликациями собственного изготовления. Откуда у вас такое интересное хобби?

— Весь опыт прожитой жизни я стараюсь выразить в искусстве, в котором хочу оставить какой-то след. Это счастливый момент — когда что-то такое удастся создать самому. Это всё приносит дополнительную радость. Поэтому если вам нужно будет найти счастливого человека, то я в Вашем распоряжении.

Вообще, независимо от всех сложностей, я считаю сегодняшнее время полным, я бы сказал, светского блаженства. Даже то, что вы можете задавать мне такие вопросы, а я могу на них так отвечать, это... Ведь лет тридцать тому назад я был бы намного осторожнее в каждом своем ответе. Но сегодня я — человек намного более свободный. Надеюсь, что и вы тоже. И всё это элемент блаженства мира.

— А что, вы даже не пишете мемуаров?

— Я только что отдал в издательство свою книгу, которая выйдет осенью этого года. Так что, пожалуйста, не только сами ее прочитайте, но и порекомендуйте приобрести ее своим друзьям.

— Большое спасибо за это интервью.

— Да не за что.

Краков-Москва

Беседу вел Алексей Пятковский

КРОВАВЫЕ ЗЕМЛИ

Книга Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» собрала воедино и документально подтвердила преступность одного режима. Выразительная сила приведенных в ней фактов изменила способ мышления о советской системе у миллионов людей на востоке и западе разделенного мира. Книга Снайдера — это очень точно схваченный процесс формирования политики массовых преступлений в СССР и Третьем Рейхе, а также ее проведения на землях, завоеванных обеими диктатурами. Поразительно звучание самих только количественных сопоставлений, проделанных автором: оба режима уничтожили в течение 12 лет, с 1933 до 1945 г., во времена правления Сталина и Гитлера, около 14 миллионов человек. Это число охватывает только жертв смертоносной политики, а вовсе не военных действий, и в большинстве своем это были женщины, дети, старики — все без исключения люди, не носившие оружия.

Красноречивы любые фрагментарные факты, установленные в этой книге: антисемитизм Гитлера родился в стране, где еврейская община составляла менее одного процента населения, а к началу Второй Мировой войны евреев в Германии оставалось уже лишь около 0,25%. В тридцатых годах СССР был единственным европейским государством, проводящим политику массовых убийств. До сентября 1939 г. Гитлер убил максимум 10 тыс. человек, тогда как Сталин уничтожил миллионы, в том числе расстрелял свыше полумиллиона граждан, а остальных заморил голодом. Большинство жертв обоих режимов погибало за пределами своих родных земель, а наихудшим испытаниям подверглись Украина и Белоруссия, где население поэтапно депортировали, до смерти морили голодом, расстреливали, травили газом и снова морили голодом и расстреливали, а разжигаемая оккупантом партизанская война влекла за собой к тому же еще и эскалацию репрессий.

Речь идет об особой закономерности, характеризующей те земли, которые попадают из одной оккупации под вторую: о двойном коллаборационизме — к нему принуждал призрак смерти, собственной или ближайших родственников. Сталинская процедура массовых убийств родилась в результате катастрофического краха, принесенного коллективизацией

сельского хозяйства; гитлеровская программа «окончательного решения» еврейского вопроса возникла в ходе завоевания Советского Союза, которое по замыслу должно было привести к превращению Третьего Рейха в колониальную державу.

Всю кровь этих 14 миллионов жертв, до последней капли, поглотила земля, завоеванная Гитлером и Советским Союзом и простирающаяся к востоку и западу от пограничной линии, установленной при подписании пакта Риббентропа—Молотова и тянущейся от центральной Польши до западной России, через Украину, Белоруссию и прибалтийские страны.

Автор воссоздает историю смертоносной политики: начало ей положил нацеленный на Советскую Украину ужасающий голод, который лишил жизни около трех миллионов жителей; после него в СССР наступили годы большого террора (1937–1938). Сталин довел тогда дело до расстрела не менее 700 тыс. человек, главным образом крестьян и представителей национальных меньшинств. В 1939–1941 гг. Сталин и Гитлер совместно уничтожили Польшу и ее образованную элиту (200 тыс. человек). Затем нацисты напали на СССР, доведя до голодной смерти военнопленных и жителей осажденного Ленинграда (4 млн. человек). Свою историю имеет и Катастрофа: возникают гетто и концлагеря, принимается директива об «окончательном решении», рождается (словно бы случайно!) процедура реализации массового уничтожения: убивание голодом, душегубки, газовые камеры, расстрелы у рвов и ям, крематории в лагерях смерти (количественно они поглотили наименьшее число жертв).

Сталин действовал предумышленно; например, он мог предотвратить губительный голод, но не сделал в этом направлении ничего (автор проявляет здесь глубокое знание подноготной сельского хозяйства). Технику ожидания того, пока враг истечет кровью, он разработал задолго до Варшавского восстания, в СССР, потому что в противоположность Гитлеру истреблял подчиненное ему население в собственной империи. Из 14 млн. жертв, целенаправленно уничтоженных на «кровавых землях», одну треть нужно отнести на счет Сталина. Он проявлял огромный диалектический талант, состоящий в подгонке теории к очередным виткам раскручивающейся спирали преступлений: в 1930 г., вместе с наступившей Великой депрессией и крахом на американском рынке, Сталин объявил о начале грандиозного преобразования СССР из аграрной страны в индустриальную, а возможность для этого должна создать коллективизация сельского хозяйства; последняя приняла

облик зверской колонизации собственных земель, в особенности Украины. «В те годы, когда у власти одновременно находились Сталин и Гитлер, на Украине погибло больше людей, чем где-либо еще на кровавых землях». Вместе с провозглашением коллективизации сельского хозяйства, индустриализации и пятилетнего плана возникает аппарат террора, который служит для ликвидации кулаков как класса: на основании приговоров назначенных «троек» в первые четыре месяца этой акции было казнено 30 тыс. граждан и вывезено более 113 тысяч. В общей сложности из Украины депортировали в Сибирь, Казахстан и север европейской части России 1,7 млн. человек. Первый лагерь принудительного, иными словами, рабского труда на государство функционировал с 1923 г. на Соловках, были организованы новые лагеря особого назначения и спецпоселения; в 1931 г. их свели в единообразную административную систему — возник ГУЛАГ. Его узниками побывали 18 млн. человек, и, не дожив до освобождения, умерло примерно 1,5–3 миллиона заключенных.

Коллективизация сельского хозяйства закончилась катастрофой: трагический голод на Украине унес в могилу 3,3 млн. человек. Сталин решился на эскалацию террора: он провозгласил теорию об обострении классовой борьбы по мере строительства коммунизма. Это нашло свои отголоски в международной политике: коммунистам в Германии запретили вступать в союз с социал-демократией, которая была признана самым главным врагом; в результате на выборах в Рейхстаг победили национал-социалисты. Сталин задним числом извлек выгоду из прихода Гитлера к власти: он объявил СССР оплотом цивилизации и «родиной антифашизма», частично прекратил репрессии в деревне и возвестил о полной победе «второй революции» — ликвидации кулака в классовой борьбе. В международной политике он с 1934 г. провозглашал лозунг Единого фронта, девизом которого становится изречение: «Кто не с нами, тот против нас». Испания стала полигоном обеих диктатур, их первой крупной военной конфронтацией; НКВД в Барселоне проводил политику Единого фронта с помощью террора против троцкистов.

Взаимное воздействие обеих диктатур друг на друга, их тесная «сцепленность» — это персональный патент Снайдера-историка.

Свое место занимают в этой книге поляки; я вслед за автором привожу установленные им сведения: в СССР их обрекают на голодную смерть в Казахстане и на Украине, расстреливают в годы «большого террора», в тридцатых годах они пострадали

сильнее, чем любое другое национальное меньшинство. В 1940 г. НКВД арестовало на оккупированных восточных землях Польши больше людей, чем на остальной территории СССР. В 1939 г. в Варшаве погибло столько же ее жителей, сколько во время налета союзников на Дрезден в 1945 г., причем для поляков это стало всего лишь началом кровавой войны, во время которой немцы убили миллионы польских граждан. Во время восстания 1944 г. количество польских жертв в Варшаве превысило число японцев, убитых атомными бомбами, которые были сброшены на Хиросиму и Нагасаки. Во время Второй Мировой войны погибло 4,8 млн. польских граждан. Еще один миллион умер от последствий войны. Из общей численности жертв около трех миллионов приходится на евреев.

Возвращая политике массовых преступлений ее историю, автор опровергает многие из шаблонных взглядов (например, когда Аушвиц и другие концлагеря, в том числе лагеря ГУЛАГа, ошибочно признаются самыми важными в политике реализации жестоких убийств; на самом деле лагерь был альтернативой для немедленной казни в душегубках или путем расстрела; исключением были гитлеровские лагеря для советских военнопленных, где их преднамеренно доводили до смерти).

Лишь установив историю убийственной политики, можно сравнить между собой те две системы, которые ее использовали; и автор проделывает это, показывая много сходных черт их государственного устройства: это были режимы, подчиняющие индивидуальную жизнь политическим целям и ценностям, дезавуирующие парламентскую демократию и либерализм, основанные на вождистской однопартийной системе. Ханна Арендт первой сопоставила оба указанных режима, наделив их собирательным наименованием тоталитарных. Она пришла к заключению, что массовые индустриальные общества делают людей «лишними», а это запускает политику их устранения. Снайдер оспаривает целесообразность увеличения числа теорий, объясняющих способ функционирования индустрии смерти. Он констатирует, что доступные на данный момент знания об истории массового уничтожения скорее дезавуируют эти конструкты и заставляют обратить более пристальное внимание на роль взаимного воздействия обоих названных режимов, их устремлений и власти в военных условиях. Тем не менее Снайдер убежден, что именно применение и ход массовых преступлений выделяют оба этих режима в истории Европы. У читателя не возникает сомнений, что автор

признаёт их самым важным негативным опытом нашей цивилизации. Как гуманист он требует возвращения человеческих свойств жертвам этого массового преступления; как историк он видит такую возможность в расшифровке индивидуальных черт всех его участников: жертв, исполнителей, свидетелей, тех, кто отдавал приказы, вождей. Он принимает вызов. Он хочет не только «объяснять преступления, но еще и учесть человеческие свойства всех, кто был с ними связан». Нацистский и советский режимы превратили людей в цифры. «В качестве ученых нам необходимо установить эти цифры и представить их в надлежащем контексте. В качестве гуманистов нам необходимо снова придать им человеческое измерение. Если решить такую задачу не удастся, это будет означать, что Гитлер и Сталин сформировали не только наш мир, но и наши человеческие качества».

На страницах своей книги историк многократно возвращает человеческое измерение нечеловеческому страданию, нечеловеческой политике уничтожения, нечеловеческой жестокости. Он обращает внимание, что техника убийства предполагала — снова в противоположность трафаретным суждениям — личный контакт жертвы и палача, описывает процедуры и технические приемы, которые управляли смертью и жизнью, а также имуществом людей в районе, подчиненном политике уничтожения. Снайдер замечает, что эти методы не были настолько современными, чтобы приписывать им покров анонимности; физический контакт жертвы, свидетеля и палача был неизбежен. Индивидуальными чертами обладает, в частности, и Сталин, чей характер и индивидуальность проглядывают из-за описанных в книге зверских деяний. Почти каждое упоминаемое в книге массовое убийство сопровождается количеством жертв, которым оно изобиловало; но, помимо этого, почти в любом из них есть свой герой — вызванная из небытия статистики фигура, которая доносит до нас личное свидетельство о данном преступлении. Автор приводит его описание, сделанное кем-либо, кто чудом уцелел, отмечает последние переданные свидетелем жесты жертв, фиксирует последний взгляд, внезапно оборвавшиеся слова последнего письма, прощальную надпись, которую процарапали на стене синагоги, предназначенной для сожжения вместе с верующими, записи из дневника. Эти надписи кто-то отыскал, эти письма сохранились, эти сцены кто-то запомнил и передал в своем повествовании. За каждой цифрой скрывается чей-то страх, чей-то крик, чье-то лицо. Историк идет по этому следу. «Только история массового

убиения может связать в одно целое цифры с воспоминаниями», — пишет Снайдер.

Книгу перевели на 20 языков. Она должна стать обязательным чтением для каждого, кто задумывается над тем, в чем состоит «человеческое измерение» и что это значит — выступать в XXI веке за «человеческую» политику. Солженицын получил за «Архипелаг ГУЛАГ» Нобелевскую премию^[1]. Снайдер, который профессии историка возвращает достоинство гуманиста, заслужил себе самое высокое признание.

Timothy Snyder. Skrwawione ziemie. Europa między Hitlerem a Stalinem. Tłum. Bartłomiej Pietrzyk. Warszawa: Świat książki, 2011. Оригинал: Timothy Snyder. Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin. New York: Basic Book, 2010. Есть украинский перевод: Криваві землі: Європа між Гітлером і Сталінім. Пер. М.Климчук и П.Грицак, изд. «Грані-Т». На русский язык из этой книги переведены введение и глава 1, опубликованные в интернет-журнале «Гефтер».

1. На самом деле Нобелевский комитет почти никогда не обосновывает свое решение ссылкой на конкретную книгу. В случае Солженицына его обоснование звучит так: «За нравственную силу, с которой он следовал непреложным традициям русской литературы» (оригинальная формулировка: «For the ethical force with which he has pursued the indispensable traditions of Russian literature»).

ОТЦЫ ВАШИ. ОТЦЫ НАШИ

Встреча этих двух пожилых людей в Варшавском университете была событием необычным: Гельмут Каспар фон Мольтке и Анджей Пилецкий рассказывали о своих отцах, погибших «за предательство», о горестной истории своих семей и польско-немецком взаимонепонимании.

Их семейные истории напоминают зеркальные отражения: граф Каспар фон Мольтке счастливое детство провел в помещичьем замке в Крейзау, ныне польской Кшижовой в Нижней Силезии, где теперь происходят встречи европейской молодежи. А Анджей — в четырехсотлетней усадьбе неподалеку от Лиды. Теперь это Белоруссия. От его родного дома ничего не осталось. В советское время даже фундамент разобрали на камни, разбили их и утопили в пруду.

Каспару было семь лет, когда его отец Гельмут Джеймс фон Мольтке в последние месяцы войны был повешен гитлеровцами за «предательство» — предательством была подготовка в рамках конспиративного «Кружка Крейзау» концепции демократической Германии в объединенной Европе. Анджею же было пятнадцать, когда его отец, ротмистр Витольд Пилецкий, в 1948 г. был убит выстрелом в затылок по приказу новых польских властей. В 1939 г., после сентябрьского поражения, он участвовал в создании подполья. В 1940 г. дал себя арестовать и отправить в Освенцим, чтобы создать там сеть движения сопротивления. В 1943 г. бежал из Аушвица. В 1944 г. сражался в Варшавском восстании. В 1945 г. вступил в армию Андерса. В 1946 г. тайно вернулся в Польшу, чтобы организовать сопротивление советизации страны.

И Каспара, и Анджея сформировала память об отцах, старательно поддерживаемая матерями. В обеих семьях не было того свинцового молчания, которое после войны тяготело над большинством немецких семей, в которых родные скрывали свое прошлое. И немало было также польских семей, где детей не посвящали в двусмысленные подробности жизни под оккупацией.

Две памяти

Миры, в которых росли они оба, были, однако, совершенно разными. Каспар в Южной Африке и США, куда после

выселения из Кшижовой выехала вдова Гельмута Джеймса, графиня Фрея фон Мольтке, видел уважение англосаксов к отцу как участнику немецкого движения сопротивления. Однако он признаёт, что в послевоенной Германии довольно долго к членам движения сопротивления и их семьям отношение было избирательным.

В ГДР героями считали только коммунистов и сподвижников «Красного оркестра», сотрудничавшего с советской разведкой. В ФРГ официально чтили узников концлагерей — социал-демократов или христианских демократов, однако эмигрант Вилли Брандт был подвергнут открытым нападкам за то, что вернулся в Германию в норвежском мундире, а семьи повешенных заговорщиков, готовивших покушение на Гитлера, вообще не пользовались уважением. Клауса фон Штауффенберга до сих пор считают предателем. Только сейчас, говорил Каспар фон Мольтке варшавским студентам, все формы сопротивления, от консервативного до коммунистического, официально признаются и уважаются.

И в послевоенной Польше официальная память о движении сопротивления была очень избирательной. Анджей Пилецкий из-за своего отца в ПНР в 50-е годы подвергся дискриминации. Несмотря на отличные результаты экзаменов его не приняли в старшие классы; аттестат зрелости он получил с опозданием, в провинции. По работе — как математик — тоже не мог занимать руководящих должностей. До октября 1956 г. ПНР лелеяла память исключительно о коммунистическом сопротивлении, заслуги которого переоценивались; АК именовалась «заплёванным карликом реакции» и отождествлялась с «лесными бандами». В 60-е уже отдавали должное героизму солдат АК — искусственно перебрасывая мост между Лондоном и Люблином, — однако замалчивалось, что многие из них стали жертвами сталинского террора. А теперь маятник качнулся в другую сторону, далеко вправо. Для национал-консерваторов уже даже не АК, а только антисемитские Национальные вооруженные силы представляются квинтэссенцией польского сопротивления, в то время как Армия Людова — чем-то вроде «заплёванного карлика Советов».

Ни Каспар фон Мольтке, ни Анджей Пилецкий в этой войне памяти не участвуют. Оба они — свидетели истории, пытающиеся передать послание своих родителей будущим поколениям. Каспар после смерти матери патронирует берлинский Фонд им. Фрей фон Мольтке, который собирает средства на деятельность Кшижовой. Анджее охотно

приглашают школы как косвенного свидетеля польского сопротивления обеим диктатурам. Жизненный путь его отца отражен в документах экспозиции в Кшижовой.

Синдром Ганса Клосса

На вопрос, какое послание хотят передать молодому поколению через биографии своих отцов, они отвечают так: «Выйдите из той скорлупы, которую носите на себе, становитесь неудобными и равнодушными в том мире, в котором живете», — говорит Каспар. «А я стараюсь воплотить в жизнь те ценности, которые привил мне отец, и всё, за что принимаюсь, делать хорошо и тщательно», — отвечает Анджей. Отвечая на вопрос одного из студентов о существующем в немецких СМИ ложном образе польского движения сопротивления во время Второй Мировой войны (особенно после выхода на шумевшего фильма ZDF (Южногерманского телевидения) «Матери наши. Отцы наши»), Каспар фон Мольтке признаёт: «В Германии не знают польской чувствительности. Конечно, понятно, что сегодняшняя Польша добилась успеха и стала достойным доверия партнером, однако польская культура и история практически неизвестны. Поэтому, к сожалению, так и будут случаться истории, как с тем фильмом, который вызвал такое возмущение».

Варшавская встреча, конечно, планировалась заранее, но совпала с двумя эмоциональными взрывами в польских СМИ. Один был связан с трехчастным фильмом, где солдаты АК были показаны как польские антисемиты. А другой взрыв спровоцировала Эльжбета Яницкая, которая в книге «Камни для бастиона» — с 1956 г. находящейся в списке обязательного чтения в польских школах — обнаружила гомоэротические наклонности Зоськи и Рыжего. Что ж, доводы пани кандидата наук слабые, но кому известно развитие мужских союзов от платоновских перипатетиков или связей воинских (Ахилл и Патрокл), монастырских, ковбойских, скаутских, тому и без чтения классической работы Клауса Тевеляйта о «Мужских фантазиях» в группах полувоенных и военных не на что обижаться. В нашем праведном негодовании кроется страх, как бы в польском пантеоне не совершилось святотатство, подрыв национальных авторитетов — как раз в то время, когда Германия укрепляет свои позиции, показывая своих родителей как симпатичных молодых людей, из которых только жестокая война и злая пропаганда сделали доносчиков и убийц.

Немецкий спор вокруг «Матерей наших. Отцов наших» был совершенно другим. Поначалу беспрецедентная рекламная кампания, провозглашавшая, что вот наконец-то показана

психологическая правда о поколении отцов. Затем отзывы, что это увлекательный, но всё же комикс, в котором концы с концами не сходятся. И на это наложились официальные польские протесты против лживого образа АК, а также голоса польских авторов. Так, например проф. Роберт Траба, руководитель берлинского филиала Польской Академии наук указывал на «Немецкой волне», что раз рухнул антипольский стереотип «*polnische Wirtschaft*» («польское хозяйствование», под которым подразумевались бесхозяйственность, бессистемность, недостаток культуры и грязь. — Пер.), то, чтобы принизить восточного соседа, прибегают к стереотипу поляка-антисемита...

Беда в том, что через четверть века после падения «железного занавеса» в немецких и польских СМИ всё ещё инсценируются зрелища, в которых другая сторона предстает в роли паяца. Польский пример плохо написанного сценария и ужасно снятого фильма — «Ганс Клосс», который не имеет достоинств старого сериала, а напротив, опирается на примитивнейшие схемы. Ну ладно, можно сказать, что это только боевик: немного Бонда, а остальное — это наша ностальгия по Микульскому.

Это не отменяет факта, что — не считая несомненного успеха Штефана Мёллера, до недавнего времени любимца наших зрителей, а в Германии автора бестселлера «*Viva Polonia*», — польские и немецкие сферы массовой культуры не пересекаются. То одна, то другая сторона время от времени использует соседа. Однако только в качестве декорации, без глубокого понимания.

Казалось бы, знающие Польшу редакторы, скрывающиеся в солидных конторах ФРГ, только закатывают глаза, когда речь заходит о соседе: да ведь это никого не интересует! Теперь подавай Китай, арабские страны, на худой конец Россию. А у вас только скука. Разве что крушение президентского самолета, но это скорее позор...

В Польше иначе. Из-за наших конторок слышится: как там дела в немецкой экономике? Можно ли им еще доверять в делах ЕС? А еще: неужели они своим наглым пренебрежением так и будут нас провоцировать на стычки вокруг прошлого, которые ни их, ни нас не продвигают вперед? Так фыркают либералы. Национал-консерваторы держатся своего: немцы упорно стараются избавиться от чувства вины, а кто этого не видит, тот либо глупец, либо их агент.

Игра стереотипами

Тем временем внутринемецкий спор о войне идет своим чередом. Через 70 лет после войны трудно говорить о вине внуков поколения исполнителей, так как они ее и не чувствуют, и не имеют. С другой стороны, можно говорить о стыде за нацистский период деятельности Германии и об ответственности за историческую память. Чисто идеологические модели изложения истории делаются всё слабее. В них всё больше психологии. Всё больше сравнений нацизма с подобными явлениями в других местах. Меньше исключительности. Отсюда впечатление релятивизации немецкой вины. А при повсеместном незнакомстве с польской историей легко случаются промахи, как в фильме ZDF.

Тот варшавский студент, который спрашивал Каспара фон Мольтке о лживом образе польского сопротивления в Германии, оставлял себе право не верить в какую-то случайную небрежность. Это должен быть умысел. Умысла нет, но есть павловский рефлекс. Если уж показываем поляков, то образ должен складываться из таких-то и таких-то стереотипов. Но мы тоже играем стереотипами, раздражался несколько недель назад в «Газете выборчей» Кшиштоф Варга: когда говорим о пятнадцатилетнем мальчике из «Гитлерюгенда», который — как в «Мосте» Бернарда Вицки или в «Падении» — с фауст-патроном идет на танки союзников, то называем его фанатиком. Когда наш пятнадцатилетний харцер размахивает винтовкой больше собственного роста, мы умиляемся его патриотизму.

Польский спор о том, было ли принятое с перевесом в один голос решение о начале Варшавского восстания правильным или трагически ошибочным, никогда не будет разрешен. И тем более каждый из нас в разные периоды жизни оценивает его по-разному. «Теперь я знаю, что значит быть настоящей полькой, — говорила в 2006 г. со смертельной серьезностью четырнадцатилетняя Зуля после «харцерской побудки» в Музее Варшавского восстания. — Спуститься в канализацию и дать себя убить». Сейчас, будучи студенткой факультета психологии, она совершенно переменила мнение.

Молодые польские германисты без колебаний задали Анджею Пилецкому трудный вопрос: не жалеет ли сейчас он, восьмидесятилетний, о том, что его отец вернулся в руководимую коммунистами Польшу, чтобы организовать сеть движения сопротивления, очевидно рискуя жизнью. Одна из студенток спросила об этом весьма деликатно — и не получила ясного ответа, что, в общем, тоже понятно.

Как камень с камнем

Это был важный, однако камерный диалог двух сыновей двух выдающихся представителей двух трудно сравнимых движений сопротивления. За одним стояло подпольное государство со своей программой, эмигрантским правительством и вооруженными силами в стране и в эмиграции. За другим — горстка друзей и знакомых, которым можно было доверять. Для одного врагом был общий захватчик. Для другого угрозой было собственное общество, поддерживающее преступный режим.

Каспар фон Мольтке прав, говоря, что всё же необходим открытый польско-немецкий диалог. Он проводит идеи Новой Кшижовой и берлинского фонда, собирающего средства на молодежные программы в Кшижовой. Нелегкая задача, поскольку дух времени — как говорят в немецких редакциях — отвернулся от восточного соседа к более модным темам.

Занятно. Германия лежит как камень в центре Европы. У нее проблемы с тем, как найти общий язык со средиземноморскими и балканскими соседями. В последнее время не слишком нежно складываются отношения Берлина с Парижем. Не лучше и с Лондоном, не говоря уже о Москве. И как раз в тот момент, когда с Варшавой — то проблем нет, немецкое телевидение подкладывает мину бездумности в отношении польской истории.

Есть предложение: а может, сделать большую совместную польско-немецкую художественно-документальную «Варшаву-1944», где показать атмосферу и события нескольких недель, предшествовавших восстанию, само восстание и его разгром? Источников множество, в основу могли бы лечь миссия Яна Новака-Езёранского и (для немецкой стороны) дневники Вильма Хозенфельда. ZDF задолжало такой фильм и немцам, и полякам. При условии, что польское телевидение тоже этого захочет.

Призыв к смелому совместному осмыслению сложнейших фаз польско-немецкой истории не беспочвенен. В Польше тоже — несмотря на хорошие отношения между Берлином и Варшавой — дух времени обращается к нашим другим «модным» темам. Это не арабы и не Китай, но Смоленск и польско-польская война. На ее фоне исчезает ощущение перелома, который после 1989 г. наступил в польско-немецких отношениях.

Грустным доказательством, на которое обратила внимание «Франкфуртер альгемайне», стал скандал с Кулицами. Это старое поместье Бисмарков благодаря Филипу Бисмарку, политику, члену Христианско-демократического союза,

попирающему установленные границы по Одру— Нейсе, было отремонтировано на немецкие деньги как локальное место встреч. И в этом качестве за символический злотый было передано в собственность Щецинского университета. Теперь университет выгнал сотрудников центра встреч, а отремонтированный объект продает. С точки зрения закона, признаёт газета, всё в порядке, это их собственность. С моральной же, можно добавить, это возврат к пээнэровскому «бетону», из духа которого университет восстал в период военного положения.

Разговоры, подобные состоявшемуся в варшавской аудитории, необходимы по обе стороны границы.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «В Варшаве и во всей Польше отмечается 69-я годовщина Варшавского восстания». («Тыгодник повшехный», 11 авг.)
- «Варшава капитулировала 3 октября 1944 года. За два месяца боев погибло свыше 16 тыс. повстанцев и целых 200 тыс. жителей города. (...) Почти полмиллиона тех, кто выжил, были вынуждены покинуть город. Почти каждый четвертый житель столицы или близлежащих деревень был отправлен в концлагеря или (...) на принудительные работы в Германию. (...) Варшавское восстание считается одним из самых трагических событий в истории Польши». (Кшиштоф Василевский, «Пшеглэнд», 29 июля — 4 авг.)
- «“Из страны-новичка Польша превратилась в ключевого игрока в ЕС, и ни одно важное решение не принимается без ее участия”, — заявил вчера в Варшаве председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу». («Газета wyborcza», 12 июля)
- «Президент Бронислав Коморовский подписал вчера ратификационную грамоту Трактата о стабильности, координации и управлении в Экономическом и валютном союзе, иначе называемого Фискальным пактом. Пакт, который устанавливает механизмы бюджетного контроля, 2 марта 2012 г. подписали 25 руководителей государств-членов ЕС, в том числе премьер-министр Польши Дональд Туск». («Дзенник — Трибуна», 25 июля)
- «По данным Евростата, Польша принадлежит к самым дешевым странам Евросоюза. Наши расходы на жизнь на 42% ниже, чем в среднем по ЕС». («Дзенник — Трибуна», 26 июня)
- «Впервые в истории у Польши целых пять представителей в десятке крупнейших банков Центральной Европы. (...) Ежегодный отчет компании «Inteliase» охватывает 15 стран нашей части Европы. (...) Расчет не касается Австрии (она уже относится к Западной Европе), а также России, Белоруссии и Украины (эти страны, в свою очередь, относят к Восточной Европе)». («Газета wyborcza», 12 июля)

- «Индекс деловой активности PMI для польской промышленности впервые с марта 2012 г. превысил пятидесятипроцентный порог, отделяющий оживление экономического развития от застоя. Он составил 51,1 пункта, в отличие от 49,3 пункта в прошедшем месяце, оказавшись также выше, чем в январе прошлого года». («Жечпосполита», 2 авг.)
- «С точки зрения стоимости объявленных в прошлом году проектов (...) основных инвестиций, которые достигли 11,5 млрд. долларов, Польша заняла второе место в ЕС. (...) Только в Великобритании объем инвестиций этого типа оказался больше, составив 41,2 млрд. долларов». («Жечпосполита», 27 июня)
- «Мало кто знает, что Польши не оказалось среди 14 европейских стран, в которых, по мнению Европейской комиссии, происходит систематическая утрата конкурентоспособности. (...) Польша — единственное из расположенных по соседству с Германией крупных государств Евросоюза, которое значительно увеличило свою долю в мировом экспорте. (...) Брюссель беспокоится о Европе, но за судьбу Польши он спокоен. В то же время люди, приезжающие в Варшаву, застают страну в состоянии, близком к истерике, словно Польша находится на пороге краха. (...) Поляки сделали счастье частным переживанием, в то время как несчастье им удалось превратить в переживание общественного характера. (...) Эффективность здравоохранения мы почему-то считаем катастрофой, хотя (...) по данным Организации экономического развития и торговли Польша числится среди самых передовых европейских стран, опережая Германию и Голландию. (...) Любая статистика подтвердит, что процент нуждающихся снижается, социальное неравенство сглаживается, а село стремительно догоняет город. Есть ли хоть один политик в так называемом «патриотическом лагере», способный признать правду? (...) Наша политическая глупость затыкает рот всем авторитетам, награждая при этом крикунов. (...) Вспоминают, как сами поляки раскрыли «ценовой сговор» фирм, строящих автостраду, донесли об этом Брюсселю, что осложнило поступление очередных денежных фондов. (...) Это не только ложь, но еще и крайняя безответственность в преддверии обсуждения бюджета 2014–2020», — Януш Левандовский, комиссар ЕС по вопросам бюджета. («Газета выборча», 26 июня)
- «Большинство того, что мы экспортируем, производят заграничные фирмы, у них есть собственные исследовательские средства. Мы же располагаем только

производственной базой, в основном это сборка. (...) У нас страна со средним доходом и низким технологическим уровнем. Мы вкладываем недостаточное количество средств в повышение квалификации, в результате чего наш технологический уровень остается низким. Мы остаемся поставщиками дешевой рабочей силы. (...) Государственные структуры занимаются в основном краткосрочными, а в лучшем случае среднесрочными проектами. Долгосрочного же государственного мышления я почти не наблюдаю», — профессор Ежи Хауснер, бывший вице-премьер. («Тыгодник повшехный», 28 июля)

- «Польша нарушала европейское право, не проводя торги при выдаче концессии на освоение залежей сланцевого газа и нефти, признал Трибунал Евросоюза. Вместо получения доходов от добычи сланцевого газа нам грозят расходы, связанные с возмещением ущерба». («Газета wyborcza», 2 июля)

- «Верховный суд Польши потратил на модернизацию своего интернет-сайта и интернет-обеспечение 554 тыс. злотых. Решение Национальной кассационной палаты подтвердили обвинения, выдвинутые Управлением госзаказов. (...) Закон четко обязывает проводить публичные торги в случае расходования государственных средств на сумму свыше 14 тыс. евро. Кроме того, исходя из рыночной конъюнктуры, 554 тыс. злотых — это слишком много за подобного рода услуги. (...) Июньское решение Национальной кассационной палаты отклонило объяснения Верховного суда и подтвердило: был нарушен целый ряд статей закона о государственных заказах». (Сильвия Чубковская, «Дзенник — Газета правна», 18 июля)

- «76% торгов в Польше выигрывает тот, кто предлагает наиболее дешевые услуги. В среднем же по Евросоюзу — всего лишь 30%! В ЕС распорядители государственных средств уже усвоили, что скупой платит дважды. В наших больницах это тоже начинают понимать, но соответствующих выводов пока не делают, так что, по-видимому, и дальше будут выбирать самые дешевые варианты. “Наиболее низкая цена — это аргумент для суда, в то время как качество работ или услуг не принимается во внимание”, — публично заявляет директор больницы в Седльце. (...) Управление госзаказов знает немало примеров, когда заказчик руководствовался исключительно ценой. (...) Строительство одного километра автострადы в Польше стоит 9,6 млн. евро. В большинстве стран, где нет диктата низких цен, это делается дешевле. К примеру, в Германии за 8,2 млн. евро, в Дании — за 5,9 млн. евро». (Иоанна Сольская, «Политика», 3–9 июля)

- «Еще несколько лет назад потенциал роста нашего ВВП составлял 5% ежегодно. Сегодня нас едва хватает на 3%. Это связано со снижением объемов инвестиций, демографическими проблемами и падением эффективности экономики». («Жечпосполита», 10 июля)

- «Из двух миллионов поляков, живущих за границей, свыше 1,4 млн. составляют люди моложе сорока лет, среди них 226 тыс. детей до 15 лет, следует из последних данных Главного управления статистики. (...) “Это очень тревожный симптом — Польша фактически теряет людей, рискуя оказаться обескровленной”, — говорит проф. Кристина Иглицкая». («Жечпосполита», 10 июня)

- «В течение первых четырех месяцев этого года в Польше родилось всего лишь 121 тыс. человек, а умерло 142 тыс. (...) В прошлом году за этот же самый период родилось на 6 тыс. детей больше, а умерло на 8 тыс. человек меньше. В этом году с уверенностью можно говорить об отрицательном приросте населения». («Жечпосполита», 27 июня)

- «Президент Бронислав Коморовский, представляя пакет предложений, призванных склонить поляков к более активному размножению, простодушно заверил: “Самое главное — родить второго ребенка, а потом уж пойдет, как по маслу. Знаю по собственному опыту”». («Политика», 5-11 июня)

- «Обращение к Дональду Туску подписали представители четырех крупнейших организаций предпринимателей: конфедерации «Левиафан», Союза польского ремесла, «Business Centre Club» и «Предпринимателей Польской Республики». Всего они объединяют полтора десятка тысяч польских фирм, в которых работает около пяти миллионов поляков, а также 30 тыс. малых и средних предприятий. (...) Чего же требуют работодатели? Прекращения махинаций вокруг Открытых пенсионных фондов: «Мы не собираемся мириться с тем, что на сиюминутные потребности финансовые средства ищутся в Открытых пенсионных фондах, в результате чего залезают в карман предпринимателям и налогоплательщикам». Начала дебатов о вхождении в еврозону, «поскольку теперь это не просто экономический вопрос, а цивилизационный вызов, и на кон поставлен статус Польши в Европе». Структурных реформ, «которые обеспечат экономический рост и улучшат состояние госбюджета, искоренят «серую сферу». (...) Также необходимо ограничить пенсионные привилегии». (Лешек Костжевский, Петр Мявчинский, «Газета выборча», 3 июля)

• «“И что с того, что я построил одно из самых современных в мире предприятий по утилизации отходов, раз никто в нашей стране не может оценить этого по достоинству? Ко мне приезжают со всего мира — из Финляндии, Швеции, Германии, Великобритании, Испании... Приезжал мэр Москвы и делегации из Санкт-Петербурга, Южной Америки и Канады. Из США на собственном самолете прибыло правление крупной фирмы «Ковенти», чтобы посмотреть на наше оборудование. А из Варшавы не приехал никто, несмотря на многочисленные приглашения. (...) Органы самоуправления не хотят смотреть в будущее, их не интересует экология, безопасность жителей, равно как и штрафы, которые они будут платить за невыполнение предписаний ЕС. Всех интересует одно — как бы сэкономить по мелочи”, — Войцех Бышкеневиц, владелец одного из самых современных в мире предприятий по утилизации отходов». (Лешек Костшевский, Петр Мьявчинский, «Газета wyborcza», 4 июля)

• «Роман Ключка (родился в 1954 г.) в середине 90-х основал компанию «Оптимус», крупнейшую компьютерную фирму в Центральной Европе. В 2002 г. он был обвинен в уклонении от налогов, однако была доказана его невиновность; до сих пор неизвестно, откуда вообще взялось то обвинение. Ключка стал символом борьбы с бездушными чиновниками. Потом он оставил бизнес и с тех пор разводит овец, оставаясь одним из самых богатых поляков». («Газета wyborcza», 20 июня)

• «Вот уже девять дней напротив краковского Управления казначейского контроля (УКК) продолжается голодовка предпринимателя Януша Ковалика. В 2005 г. в его офисе появились сотрудники УКК, возбудив проверку деятельности фирмы в течение четырех месяцев 2005 года. (...) В июне 2007 г. была возбуждена проверка деятельности фирмы в течение всего 2005 г., а затем, дополнительно, в течение 2006–2007 гг. Это окончательно добило фирму. Банки отказались ее кредитовать, и фирма объявила о прекращении деятельности. Прошли 2008 и 2009 гг., но УКК и не думает сворачивать процесс. (...) Никаких обвинений УКК предпринимателю не предъявляло, но все искало, за что бы зацепиться, поскольку в ходе проверки фирма обанкротилась и, если обвинения не были бы доказаны, убытки, причиненные фирме, пришлось бы возмещать из бюджета. (...) «Меня полностью уничтожили, что могли забрать — забрали. Теперь я борюсь за свое доброе имя. Есть возможность, что решение УКК будет пересмотрено», — говорит Ковалик». («Жечпосполита», 20 июня)

• «Ян Грудек (...) фермер из-под Еленей-Гуры, покончил с собой, доведенный до отчаяния чиновниками фискального контроля. (...) УКК требовало с него 700 тыс. злотых основного долга, а также проценты в размере 500 тыс. злотых. Кроме заоблачной суммы, также весьма характерно выглядит время возбуждения дела о проверке — непосредственно перед истечением пятилетнего срока давности. Среди предпринимателей эта практика носит название «культивация процентов». (...) «Забрать перед сбором урожая все деньги из хозяйства — значит, просто уничтожить его», — говорит 22-летний сын предпринимателя Патрик». (Барбара Матчук, «Жечпосполита», 26 июня)

• «Вчера правительство объявило, что прогнозируемые убытки доходной части бюджета в этом году могут составить 24 млрд. злотых. Большая часть этих убытков будет покрыта более высоким дефицитом, который необходимо увеличить на 16 млрд. злотых (следовательно, лимит на этот год возрастет на 51,6 млрд. злотых). (...) Однако ревизия бюджета может оказаться под вопросом в силу определенных правовых ограничений». («Жечпосполита», 17 июня)

• «На время работы над внесением изменений в бюджет 2013 г., а также над бюджетом 2014 г. Сейм временно приостановил действие пятидесятипроцентного «порога осторожности», предусмотренного бюджетным законодательством. За это вчера проголосовали 235 депутатов коалиции. Против было 210 оппозиционных депутатов, пятеро воздержались. (...) Только такая мера позволит внести изменения в бюджет этого года, так как соотношение бюджетной задолженности с ВВП превышало предусмотренные законом 50%, а это означало запрет на увеличение дефицита бюджета выше ранее установленных 35,6 млрд. злотых». (Петр Сквировский, «Газета wyborcza», 27-28 июля)

• «“Благо страны важнее блага партии”, — заявил депутат Джон Годсон. Так он объяснил тот факт, что вместе с Ярославом Говином и Яцеком Жалеком нарушил партийную дисциплину «Гражданской платформы» (ГП) во время голосования в первом чтении за внесение изменений в госбюджет». (Марцелина Завиша, «Дзенник — Трибуна», 26-28 июля)

• «Министр финансов утверждал, что уменьшение пенсионных льгот и привилегий для разных социальных групп не стоит на повестке дня. По сути политик высокого ранга расписывается в своем нежелании проводить реформы. (...) А чтобы не реформировать систему и в то же время снизить огромный дефицит в Управлении социального страхования (УСС), залезут

за деньгами в Открытые пенсионные фонды (ОПФ), так как это не влечет за собой серьезных политических потерь. (...) При этом государственный долг вырастет еще больше. (...) Всё явно идет к тому, чтобы переложить ответственность на будущие поколения, снижая сиюминутный политический риск», — проф. Станислав Гомулка («Супер-экспресс», 27 июня)

• «Силовики, шахтеры, аграрии получают пенсии не с того, что они откладывали, — их пенсии формируются за счет дотаций из госбюджета. Из 177 млрд. злотых, потраченных на социальное страхование в 2011 г., аграрии получили 16 млрд. злотых из Кассы сельскохозяйственного социального страхования (1,3 млн. пенсионеров и получателей ренты), 13 млрд. злотых — силовики (380 тыс.) и 13 млрд. злотых — шахтеры (325 тыс.). Это значит, что почти на 25% расходов по социальному страхованию не распространяются нормы, в соответствии с которыми (...) пенсионная система должна самофинансироваться при помощи взносов». (Лешек Костшевский, Петр Мявчинский, «Газета wyborcza», 28 июня)

• «Недееспособные — это лица, которые не в состоянии функционировать без посторонней помощи и относительно которых вступило в силу соответствующее решение суда, отражающее ту или иную степень их недееспособности. В настоящее время их опекуны перестали получать финансовую помощь из госбюджета». («Тыгодник повшехный», 11 авг.)

• «В 2012 г. поляки перечислили в УСС пенсионных взносов на 72 млрд. злотых. В виде пенсий было выплачено 111 млрд. злотых». («Газета wyborcza», 27 июня)

• «Общая квота займа УСС из госбюджета составила 30 млрд. злотых», — Збигнев Дердзюк, президент УСС. («Дзенник — Газета правна», 5 авг.)

• «39% поляков не хотят экономить на пенсии при помощи УСС, желая быть клиентами ОПФ. Таковы результаты опроса «Ното Номіні» от 27 июня. В то же время на монополию УСС согласны 47% респондентов; 13% не определились с выбором». («Жечпосполита», 28 июня)

• «Вице-премьер Яцек Ростовский предложил три варианта реформирования пенсионной системы. (...) Все они рассчитаны на поэтапное сокращение финансовой составляющей открытых фондов и стремительную передислокацию сосредоточенных там денежных средств на спасение бюджета с его растущей угрожающими темпами бюджетной дырой». («Тыгодник повшехный», 7 июля)

- «Ликвидация пенсионных фондов с последующим присвоением сконцентрированных там денежных средств (30 млн. долларов) государством имела место в Аргентине в 2008 году. Аналогичная история произошла в 2010 г. в Венгрии, где государство таким же образом присвоило 13,7 млн. долларов». («Дзенник — Газета правна», 27 июня)

- «Находящаяся на счетах ОПФ солидная сумма в размере 280 млрд. злотых и сегодня, и завтра в состоянии вскружить голову не одному политику. (...) Более половины поляков считают, что взносы в ОПФ — частная собственность. (...) Подобной точки зрения придерживается Евростат, относя накопительную часть пенсионной системы к частному сектору. (...) Верховный суд, однако, занял другую позицию. (...) Следовало бы раз и навсегда прекратить эту дискуссию, чтобы не искушать нынешних и будущих политиков легкими деньгами», — Рышард Петру, председатель Общества польских экономистов. («Газета wyborча», 6 авг.)

- «Уже есть первая фирма, которая после правительственных предложений относительно перемен в ОПФ решила списать на убытки часть инвестиций во Всеобщую пенсионную компанию (акционерное общество, орган ОПФ. — Пер.). Первым инвестором, который провел такое списание, стала американская страховая фирма «Metlife». Свои убытки она оценила почти в 70 млн. злотых». («Дзенник — Газета правна», 7 авг.)

- «В ситуации сравнительно быстрого старения польского социума государственная пенсионная система, основанная на обязательных взносах (налог, который платят работники), не сможет обеспечить пенсионерам приличный доход. Ставка замещения — то есть процентное соотношение пенсии и заработной платы по последнему месту работы — будет неуклонно снижаться: от крайней благоприятных 60–70% до 25–30% в середине столетия. (...) А будет ли в стране действовать одна пенсионная модель или две, ОПФ и УСС одновременно, или только УСС, или только ОПФ — в любом случае это будет модификация обязательной системы, и, если ее внедрять с умом, это сможет повысить размер пенсий. Но только на время. Пенсионная реформа продолжает терпеть неудачу потому, что третья пенсионная модель (Индивидуальные счета пенсионного обеспечения (ИСПО), то есть дополнительные добровольные пенсионные накопления — В.К.) практически не внедрялась, немалые пенсионные льготы отдельных категорий граждан сохранились, а увеличение пенсионного возраста вызывает нешуточное

сопротивление». (Витольд М. Орловский, «Жечпосполита», 21 июня)

- «Целых 55% поляков требуют отставки премьера. (...) За то, чтобы Туск продолжал руководить правительством, высказываются 39% опрошенных. По данным опроса «Номо Номіні» от 5 июля». («Жечпосполита», 8 июля)

- «Доверие президенту Брониславу Коморовскому в июне выразил 71% опрошенных. На втором месте находится Радослав Сикорский, которому доверяют 45% опрошенных. 35% выражают доверие Лешеку Миллеру. Почти такое же доверие поляков (по 32% каждому) заслужили премьер-министр Дональд Туск и председатель партии «Право и справедливость» (ПиС) Ярослав Качинский. По данным ЦИОМа». («Жечпосполита», 26 июля)

- «Проф. Януш Чапинский о результатах свежего общественного диагноза. (...) Впервые за двадцать лет снизилась доля граждан, уверенных в том, что «демократия превосходит все иные разновидности политического строя». В 2011 г. так считало 28% опрошенных. Сегодня же — 25,5%. (...) Тех, кто считает, что демократия как форма правления никуда не годится, два года назад было 3,6%, а сегодня их уже 5,8%. (...) Двадцать лет назад три четверти поляков заявляли, что их постоянные доходы не позволяют им удовлетворить насущные потребности. Сегодня так считает только одна четверть, и это количество имеет тенденцию к сокращению. В 2007 г. так думали 32% населения, два года назад — 26%, а сейчас — 24%. (...) Ключевые параметры (...) политической жизни в определенной степени делят Польшу на два лагеря. (...) С одной стороны — ГП и Союз демократических левых сил (СДЛС), с другой — ПиС и крестьянская партия ПСЛ. Но люди всё чаще оказываются довольны своей жизнью. (...) Два года назад 62% опрошенных считали свои доходы нестабильными. Сегодня — 58%. Ранее 82% поляков беспокоились по поводу своего финансового положения, ныне — 71%. (...) Всё больше людей удовлетворены качеством работы органов управления. Два года назад 51% пытались уладить свои дела в госструктурах при помощи знакомых или иных обходных путей — сегодня это количество снизилось до 45%. Свыше половины опрошенных чувствовали себя перед чиновниками бессильными и униженными — сегодня это 45%. (...) Тем не менее, удовлетворение от положения в стране за последние четыре года снижается. Точно так же, как и оценка реформ, проводимых после 1989 года. Два года назад их критиковали 37%, а теперь уже почти 44%». («Политика», 26 июня — 7 июля)

• «У нас две Польши. «Польша №1» — страна со свободным рынком, демократическая, открытая, предпринимательская, появившаяся в результате реформ 1989 года. И «Польша №2» — бедная, неуверенная в себе Польша бывших совхозов. И «Польша №1» в 2015 г. на выборы не пойдет. Качинский для них — не альтернатива, они его не боятся. Они решили, что между Туском и Качинским разница сугубо эстетическая. (...) И Туск пляшет неизвестно под чью дудку. Там были опасные кретины, а здесь нет государства. И это тоже опасно. (...) Никаких принципов нет и быть не может, словно бы говорят Туск и Ростовский. Раз уж премьер не следует никаким правилам, почему им должны следовать граждане?» — Владислав Фрасынюк («Газета wyborcza», 7 августа)

• «Если бы парламентские выборы состоялись сейчас, на них пришли бы только 36% избирателей, сообщает новый «Общественный диагноз». (...) 35,5% опрошенных симпатизируют партии Ярослава Качинского. ГП поддержали бы 33,8%, а каждый десятый поляк поддерживает СДЛС». (Иоанна Цвек, «Жечпосполита», 27 июня)

• «Поддержка партий: «Право и справедливость» — 34%, «Гражданская платформа» — 26%, «Союз демократических левых сил» — 14%, крестьянская партия ПСЛ — 6%, «Движение Паликота» — 6%, «Новые правые» — 3% (избирательный порог составляет 5%). Целых 43,8% опрошенных не собираются принимать участие в выборах. Бросить свой бюллетень в урну для голосования намереваются 45,7%. Опрос «Номо Номини» от 9 августа». («Жечпосполита», 13 авг.).

• «Парламентарии (...) разговаривают на языке улицы. (...) Нарушают языковые нормы, чтобы втереться народу в доверие. (...) Януш Паликот (...) использует вульгарную, агрессивную риторику. (...) Что бы он ни говорил, у него, к сожалению, гораздо больше шансов лишний раз промелькнуть в СМИ, чем у менее известного политика, который говорит умно, красиво и по делу». (Марек Кохань, «Жечпосполита», 19 июля).

• «Депутат Войцех Пенкальский, 40 лет. (...) В Сейме он входит в Комиссию внутренних дел, занимается поправками в законы о полиции и огнестрельном оружии. (...) В 1997 г. сбил на дороге пешехода. Суд приговорил его к штрафу, но денег никто так и не увидел. (...) Затем Пенкальский попался на угрозах, шантаже и принуждению к даче показаний. Пенкальскому дали 10 месяцев условно с двухлетним испытательным сроком. Год спустя — угрозы с применением оружия и вымогательство. (...) Приговор: полтора года тюрьмы. За избиение Кшиштофа К. Пенкальский получил еще год лишения свободы. (...)

Жестокость и неадекватность Пенкальского в конце концов вынудили суд назначить психиатрическую экспертизу. (...) Медики выявили в личности Пенкальского «признаки психопатии». (...) На свободу он вышел в марте 2003 года. (...) В интервью еженедельнику «Нет» Пенкальский подытожил: «Если бы в Сейме было принято отвечать за свои слова так же, как в уголовной среде, люди бы гордились нашим парламентом». (Михал Кшиминский, «Ньюсуик-Польша», 29 июля — 4 августа)

- Из интервью с депутатом Ярославом Говином. Вопрос: «Свойственен ли полякам более традиционный подход к семейным отношениям?». Ответ: «К счастью, да. В этом смысле поляки обладают определенным моральным превосходством над другими народами Западной Европы». («До жечи», 10-16 июня)

- «Наша главная проблема — молодые люди из неблагополучных семей; именно они становятся орудием в руках националистов. И это чертовски опасно. С одной стороны, эти ребята разочаровываются всё больше, с другой — становятся всё сильнее, так как их вовсю поддерживают политики правого толка», — проф. Мария Ярош. («Пшеглэнд», 29 июля — 4 августа)

- «Около сотни националистов и футбольных болельщиков Силезии сорвали субботнюю лекцию профессора Зигмунта Баумана во Вроцлавском университете. Верховодил хулиганами руководитель местной ячейки «Национального возрождения Польши» Давид Гоншинский и предводитель вроцлавских футбольных фанатов Роман Желинский, автор книги “Как я полюбил Адольфа Гитлера”». (Яцек Харлукович, «Газета wyborcza», 24 июня)

- «Белостокский суд признал, что чиновник пограничной службы, назвавший в Интернете чеченцев «паразитирующей сволочью», «кавказскими бездельниками» и «последователями педофила», не превысил пределов свободы высказываний». («Тыгодник повшехный», 4 августа)

- «Несмотря на то, что конституция запрещает деятельность партий, «возбуждающих расовую и национальную ненависть», была зарегистрирована Партия славянской империи. (...) “Всем известно, кто правит Польшей. Польшей управляют евреи. И мы будем бороться с этими проклятыми евреями”, — заявляет председатель этой партии Ян Кельб». («Жечпосполита», 13 июня)

- «Из года в год растет количество возбужденных прокуратурой дел, связанных со вспышками ксенофобии. В прошлом году их было 362, в 2011 г. — 272, а в 2010-м — 146. (...) Чаше всего объектами ксенофобских нападок становятся евреи (93 дела), чернокожие (58 дел), цыгане (35 дел), арабы (16 дел) и мусульмане (10 дел). Еще два дела касались проявлений агрессии по отношению к Свидетелям Иеговы и силезцам». («Газета wyborcza», 25 июля)

- «Шестеро поляков, среди которых были националисты из крайне правой организации «Фаланга», отправились в Сирию по приглашению сирийского парламента. (...) Националисты участвовали в допросах схваченных мятежников, документируя происходящее, снимая на камеры раненных и связанных узников. Подпись Бартоша Бекира, лидера «Фаланги»: «В ближайшие дни им придется весьма нелегко, но мне кажется, что долго мучиться им не придется». (...) Польский МИД от истории с этой поездкой открестился». (Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 20 июня)

- «Самая главная, несмотря на то что она постоянно пребывает в процессе формирования, организация националистов — Национальное движение (НД) — уже была замечена в соцопросах, набрав среди респондентов 2%. На Фейсбуке у НД более 20 тыс. сторонников (для сравнения, у «Гражданской платформы» — чуть более 40 тысяч)». (Витольд Гловацкий, «Польска», 24 июня)

- «Польше грозит «орбанизация». Орбан — авторитарный националист. Почти как Качинский, только тот гораздо мягче Orbana», — проф. Януш Чапинский («Жечпосполита», 11 июня)

- «Стоило послушать выступление Качинского на последнем съезде его партии. (...) Его речь выдавала неприкрытое стремление отменить разделение властей, ограничить полномочия судов и Конституционного суда. Возникла идея (...) создать какой-то гражданский институт, который будет присваивать научные звания. (...) Всё это висит над нами таким дамокловым мечом, и не нужно обманывать себя, считая происходящее пережитками прошлого», — проф. Анджей Цолль, бывший уполномоченный по правам человека. («Политика», 24-30 июля)

- «Во время вчерашнего визита в Грузию президента Пис Ярослава Качинского тот был награжден орденом Победы Святого Георгия, который Качинскому вручил Михаил Саакашвили. Качинский встретился также с бывшим премьер-

министром Грузии Вано Мерабишвили, находящимся под арестом». («Газета Польска Цодзенне», 31 июля)

- «Состоялся двухдневный визит премьера Грузии Бидзины Иванишвили в Литву и Польшу, которые по праву считаются главными союзниками Грузии среди стран ЕС. Характерно и то, что именно в этих двух странах опасения относительно пророссийской политики их правительств сильны как нигде. (...) Обе страны отчетливо дали понять, что продолжают поддерживать Грузию». (Агнешка Филипьяк, «Газета wyborcza», 20–21 июля)

- «В будущем году дивизионный генерал Януш Боярский станет первым поляком, который возглавит Академию обороны НАТО в Риме. Комендантом этого учебного заведения Боярского избрал Военный комитет альянса». («Жечпосполита», 2 августа)

- «Северо-атлантический блок, который начиная с 1999 г. строит в Польше оборонительные сооружения, необходимые войскам НАТО, ощутимо сокращает инвестиции». («Жечпосполита», 3 июля)

- «Только 20% наших вооруженных сил находятся в боевой готовности, и их можно демонстрировать за границей. Остальное — это, увы, музейные экспонаты», — генерал Роман Полько, бывший начальник подразделения «ГРОМ», бывший заместитель руководителя Бюро национальной безопасности. («До жечи», 10–16 июня)

- «В Афганистане от взрыва мины погиб сержант Ян Кепура. (...) В общей сложности до этого в Афганистане погибло уже 40 польских военных». («Жечпосполита», 11 июня)

- «32-летний старший капрал Лукаш Сточинский, который был тяжело ранен в декабре 2012 г. во время нападения на польский патруль в Афганистане (...) умер в субботу в Военном мединституте в Варшаве. (...) Это 41-й поляк из тех, кто погиб либо непосредственно в Афганистане, либо вследствие полученных там ран». («Польска», 5 авг.)

- «Фоторепортер Мартин Судер был в среду похищен исламистами в городе Сатакиб. Комитет по защите журналистов сообщает, что в прошлом году в Сирии был похищен 21 репортер». («Газета wyborcza», 25 июля)

- «В четверг во время футбольного матча познанского «Леха» с вильнюсским «Жальгирисом» (...) 50 метровый плакат

«Литовский хам, на колени перед польским паном» провисел на трибуне больше часа. (...) Президент Польского футбольного союза Збигнев Бонек принес литовцам свои извинения. (...) Министр иностранных дел Литвы Линас Линкявичюс (...) расценил появление данного транспаранта как разжигание межнациональной ненависти. (...) Мэр Познани Лех Гробельный (...) оставался на стадионе до конца матча». (Людмила Ананникова, Марта Гурна, Петр Лесневский, Богуслав Наврот, «Газета wyborcza», 10–11 авг.)

- «Снова были сняты таблички с литовскими названиями в гмине Пунск. Такое уже произошло летом 2011 г., когда на двуязычных указателях местности литовский вариант оказался закрасен белым и красным. (...) В Подляском воеводстве двуязычные указатели, на этот раз польско-белорусские, установленные два года назад в гмине Орля в окрестностях Бельской-Подляски, тоже оказались жертвой «неизвестных злоумышленников». (Якуб Медек, Агнешка Филипяк, «Газета wyborcza», 2 июля)

- «Судьбоносный меморандум священников Польши и Украины — совместную декларацию о польско-украинском примирении по случаю 70-летия преступления на Волыни — подписали вчера иерархи четырех Церквей: римско-католической и греко-католической в Польше, греко- и римско-католической на Украине». («Газета wyborcza», 29–30 июня)

- «Инициаторами польско-украинской встречи, прошедшей в минувшую субботу в Павловке на Волыни, были ученые, общественные деятели и журналисты обеих стран. В Павливке 11 июля 1943 г. украинские националисты убили около 200 поляков. В воскресенье участники встречи посетили Сагрынь на Холмщине, уже с польской стороне границы. Там в марте 1944 г. вооруженные отряды польского подполья сожгли около двухсот жителей этой деревни, в большинстве своем — украинцев». («Газета wyborcza», 8 июля)

- «После склок и перебранок, выглядевших проявлением абсолютного неуважения к 130 тысячам жертв резни на Волыни, Сейм принял заявление по поводу 70-летия волынской трагедии. (...) В тексте документа она была названа этнической чисткой с признаками геноцида». (Мачей Валащик, «Наш дзеньник», 13–14 июля)

- «Голосование по заявлению об увековечении памяти «ста тысяч поляков, погибших 70 лет назад от рук УПА», происходило между дебатами об НДС на сталелитейную продукцию и голосованием относительно запрета на

ритуальный убой животных в Польше». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 13–14 июля)

• «Из письма 148 украинских депутатов маршалу Сейма Эве Копач: «Мы считаем, что развитие и укрепление дружбы и взаимопонимания между народами Украины и Польши невозможно без сохранения памяти о сотнях тысячах невинных граждан — белорусов, поляков, евреев, цыган, русских, украинцев, — погибших во время резни на Волыни. Мы не сможем себе этого простить. К сожалению, на Украине факт массовых убийств часто замалчивается. (...) В стране растут ксенофобские, антисемитские и неонацистские настроения — и люди с такими взглядами представлены сегодня в Верховной Раде Украины. (...) Люди не знают правды о тех страшных событиях. За пять лет президентства Виктора Ющенко из учебников истории были выброшены сотни свидетельств о преступлениях украинских коллаборационистов во время Второй Мировой войны. (...) Поэтому именно сегодня необходимо сказать всю правду об истинном облике украинского национализма». («Пшеглэнд», 22–28 июля)

• «Президент Бронислав Коморовский заявил о своем намерении посетить Луцк в связи с годовщиной трагических событий на Волыни. 70-летие волынской резни, однако, обойдется без участия президента Украины Виктора Януковича». («Газета wyborcza», 4 июля)

• «“Я очень благодарен за то, что мы смогли вместе произнести эти слова молитвы: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим»”, — заявил президент Бронислав Коморовский во время официальных мероприятий в Варшаве. Не хватало только специально приглашенного посла Украины Маркияна Мальского». (Павел Маевский, «Жечпосполита», 12 июля)

• «Памятник жертвам волынского преступления представляет собой семиметровый крест, окруженный 18 досками с названиями 2138 населенных пунктов на Волыни и в восточной Малопольше, жители которых погибли от рук палачей из ОУН и УПА. (...) «Отдавая дань памяти убитым полякам, не будем также забывать о погибших украинцах и других жителях юго-восточных окраин Польши, ставших жертвами волынского преступления», — сказал президент Бронислав Коморовский. («Газета wyborcza», 12 июля)

• «В подкарпатском Радымно состоится реконструкция волынской резни. (...) «Всё это выглядит примерно как

реконструкция сожжения людей в печах крематория или погрома в Едвабне», — считает историк проф. Анджей Пачковский. («Газета wyborcza», 17 июля)

• «Союз украинцев Польши обратился в муниципалитет Радымно и воеводское управление Подкарпатья с просьбой отменить субботнюю реконструкцию волынской резни. Особое беспокойство обратившихся вызывает тот факт, что проведение реконструкции запланировано на тех самых землях, на которых в 1944–1947 гг. совершались массовые преступления против польских граждан украинского происхождения. В качестве примера приводится история села Малковице, где 17–18 апреля 1945 г. отряд Романа Киселя (известного также под кличкой «Сип») убил 116 украинцев. Недалеко от Радымно находятся также другие села, где происходили массовые убийства украинцев: Копытники, Скопов, Бахов, Бжузка, Люблинец, Пискоровице. «Значит ли это, что украинская община должна устраивать «реконструкции» убийств жителей тех или иных местностей польскими вооруженными формированиями? Куда заведет нас и польское большинство эта дорога?» — спрашивают представители Союза украинцев Польши». («Газета wyborcza», 19 июля)

• «После удавшейся «реконструкции» сожжения польской деревни на Волыни спустя год необходимо будет «реконструировать» уничтожение деревни в Галиции. На Украине в качестве ответного жеста готовится «реконструкция» сожжения украинской деревни на Холмщине к 70-летию антиукраинской акции польского подполья на этой территории». (Мирослав Чех, «Газета wyborcza», 3–4 августа)

• «Когда под Радымно на Подкарпатье состоялась «реконструкция» волынской резни (...) в это же самое время в сорока километрах от Радымно волонтеры из общества «Магурыч» поднимали втоптаные в землю немецкие, еврейские и украинские надгробия. В разгаре пора отпусков, а они уже восстановили 161 могилу в Лувче, Маковой и Рыботычах. И сейчас собираются в Поляны-Суровичные, чтобы отремонтировать там лемковскую колокольню — всё, что осталось от сожженной когда-то деревни». (Рената Вашкилевич, «Впрост», 5–11 августа)

• «Тысячи украинцев спасали полякам жизнь во время резни на Волыни. (...) Известно более чем о тысяче таких случаев, которые зафиксировал, беседуя с уцелевшими, историк Института национальной памяти Ромуальд Недзелько. Но его «Окраинная книга праведников 1939–1945 гг.» охватывает

только одну пятую территорий, на которых происходили массовые убийства. Украинские соседи спасли на этих землях жизни нескольких тысяч поляков, а около четырехсот украинцев были убиты за оказание полякам помощи». («Газета выборча», 22–23 июня)

• «До сих пор не пересмотрен лексикон, описывающий историю Первой и Второй Речи Посполитой, которая в контексте польско-украинских взаимоотношений была историей агрессивной захватнической политики. (...) Польша была страной-агрессором. Кто в Польше отдает себе в этом отчет? Кто-нибудь собирается извиняться?» — Славомир Сераковский, главный редактор «Критики политической». («Газета выборча», 22–23 июля)

• «Существует огромная асимметрия в элементарных представлениях о том, что произошло на Волыни. На Украине большинство людей вообще ничего об этом не знает. (...) Волыни до сих пор нет ни в украинских учебниках, ни в телепередачах. (...) Так что у простых украинцев нет никаких возможностей узнать, что же там на самом деле происходило. Этот дефицит информации объясняет довольно странную украинскую реакцию на ожидания поляков, что Украина будет чтить память жертв волынской резни», — украинский историк Андрей Портнов. («Тыгодник повсехный», 14 июля)

• «В приграничных поветах поляки массово регистрируют автомобили наших восточных соседей. И берут за это 600 евро. Есть случаи, когда один наш гражданин оказывается собственником 400 машин. Благодаря этому украинцы пересекают границу, не платя никаких пошлин. Регистрация автомобиля в Польше также значительно облегчает передвижение по территории ЕС». («Жечпосполита», 24 июня)

• «Несмотря на то, что для пересечения границы с Польшей украинцам нужна виза, а в Россию они могут въезжать на основании обычного гражданского паспорта, в первой половине 2013 г. украинцы охотнее ездили в Польшу. (...) С января по июнь 2013 г. украинцы въехали на территорию Польши 3,2 млн. раз, что на 600 тыс. больше, чем за аналогичный период прошлого года. В это же самое время количество въездов в России выросло с 2,8 до 2,9 млн., сообщает “Украинская неделя”». (Михал Потоцкий, «Дзенник — Газета правна», 8 авг.)

• «В конце 1980-х СССР согласился на выезд евреев в Израиль, но выезд неофициальный. (...) Премьер-министр Тадеуш Мазовецкий «дал зеленый свет», а польская компания «ЛОТ»

согласилась предоставить аэропорт. Однако формальных процедур для проведения этой операции, одной из самых рискованных в истории польских спецслужб, не существовало. Ни израильские, ни польские спецслужбы не могли сделать этого на законных основаниях. (...) Компания «Арт Б» помогла деньгами, а также обеспечила непосредственную логистику. В качестве охранников выступил польский спецназ. (...) Поляки забирали евреев в Тересполе и отвозили на автобусах в аэропорт Окентье к самолетам, вылетающим в Тель-Авив. Несмотря на попытки палестинских террористов, пытавшихся помешать операции и взорвать самолет, было успешно перевезено 60 тыс. человек», — Анджей Гонсёровский, один из основателей и совладельцев компании «Арт Б». («Газета wyborча», 18 июля)

- «Десятки людей собрались в среду на том месте, где 72 года назад поляки из деревни Едвабне заживо сожгли не меньше нескольких сот своих соседей-евреев. Перед заупокойной молитвой прозвучали имена и фамилии жертв, которых удалось опознать. «Таким символическим образом мы возвращаем каждому из них его доброе имя и индивидуальность», — сказал свящ. Войцех Леманский, каждый год приезжающий в эти дни в Едвабне». («Газета wyborча», 11 июля)

- «О. Войцех Леманский лишился поста настоятеля в Ясенице 5 июля в девять вечера — архиепископ Хозер своим распоряжением отстранил его от прихода. В пятницу священник обжаловал это решение». (Томаш Кшижак, «Жечпосполита», 16 июля)

- «О. Войцех Леманский рассказал о разговоре, якобы состоявшемся с архиепископом Генриком Хозером в 2010 году. (...) «Архиепископ высказывался относительно евреев в целом, говорил о нежелании иметь с ними что-либо общее и о том, что это та среда, контакты с которой нежелательны», — подытожил о. Войцех. «Вдруг он довольно резко спросил меня, делал ли я обрезание. Я потерял дар речи. Спросил, дескать, как вы можете, о чем вообще речь? А собеседник спокойно, взвешенно, я бы даже сказал, отрепетированно, повторяет вопрос: “Делали ли вы обрезание, принадлежите ли вы к этому народу?”», — рассказал явно взволнованный свящ. Леманский. И объяснил, почему он так болезненно это воспринял. “Когда о таких вещах меня спрашивает пьянчужка у магазина, я воспринимаю это спокойно. Но когда так со мной разговаривает человек, к которому я обращаюсь «отче», то у меня это не укладывается в голове. Может быть, для отца

архиепископа этот вопрос ничего не значит, но ведь столько людей лишилось жизни из-за того, что были обрезаны”»
Комментируя обвинения свящ. Леманского, Варшавско-пражская курия назвала их абсурдными. (Катажина Вишневская, «Газета выборча», 12 июля)

• «На протяжении нескольких лет прихожане стоят за своего настоятеля (свящ. Леманского) стеной — и всё пытаются выяснить у архиепископа, почему на их ксендза сыплются одно за другим. Курия между тем ничего им не объясняет, вообще не собираясь разговаривать с людьми. Это неуважительное отношение архиепископа к мирянам больше говорит о польской католической Церкви, чем истинная причина конфликта — довольно постыдная сама по себе». (Мартин Держановский, «Впрост», 21 июля)

• «“Относительно дела о. Войцеха Леманского и его архиепископа. В Руанде, где архиепископ Генрик Хозер провел 21 год, я встречал множество польских миссионеров, которые были антисемитами и расистами. Презрительные шуточки по адресу африканцев и их жен не сходили у миссионеров с уст. Теперь я начинаю понимать, в чем дело. Это всё та же публика, всё та же школа”, — Войцех Тохман, автор книги о Руанде “Сегодня мы нарисуем смерть”». («Газета выборча», 18 июля)

• «Выиграй билет на встречу с целителем. Хочешь встретиться с о. Джоном Башоборой (67 лет), священником-целителем из Уганды и ощутить чудотворную силу молитвы? (...) Благодаря газете «Супер-экспресс» ты можешь получить пригласительный билет на это выдающееся событие. (...) Билеты расхватали в мгновение ока. Но у читателей «Супер-экспресса» есть шанс увидеть целителя. Им нужно только прислать нам по электронной почте письмо, объяснив, почему они достойны оказаться на стадионе». («Суперэкспресс», 27 июня)

• «“Мы сразу говорим, что на самом деле событие организовано Иисусом, и это по Его воле в богослужении примет участие так много людей”, — говорит Катажина Матеуш, пресс-секретарь мероприятия». («Жечпосполита», 3 июля)

• «Башобора на Национальном стадионе. Билеты по 20 и 40 злотых заказали свыше 57 тыс. человек. (...) На «встречу с Иисусом» в Варшаву едут больные со всей страны. Событие организовала варшавско-пражская курия, информируя в интернете, что встреча носит религиозный характер». («Тыгодник повшехный», 7 июля)

• «“Мне кажется, если бы Христос в тот день купил билет, попав таким образом на стадион (ведь чудес не бывает — без билета Его просто не пустили бы), то он выгнал бы оттуда всех взащей вместе с экзорцистом и его товарищами по работе во главе с варшавско-пражским архиепископом Генриком Хозером”, — Станислав Тым». («Политика», 10–16 июля)

• «Архиепископ, отозвавший Войцеха Леманского, человек большого ума, привез к нам шамана. Я ничего не имею против шаманов, и если они помогают людям, которые им поверили, то это замечательно. (...) Но когда его приглашает архиепископ, который перед этим разжаловал и унизил замечательного священника, — извините, но ощущение такое, что кто-то пытается изрядно насмешить Господа Бога», — Стефан Братковский («Политика», 24–30 июля)

«Концессия для телеканала «Трвам». Телецентр о. Рыдзыка вошел в состав мультиплекса цифрового вещания». («Тыгодник повсехный», 14 июля)

• «На Ясной Горе заседали экзорцисты со всей Европы. (...) В течение последних полутора десятков лет количество экзорцистов в польских епархиях выросло с четырех до ста двадцати. Точного количества одержимых епископат не сообщает». (Бартломей Романек, «Польска», 15 июля)

• «“Обрекать на предсмертные муки разумные существа, которых мы убиваем ради наших потребностей, — это кошмарное злодеяние”, — ученые, деятели искусства и журналисты обращаются к депутатам Сейма с просьбой отклонить законопроект о ритуальном убое животных». («Газета wyborча», 12 июля)

• «“Животные абсолютно бесправны, и говорить о каком-либо уважении к ним тоже не приходится”, — Збигнев Ставровский, профессор Университета им. кардинала Стефана Вышинского и директор Института мысли Юзефа Тишнера». («Жечпосполита», 17 июля)

• «“Разница между душой животного и душой человека колоссальна, словно между небом и землей. (...) В отличие от человеческой души, которая бессмертна, душа животного гибнет безвозвратно, когда животное умирает. Поэтому в раю животных не окажется”, — на портале Katolik.pl хорошие новости сообщает о. Гжегож Б. Блох (францисканец). (...) Что бы произошло, если бы человек думал о своем отношении к животным в тех же этических категориях, что и об отношении

к ближним?» — Агнешка Совинская. («Газета wyborcza», 4 июля)

- «Закон об охране животных гласит: “Животное, будучи одушевленным существом, способным испытывать страдания, не относится к разряду вещей. Человек обязан уважать животных и заботиться о них”». («Дзенник — Трибуна», 17 июля)

- «На своем заседании 12 июля 2013 г. Сейм сохранил запрет на ритуальный убой животных. (...) В ходе дискуссии многие депутаты проявили максимальный оппортунизм, игнорируя нормы права, а также наши обязательства перед ЕС. (...) Нельзя, с одной стороны, руководствоваться высшими стандартами охраны животных, чтобы произвести впечатление на Еврокомиссию, а с другой — заигрывать с электоратом, одобряя ритуальный убой животных. (...) Долгое время казалось, что животные тоже падут жертвами деструктивной политической игры, затеваемой с оглядкой на соцпросы и ближайшие выборы. К счастью, этого не случилось, но ситуация с ритуальным убоем наглядно послужила очень тревожным и болезненным сигналом того, как далеко может зайти польский политик под влиянием мощных лобби, циничных сделок и партийных перестановок», — проф. Томаш Тадеуш Концевич. («Жечпосполита», 19 июля)

- «Легальный в Польше хозяйственный убой скота не ставит своей целью минимизацию страданий животного, будучи направлен на экономию времени и расходов владельцев животноводческих хозяйств, поскольку тем в случае запрета хозяйственного убоя пришлось бы возить животных на бойни. Тем не менее хозяйственный убой не был запрещен Сеймом. Легальным остается и домашний убой карпов, благодаря которому покупатель может быть уверен, что он покупает свежий (то есть живой) товар. Таким образом, недопущение обмана потребителей имеет приоритет по сравнению с охраной благополучия и здоровья животных. Так что победа «порядочных людей» заключается в том, что с 11 июля этого года польская правовая система ставит удовольствие от причинения животным страданий, выгоду и экономию сбережений фермеров, а также защиту прав потребителей значительно выше свободы вероисповедания», — Давид Варшавский. («Газета wyborcza», 16 июля)

- «Израильский МИД назвал «возмутительным» факт отклонения польским Сеймом законопроекта, разрешающего ритуальный убой животных. (...) В ответ премьер Дональд Туск

заявил, что реакция израильского МИДа как минимум неуместна». («Жечпосполита», 16 июля)

- «Либеральные демократии не могут согласиться на то, чтобы отдельные социальные группы ограничивали права человека лишь потому, что они верят в открывшуюся им истину. Это касается и права всех живых существ избегать страданий. (...) Принцип ограничения излишних страданий начинает распространяться и на животных», — Лешек Яжджевский, главный редактор «Liberté!». («Жечпосполита», 17 июля)

- «Я лично очень жалею, что в момент, когда Господь Бог передавал людям десять заповедей, Он выразился столь лаконично, написав «не убий». Надо было добавить слово «никого», подчеркнув, что нельзя убивать не только людей», — Шевах Вейсс, бывший посол Израиля в Польше. («Польска», 19–21 июля)

«Современная мясная промышленность причиняет животным тяжелые и продолжительные страдания. И когда мы сосредотачиваемся исключительно на том, чтобы сделать убой животного быстрым и не слишком болезненным, то тем самым отвлекаем внимание от страданий, на которые мы обрекаем животное в течении всей его жизни», — Давид Исхай. («Жечпосполита», 24 июня)

- «Жизнь животного в хозяйствах мясной отрасли еще страшнее, чем смерть, неважно, причиняется ли та ритуальным или обычным способом. (...) “Нас скоро будет девять миллиардов, а то и больше. Как прокормить столько народу? Мучая и убивая биллионы животных”, — проф. Анджей Эльжановский». («Газета wyborча», 17 июля)

- «Люди во всем мире подчинены своим ложно понятым экономическим интересам. (...) Увы, но нас ждет цивилизационная катастрофа. Природные ресурсы иссякают с пугающей скоростью», — Радослав Гавлик, депутат Сейма с 12 летним стажем, бывший вице-министр защиты окружающей среды, природных ресурсов и лесного хозяйства. («Дзике жиче», апрель)

ПАГУБНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

В начале августа публика на молодежном фестивале «Остановка Вудсток» и телезрители по всей Польше замерли от изумления, когда во время передававшегося в прямом эфире выступления пары популярных журналистов телекомпании TVN на сцену забрался странный тип (как потом оказалось, приверженец праворадикальных взглядов) и, показав листок с надписью «TVN лжет», начал избивать одного из выступавших.

Собственно, трудно сказать, чем конкретно насолил ему потерпевший. Видимо, дело было в его творчестве в целом и в отсутствии соответствующей позиции. Он ведь, вместо того чтобы, преклонив колени, славить гений лидеров правого крыла, иронизирует и насмехается над ними. Тут без вопросов – в такой ситуации непременно в морду. Впрочем, не только ему – в последующих интервью бульварной прессе злоумышленник перечислил немало фамилий известных либеральных публицистов и журналистов, которым тоже не мешало бы начистить рыло.

Комментаторы правых СМИ не написали напрямую, что агрессор был прав и что они его поддерживают, так как, несмотря ни на что, восхвалять насилие – это глупо. Тем не менее они постарались преуменьшить его вину, используя схему, известную из дискуссии об изнасилованиях: жертва сама виновата, так как носила слишком короткую юбку и провоцировала насильника. Не была бы телекомпания TVN пристрастной, тогда бы и ее публицисту не досталось.

У выходцев из среды бывшей антикоммунистической демократической оппозиции есть проблемы с пониманием феномена современной польской ненависти, более сильной сегодня, чем в 1980-е. На самом деле непонятно, почему психологическая пропасть, которая разделяет конкурентов, участвующих в демократической политической игре в свободной Польше, намного глубже той, что разделяла в те времена оппозиционеров и членов компартии.

Тогда, конечно, случались политические убийства, но функционеры спецслужб совершали их не из ненависти, а с холодным расчетом ради достижения политических либо

социотехнических целей. Их двигателем была не стихийная эмоция, но циничная калькуляция.

В конце эпохи ПНР средний член «Солидарности» и средний сторонник коммунистической власти испытывали взаимную неприязнь, смотрели друг на друга с пренебрежением – но между ними не было того агрессивного презрения и жгучей ненависти, которая сегодня разделяет в Польше лагерь правых из Пис и либералов из «Гражданской платформы». Благодаря этому в 1989 г. стала возможной встреча противников за «круглым столом» и выработка компромисса, который, в конечном счете, привел к обретению Польшей свободы. Сейчас трудно представить себе какой-либо компромисс между враждующими сторонами.

В попытках опознать источники этой ненависти и презрения комментаторы чаще всего указывают на экономический кризис, который нарушил у среднего поляка ощущение безопасности. Однако такое объяснение выглядит слишком простым. Это не первый и не самый глубокий кризис из тех, что до сих пор пережили поляки. Сопутствующие ему трудности и неудобства – цветочки по сравнению с тем, с чем столкнулась Польша и вся Центральная и Восточная Европа в самом начале 1990-х, когда рухнула социалистическая модель экономики, государственные предприятия разорялись одно за другим, безработица достигала почти 20%, а гиперинфляция пожирала содержимое кошельков в устрашающем темпе. Вот тогда был кризис, если рассудить. Сегодня это не кризис, а так, шуточки. Однако же именно теперь у нас самый высокий уровень негативных эмоций в общественной жизни. Загадка, да и только!

Этот феномен дает о себе знать не только в Польше. Все чаще и в других европейских странах случаются инциденты, которые еще несколько лет тому назад невозможно было себе представить. К примеру, первая чернокожая женщина-министр в итальянском правительстве, занявшая свой пост в апреле этого года, непрерывно становится жертвой расистских нападок. Сам вице-председатель Сената Роберто Кальдероли из правой «Лиги Севера» изволил выразить мнение, что госпожа министр напоминает орангутанга. Недавно сторонники правых забросали ее бананами, когда она произносила речь.

Откуда берутся столь недобрые эмоции и такое презрение? Может быть, объяснение следует искать не в политике и экономике, а в климате. В последнем номере «Сайенс» ученые из США обнаружили заметную корреляцию между ростом температуры и количеством конфликтов. Они даже

подсчитали, что если среднемесячная температура в США превышает норму на 3 градуса, то число ссор с применением насилия увеличивается на 4%, а количество более серьезных конфликтов, например, массовых беспорядков, вырастает на 14%.

Похоже, эта закономерность проявляется не только в человеческих сообществах. В конце июля газета «Индепендент» сообщила, что на британскую туристку и ее собаку напала стая кошек и сильно их покусала. 31-летняя женщина спокойно гуляла с пуделем неподалеку от леса в Бельфоре на западе Франции – и вдруг на нее набросилось шесть агрессивных кошек. Они сбили с ног ее и пуделя, а затем опасно поранили их, перекусив британке артерию. Ее спасло срочное хирургическое вмешательство. Пудель с серьезными повреждениями попал в ветеринарную клинику.

«Это очень необычное и беспокоящее происшествие», – прокомментировал представитель местной полиции, а британская газета предположила, что причиной нападения было усиление жары, от которой у кошек помутилось в голове.

Так что, уважаемые господа, порадуемся тому, что лето уже позади, но будем сохранять бдительность. Даже в сентябре случаются довольно теплые деньки, поэтому на всякий случай внимательно следим за термометром, особенно, если дома у нас имеется кошка или правый активист.

«ГЕДРОЙЦ СНЯЛ С МЕНЯ ОБУЗУ»

(Из книги «Упражнение в невозможном», Варшава, 2012)

«Милая пани, с удовольствием помогу Вам. Только сразу предупрежу, что (...) мои отношения с Ежи Гедройцем были, скажем так, специфическими».

Июль 2006 г., в Польше объявлен Год Гедройца. Я прошу Леопольда Унгера, чтобы он пояснил фразу, которую любил повторять: Гедройц и парижская «Культура» — это самое большое его приключение, профессиональное и человеческое.

Он написал в ответ: «Отдаленность, редкие встречи, скорее случайная переписка (...). Международные проблемы не были для Г. приоритетными (...). Отсюда, несмотря на его глубокую симпатию ко мне и признание моей „прозы“ (...), мои отношения с Г. нельзя сравнить с теми, какие были у него с Котом [Константы А. Еленским], Герлингом (до некоторых пор) или прежде всего с Меровским. С точки зрения Е.Г., я двигался по периферии».

«Проза» Унгера в «Культуре» — это рубрика «Взгляд из Брюсселя»: около двухсот писем, которые публиковались с апреля 1970 г. по последний номер ежемесячника, вышедший в октябре 2000 года. Он придумал ее по образцу «Английской хроники» Юлиуша Меровского, автора программных текстов «Культуры». Меровский подписывался «Лондонец», Унгер — «Брюсселец», но на этом сходство заканчивается. «Меровский был идеологом, в каком-то смысле философом политики, в особенности польской политики, — объяснял Унгер впоследствии, — а я наблюдатель и аналитик международного положения».

Брюсселец, мастер пронизательного комментария, приправленного иронией, смотрел на Польшу с перспективы мировых процессов и со стороны механизмов большой политики, такова была его «периферия».

Гедройц скажет: «Он не заменил Меровского и никогда на это не претендовал. Но благодаря Унгеру проблематика, которую затронул Меровский, осталась после его смерти в

„Культуре”, причем раскрывается она компетентно, остроумно и в полный голос».

— У меня с Гедройцем были очень теплые отношения, хотя они никогда не были близкими, — рассказывал мне Унгер. — Он боялся близости.

В письмах Унгера к Гедройцу редактор появляется как пан Директор, Уважаемый пан Председатель, Ваше Превосходительство, пан Начальник, Преосвященный Шеф, который непременно будет канонизирован «как герой социалистического труда». Но это внешняя сторона. Пишут они друг другу по существу.

Может ли Унгер организовать акцию давления на бельгийских докеров, чтобы заставить их отказаться разгружать польские корабли, до тех пор пока арестованные в Гданьске не будут отпущены? (1970). Пусть на страницах «Суара» и «Интернэшнл геральд трибюн» убедят, чтобы Общий рынок — «из этих своих излишков, с которыми не знает, что делать», — передал детям в Польше «необходимое количество» мяса, масла и молока (1984). Сделать интервью для «Суара» с Ельциным. Добраться до шефа Моссада. Летят команды... В письмах Унгера нет и тени бунта, как в письмах Милоша или Гомбровича.

— Гедройц выжимал последние соки из других, вот автократ, да?! Эту диктаторскую сторону преувеличивают, — говорил мне Унгер. — Он редактировал журнал в условиях абсолютно невозможных. Если бы не его упорство, из «Культуры» ничего бы не вышло.

Методы стимулирования, заговаривания и обольщения, которые Гедройц применял к «своим Норвидам», Унгер назвал «полифонической процедурой» и остроумно разделил на несколько видов. Поглаживать против шерсти, одобрять, подзадоривать, иронизировать, пускать сентиментальную нотку. Сквозь эти виды тактики проглядывали иногда настоящая горечь и разочарование в свободной Польше. «По-прежнему ли хочет Унгер писать в загибающемся журнале одряхлевшего старика?» — спрашивал редактор в 1995 году. За два года до смерти он признался: «Я сейчас чувствую себя догорающей свечой, т. е. должен со всем спешить...» Так откровенно в то время он не писал даже Милошу.

Почти прямо из-за стола секретаря редакции официального «Жича Варшавы», с коротким перерывом на мартовские изгнанные процедуры, Унгер появляется на страницах «Культуры», самого значительного в эмиграции центра

переустройства ПНР. Он подчеркивал парадоксальность этого крутого поворота. Гедройц дал ему шанс профессионально реабилитироваться, «сбросить с себя колоссальную ношу» (рассказывал он в фильме «Плот „Культуры”» Адама Кучинского, 1996). Вместе с тем «Культура» возвышалась. Через ее ворота попадали в журналистскую аристократию.

Но когда Стефан Киселевский прочел в Варшаве первый текст Унгер в апрельском номере, он взъелся на Гедройца. Новых приезжих из Польши тот «печатает без разговоров, а ведь они хлопчут о каких-то своих варшавских интересах (...) долгие годы они преданно служили партии и правительству и ушли не сами по себе, а только когда их выгнали. Разве это авторитеты в решении нашей политической ситуации?» — спрашивает Кисель. Они создают односторонний образ, так как «маниакально» акцентируют расизм. И заканчивает: «Ну что ж, Его Величество любит еврейские вопросы».

Унгер в фильме: «Гедройц попадал потом в большие „перепалки” по моей вине, приходили разные письма, протесты, из которых можно было бы составить увесистый том доносов». Под конец 1970 г. Зыгмунт Херц, сотрудник Гедройца, рассказал Милошу о чьем-то визите в Варшаву. Просматривая декабрьский номер, гость отмечает: «Обрати внимание на перечень фамилий — это вам выйдет боком, если говорить о читателях из Польши: Шенфельд, Гринберг (...) Унгер!». Комментарий Херца в письме к Милошу: «С души воротит».

Автобиографию Унгер назовет «Чужак».

«Обрезанных не берут», — услышал он в коридоре польского консульства в Бухаресте, когда в начале войны пытался попасть в польскую армию, формирующуюся во Франции.

1943 год. Бухарестская вила, место интернирования министра иностранных дел Второй Речи Посполитой Юзефа Бека. Его жена пригласила Унгера на сочельник. Трое других польских студентов отказались, так как «не могут сесть за праздничный ужин вместе с евреем». Его родители погибли в львовском гетто.

1967 год. Унгер выгнан из «Жича Варшавы» в начале антисемитских чисток.

— Проблемы идентификации для Гедройца не существовало, — говорил мне Унгер. — Он считал, как Сартр, что тот еврей, кто хочет им быть. Происхождение не было для него причиной, позволяющей или не позволяющей отнять голос. Это был

самый неподкупный противник польской националистической фобии.

В фильме Унгер объяснял: «Гедройц и „Культура” не были для меня символом исключительно хорошей, новой Польши, они были символом новой модели человечества. В великосветском споре между свободой и несвободой, между тоталитаризмом и демократией я примкнул к той стороне, которую считал правильной и справедливой».

Он нашел для меня время в сентябре 2006 года. Я провела уже много бесед о «Культуре» и ее создателях, но ни одна не была такой драматичной, как беседа с Брюссельцем.

У Гедройца Польша не получилась, отметил он с горечью. А может, такая, какую он себе придумал, не может существовать? — размышлял он. Он рассказывал о модели государственного мышления, которую Гедройц предлагал полякам и которая была ему близка. Интересы Польши превыше всех внутренних партийных интересов, общественное положение, избавление от всяческих фобий, национализма, клерикализма, вмешательства Церкви в политику, построение гражданского общества; дружественное отношение к национальным меньшинствам и соседям.

Поляки, по мнению Унгера, эту модель отвергли.

По большому счету Гедройц выиграл во всем. Польша в Евросоюзе и в НАТО. Но даже самое плохое мнение Гедройца о поляках было лучше того, какими они оказались.

— Настолько сильного эндекоидального (от польск. «эндек» — национал-демократ. — Пер.) возврата в сознании поляков Гедройц не мог предвидеть, хотя и был большим пессимистом, — говорил Унгер. — Успех «Радио Мария» — это дискредитация значительной части работы «Культуры». Мышление поляков по-прежнему определяет приход.

И увлекся: «Это и мои похороны, так как я посвятил „Культуре” часть своей жизни. Но если в вузах или школах нет занятий по „Культуре”, то каким образом молодые люди должны познакомиться с ее наследием? Пришел ко мне молодой журналист, который хочет делать газету для поляков за границей. Он понятия не имел о „Культуре”. Спрашиваю: „А моя фамилия вам о чем-нибудь говорит?” — „Нет”. Сегодня „Культура” фигурирует в рубрике „Некрологи”, и это расточительство лучшего капитала, с которого поляки могли бы стричь купоны».

— «Культура» должна лежать на столе каждого преподавателя истории и журналистики, — закончил Унгер.

В последние годы «Культуры» он признавал, что у нее немного читателей, но это еще не повод для ее закрытия. Не всё в жизни должно иметь практический смысл.

Собственный путь он определил кратко: двадцать лет к востоку от железного занавеса, двадцать — к западу, двадцать — после его падения.

Один из текстов о редакторе заканчивается сценой, которой только предстоит произойти. Кто-то спрашивает, кто такой был Унгер. Ему отвечают:

— А, это тот, который писал для Гедройца.

«Этого мне, уверяю вас, вполне хватит».

ВОСЬМОЙ СБОРНИК СТИХОВ НАТАЛИИ АСТАФЬЕВОЙ

Восьмой сборник стихов Наталии Астафьевой вышел после девятилетнего перерыва в серии «Сто стихотворений» московского издательства «Прогресс-Плеяда». Название серии и название самого сборника совпадают. Книгу составляют тексты, написанные в течение 65 лет. Самый старый из них озаглавлен «Лето 1947», самый «молодой» появился на свет 13 августа 2012 г., но в основном это произведения последних пяти лет. Тем не менее уже сам временной охват внушает уважение. Шестьдесят пять лет творческой жизни — это почти две трети столетия, а ведь многим русским поэтам не посчастливилось дожить и до пятидесяти, да что там — даже до сорока. К Астафьевой, польке по происхождению и русской поэтессе по призванию, судьба в этом смысле оказалась исключительно благосклонна. Впрочем, и не только в этом смысле. Она наделила ее выдающимся поэтическим и переводческим талантом и прочно вписала ее имя на страницы истории русской литературы.

Наталия Астафьева родилась в 1922 г. в Варшаве, в интеллигентной польской семье дворянского происхождения. Из-за политической деятельности отца, социалиста, а затем коммуниста Ежи Чешейко-Сохацкого семья в 1931 г. переехала в Москву, где Наташа пошла в советскую школу. Русский был ее третьим языком — после польского и немецкого, с которым она соприкоснулась во время пребывания в Германии, куда после потери депутатского иммунитета эмигрировал отец вместе с семьей — в Польше его преследовали за принадлежность к объявленной тогда вне закона компартии. Самоубийство отца, выпрыгнувшего из окна Лубянки, арест, ссылка и затем приговор матери к лагерям оставили неизгладимый отпечаток на судьбе Наталии. Увековечить память о трагической судьбе самых близких стало делом ее жизни. Обоим родителям посвящено множество ее незабвенных, трогательных и потрясающих строф.

Из-под пера Астафьевой вышло восемь сборников стихов и бесчисленное множество переводов польских поэтов. Ее переводы печатались на страницах главных литературных журналов. Вместе с мужем, Владимиром Британишским, в 2000

г. она издала двухтомную антологию польской поэзии «Польские поэты XX века», насчитывающую 960 страниц. В 2002 г. она как переводчик и редактор подготовила антологию «Польские поэтессы», куда вошли стихотворения 28 авторов — от Казимиры Завистовской до тогда двадцатилетней Марты Подгурник. Ее переводы публиковались как в других советских и российских антологиях польской поэзии, так и в отдельных сборниках таких крупных авторов, как Леопольд Стафф, Ярослав Ивашкевич или Мария Павликовская-Ясножевская. За неоценимые заслуги в деле популяризации польской литературы в Советском Союзе, а затем и в России Наталия Астафьева удостоилась премии польского ПЕН-клуба и офицерского креста польского ордена «За заслуги».

Но Астафьева не только переводит польскую поэзию. С 1963 г. она еще и пишет по-польски. Ее стихотворения на польском языке были собраны и опубликованы в 2008 г. в книге «Ностальгия. Польский семейный альбом». В свою очередь ее стихи, написанные по-русски, неоднократно печатались в переводе на польский в периодике и поэтических антологиях; ровно пятьдесят лет исполнилось со дня выхода в свет ее первого небольшого сборника «Стихи». Над ее стихами трудились крупнейшие польские переводчики русской поэзии, в том числе Витольд Домбровский, Анна Каменская, Ежи Литвинюк, Анджей Мандальян, Северин Полляк, Адам Поморский, Юзеф Вачкув, Виктор Ворошильский.

Поэтическое наследие Астафьевой складывалось в течение без малого семи десятилетий, и оно необычайно разнообразно. Любовные стихотворения соседствуют с философской и гражданской лирикой, а пафос сменяется сарказмом и легкой иронией. В стихах автор неоднократно возвращается к болезненным переживаниям детства, к образам матери и отца, ставших жертвами сталинского террора. Часто появляется мотив голода. При этом в них нет ни жалоб, ни обид на судьбу, это почти репортерская реконструкция событий тех лет, скупой отчет и рефлексия, нередко с оттенком горечи. Некоторые восьмистишия Астафьевой несут на себе едва уловимый след влияния ахматовской поэзии, не теряя при этом своего индивидуального характера. В более поздних текстах появляется тема польского происхождения, тема двух родин и двух языков, а стихотворения, изданные вместе с фотографиями, складываются в некую полудокументальную поэтическую семейную хронику.

Своего рода дополнением к ее русской поэзии стали стихи, написанные по-польски. В предисловии к сборнику

«Ностальгия» автор рассказывает, что писать по-польски она начала до того, как стала переводить польских поэтов, и, тем не менее, и то и другое было связано с контактами с Польшей и поляками. Интересно, что, несмотря на то, что ее стихи высоко оценивали выдающиеся польские поэты, такие как Виктор Ворошильский, Анна Каменская и Анна Свирщинская, Астафьева долго не решалась издать сборник. Можно только догадываться, что она не хотела усугублять внутренней раздвоенности. Решив не возвращаться в Польшу, она сделала свой выбор: быть русской поэтессой. Только спустя 45 лет ее польские стихи, которые раньше время от времени публиковались в периодике, вышли отдельной книгой.

На первый взгляд, новый сборник Наталии Астафьевой ничем читателя не удивляет. Наоборот, он производит впечатление повторения уже известного. И действительно так и есть. Эта книга — по-новому спетая старая песня. Поэтесса последовательно воплощает основные сюжеты и лейтмотивы своего творчества: начиная с семьи, продолжая философской, пейзажной и гражданской лирикой и заканчивая экологической и космической тематикой. В ее текстах доминирует более-менее регулярная силлаботоника с самой разнообразной рифмовкой: точной и неточной, ассонансной и консонансной, мужской и женской, а местами и дактилической. Благодаря метрическому разнообразию чтение нисколько не утомляет читателя — он словно качается на стихотворных волнах, то длинных, то коротких. Стоит отметить также ненавязчивую аллитерацию и звуковую инструментовку, прекрасно подчеркивающие музыкальность поэзии Астафьевой: ее стихотворения невероятно музыкальны даже на фоне по своей природе музыкального языка русской поэзии. Еще одна отличительная черта этих стихов — их простота. Нередко может показаться, что они пишутся сами, а поэтесса — лишь медиум самого языка.

Сборник «Сто стихотворений» обрамляют два небольших стихотворения, и хотя их отделяют друг от друга почти два десятилетия, в обоих появляется тема смерти — один из лейтмотивов поэзии Наталии Астафьевой. Оба стихотворения выражают отношение автора к неминуемому концу жизни, наиболее четко — последнее, завершающее, романтическое стихотворение, начало которого отсылает к библейской «Книге Бытия»:

Как дух, паривший над водою,
трудился, сущий мир творя, —

трудилось сердце молодое,
не зная ни на миг покоя,
и крови целые моря
вращенье гнало круговое.
Так было. И за годом год,
и до сих пор не уставая,
оно стучит, струи гоняя
горячих, алых, бурных вод,
и я — совсем как молодая,
тружусь, хоть смерть близка, вот-вот.

Такое искреннее признание может позволить себе только тот, кто никогда не почивал на лаврах, ибо не ради них трудился всю жизнь. Потому что неустанный труд наполнял всю долгую жизнь этой необыкновенно работоспособной поэтессы и переводчицы — а ведь одновременно еще и жены, матери и бабушки. Здесь я неспроста затрагиваю личную жизнь автора — пример тому стихи о рождении дочери и о маленьком (33 года назад) внуке. Впрочем, литература и жизнь у Астафьевой так тесно переплетаются, что нет нужды разделять их. Да и вообще, есть ли у лирического поэта личная жизнь, особенно такого поэта, как Астафьева, пишущего в целом стихи непосредственные и во всех смыслах личные? И в то же время, их нельзя назвать эгоцентричными. Поэтесса не смотрит сквозь пальцы на темные стороны действительности. Об этом свидетельствуют крайне эмоциональные, местами даже гневные строфы гражданской лирики, собранные в цикле «Вокруг новая страна». Правда, некоторые из стихотворений цикла отдают публицистикой, но всё же без них книга была бы неполной. Свое несогласие с тем, что происходит в окружающем мире, поэтесса ясно выразила в стихотворении, написанном 17 декабря 2000 г. в форме гуслиарского заклинания:

Усталым быть и нищим,
обманутым, избитым
на сельском пепелище,
на кладбище забытом,

ребенком быть забитым,
призывником обритым,
солдатом – недокормышем
и стариком беспомощным
в избе, в деревне брошенной,
с окном, доской забитым —
лишь бы не равнодушным,
насмешливым и сытым,
с блестящей тонкой кожей,
с высокомерной рожей
эстетом из элиты.

Будучи сама эстетом и частью русской культурной элиты, поэтесса подчеркнуто отстраняется от мира новой «элиты», где цена человеку измеряется суммой на его счету в банке, нередко заграничном. В мире нуворишей и «новых русских» нет места сочувствию и любви к ближнему. Прежним культу личности и диктатуре идеологии пришел на смену культ безупречного тела и диктатура денег. В этом стерильном мире нет оборванных и смердящих бездомных людей и собак. И нет поэзии...

Но ведь мир не состоит из одних «эстетов из элиты». Замечательное стихотворение, начинающееся словами «Я умерла, но жить должна», Астафьева заканчивает на самой оптимистичной ноте:

(...) главное, что вынесла из жизни я:
людей хороших
на свете больше, чем плохих,
хоть, к сожалению, не всегда их видно.

И этого будем придерживаться, как написал в поэме «Missa ragana» («Языческая месса») прекрасный польский поэт Эдвард Стахура. От себя я могу добавить только одно: аминь.

Наталия Астафьева. Сто стихотворений. Москва: Прогресс-Плеяда, 2013.

КОСУЛЕНОК; ВАДИ^[1]

КОСУЛЕНОК

Ежи Фицовскому с благодарностью за стихи Шульца и за многое другое.

«День и ночь» — так называется сборник моих советских набросков; этим текстом я хотел бы смягчить чувство вины за то, что сам я не оказался по ту сторону.

Было это перед самой войной, в Кракове.

В Кракове, по улицам которого тогда ходили Тадеуш Пайпер, профессор Таубеншлаг, Иоахим Метальман.

Улица Мёдовая, суetyащиеся евреи в лавках, мануфактурах, железо, рыбные лавки, продуктовые лавочки, Темпель, другие синагоги, деревянные платформы с коваными ободами на колесах, еврейки, продающие горох, еврейки в каракуле, толчая, тюки с товаром, жилые дома всегда с уборными на улице, подвальные этажи, ямы, двор с неровной брусчаткой.

В мансарде жили семь девочек-косуль. Длинноногих, красивых красотой животных. Самой старшей было восемнадцать лет, самой младшей – десять. Старшую мы брали с собой на дальние прогулки, в парк Иордана, на холм Костюшко, в Тынец. Среднюю, которой было двенадцать, я учил играть на фортепьяно. Прости, душа моя, если ты существуешь, я должен был каждый день готовить тебе шоколад, одевать тебя, как принцессу, но у меня не хватало воображения, чтобы предугадать, какая судьба ждет тебя...

В это время в доме Евы Абек орет: «Я боюсь за курицу, я боюсь». Это мать Абека заперла его в уборной, где она держала курей. В качестве следующей степени наказания она затаскивала Абека на чердак, где запирала в клетке с гусями. Оттуда доносился тот же крик, только с заменой на «...за гуся, за гуся...».

Его мать была женой скорняка, который в той же самой избе работал, растил Абека и жил с женой. Это был худой мужчина с длинной бородой, из-за нее было не понять, сколько ему лет. На том же крыльце сидела пани Розенцвейг, которую

парализовало на правую сторону, потому что она «в клозете пережала», перенапряглась. Ее муж был ювелиром, он держал лавку на Страдоме, и у них была квартира уже побольше: с кухней. Ее жизнь зависела от матери Абека, пани Райх. Это она помогала готовить, она понимала невнятный шепот старушки.

Однажды Ева сказала мне: «Хочешь увидеть что-то интересное, вернее, кого-то? Я договорюсь, чтобы вы завтра встретились».

Этот другой мальчик был единственным братом девочек-косуль, которые были похожи друг на друга, словно немного по-разному отлитые с одного идеального слепка. У них были узкие, продолговатые глаза, плавающие в голубом глицерине, смуглая кожа, красивые шеи, ровные носы, красные губы, они держались прямо, с нечеловеческой грацией.

Ему, единственному отпрыску мужского пола, было пять лет. Он вставал на утреннюю молитву перед рассветом, когда священники из синагоги кричали, будя мужчин: «Йидилох, йидилох, вставайте, вставайте!». Исчезающий голос. Это было между Новым годом и Судным днем. Он будил отца, который крепко спал.

Я знаю о нем мало. Но знаю, что он достоин кисти Веласкеса, потому что он – королевич всех времен. Я стараюсь вспомнить его – и не могу. Он слишком неопределенен, как если бы подчинялся теории Гейзенберга: дрожащие контуры, прозрачный, тонкая рука, серая, как у двухлетнего ребенка. Его рассказы о системе наказаний в хедере: сначала надо было залезть под стол, потом под кровать; фантастические планы – обменять части трубки на конфеты.

Еще он говорил мне, что они учат молитвы «Шема, Израэль» — «Слушай, Израиль», «Моде ани» — «Благодарю» и разные «брахоты» — благословения во время еды плодов деревьев и земли. Так они дошли бы за год до Книги царств и Книги пророков.

Он уже удаляется от меня, туман обволакивает его. Если с ним что-то случилось, то мы не имеем права на существование – ни я, ни Ты.

И было всё это на углу улицы Тела Христова, около костела Тела Христова, недалеко от Скалки.

ВАДИ^[2]

Бибику

Концентрация смерти в стране, где я живу, невероятна. Люди, сами живые, излучают своих мертвецов. Люди, носители смерти, как камешки, брошенные в воду, оставляют расходящиеся и сталкивающиеся круги... Я тоже такой человек. И мой рассказ, конечно, смертелен.

Я хочу рассказать о далеком месте в Узбекистане, где царствовал полковник К., на высоком холме, на Курвиной горе, как говорили. Эта горка не зря так называлась, не бойтесь. Еще я хочу рассказать об известковой долине. На дне ее ползла ядовитая речка, из которой носили воду.

Я перенес тиф и понос, которому не давали названия. Профилактически. Понос был у всех. Даже у самых красивых девушек. Это помимо воли выяснялось в уборной. В зависимости от степени эротического таланта они подтирались страницами из Ленина, камнями или вообще ничем. Я шатался от слабости, но избегал солнца, потому что оно было хуже чумы. Оно возносилось, как ястреб, по мере наступления лета. Взбиралось всё выше. Сипы кружили над городком.

У меня выросла большая черная борода. Я увидел ее в супе.

— Я стал похож на бедуина, — сказал я санитарке. Она была из Львова. Там «бедуин» значит «еврей». Она смутилась.

В это время Эмиль, за которым я потом немного присматривал, пошел к врачу. Его несло кровью, и его отправили в больницу. Там он ждал два часа. Заведующий трупам при свете луны зарегистрировал его и дал Анджею направление. Заведующий трупам пошел спать, потому что был пьян. А может, не был. Санитар Анджей, светя лампой, привел Эмиля в одно из помещений мечети. Он сказал несколькими переплетенным телам:

— А ну, подвинуться.

Кто-то отозвался:

— Куда? За стену.

— Человек стоит. Должен лежать. Должно быть место. Ложись. Они там раздвинутся.

Эмиль засомневался и спросил:

— Тут ведь нет больных тифом, правда?

Андрей, который имел дело со множеством бредящих, буркнул:

— Конечно, нет.

Одно тело на полу обрадовалось:

— Конечно, есть. Сплошной тиф, дурак.

— Послушайте, у меня понос, а не тиф.

— Ложись.

Он еще раз посмотрел на листок:

— Конечно, тиф.

— Я не буду ложиться. Я заражусь.

— Ложись.

Эмиль оттолкнул Анджея и выбежал во двор.

Тогда я увидел человека, бегущего в рубашке до пупка. Я его не узнал. За ним бежало трое санитаров. Все это – под небом, выгнутым, как стеклянный колокол.

Так Эмиль остался у нас. Небо было раскалено добела. Огненные цветы качались на белой земле, потрескавшейся, как губы в горячке. Кал постепенно начинал закипать в оловянных ночных горшках.

Эмиль спал. Сорок два человека лежали на земле так, что не все одновременно могли лежать на спине.

Их пот испарялся. Их бульканья, стоны, хрипы и храп. Руки вперемешку. Дыхания тоже. Санитар Анджей даже не поднимал головы, когда кто-то кричал:

— Утку!

Он думал в полусне:

— Пусть срут, пусть утонут в говне, пусть подохнут, пусть это всё провалится под землю.

И они срали под себя, а кал быстро высыхал – его съедали мухи.

Эмиль спал. Седьмой день температуры — 41-42. Я разговаривал с доктором Вильчеком. Тот сказал:

— Послушайте, а чего вы хотите? Экзантемы нет. Реакция Вейля отрицательная. Малярия отрицательная. Бруцеллез? Впрочем, как тут делаются анализы. Сегодня умер двадцать шестой доктор.

И он отошел с новым учебником тропических болезней. На голове Эмиля кто-то держал руку. Это его душило, и он сказал:

— Сташек, если не забереешь руку...

Через пятнадцать минут:

— Сташек, забери руку.

Я лежал с другой стороны. Я сказал: — Сташек мертв, — и снял руку. Позвал Анджея. Его забрали не сразу. Эмиль заснул. Вскоре я разбудил его:

— Суп!

— В жопу суп. Дай поспать.

— Ты уже шестой день ничего не ешь. Сдохнешь.

— Сдохну.

— Не смей.

Молчание.

— Давай.

Я кормил его. Он съел пять ложек.

— Хватит, вырвет.

В полдень пришла Ева. Она была коричневая, похудевшая, напудренная. Почти красивая, старательно одетая. Он был благодарен ей за то, что она выглядела немножко похожей на себя.

Она была его девушкой. Но это не так просто.

Она считала, что любит Павла, который был офицером. К нему надо было заходить через окно, по приставной лестнице. Он лежал свободнее и умирал от туберкулеза. А спала она с Ярецким, интендантом.

Советские жены были удобны для солдат. Они старались быть рядом. Если кто-то заболел, они приносили ему, что могли.

Вцеплялись в него, чтобы только не умер. Тогда они обычно переставали быть «военной семьей»^[3], и сам отъезд из России был под вопросом. Ева решила уехать из России.

— Я принесла тебе вино. Красное.

— У меня большая борода? Откуда вино?

— Я спала с Ярецким.

Ее глаза были совершенно пусты.

— Мне надо идти.

— К Павлу?

— Да.

Она ушла.

Женщинам во что бы то ни стало нужна нежность, любой ценой. Я увидел это отчетливо только сейчас. Они ведут себя как кошки. Когда их не ласкают – опускают хвосты. Потом мяукают. Наконец начинают тереться о ножку столика. Иногда столик оживает. Без этого они могут умереть. Для Евы столиком был Ярецкий. Столиком, на котором стоял сахар, вино и жир.

Кроме того, женщины совокуплялись, чтобы забыться. Не «забыть». Они старались потеряться. (Мужчины этого не умели). Не надо их сурово судить. Они загораживались соитием. И возрождались. Это очень странно.

Так вот, Ева пошла к Павлу. Она забиралась по лестнице с потерянными, напряженными лицами. И приносила ему туда свои силы, для этого места несомненно нечеловеческие. Смогла бы она это делать, если бы по-другому проводила ночи?

Она подтянулась и сжалась, как для прыжка. Ее «здравствуй» звучало приветливо.

Тонкокостый, нежный мальчик. Немного ребенок, немного старик. Светловолосый. Он не брился – нечего было. Огромные фиолетовые глаза. Узкий нос и дерганные хрипы. Ребенок, обреченный от рождения. Он улыбался. Это всё, что он мог.

Она принесла ему себя целиком, без изъяна, незапятнанную. С улыбкой, как на подносе. Со всей свободой, вопреки действительности. Она каким-то женским способом

оторвалась от всего, что ее окружало. И принесла ему себя, свежую и душистую. Сказала «здравствуй» и села на одеяло. Мальчик и девочка на экскурсии. С ним она умела быть не здесь.

Всё лежало, раздавленное солнцем. Больница, устроенная в мечети, цветные резные деревянные колонны, ослепительная мозаика, тифозные и поносные. А внизу – медленно сочащиеся вад.

Муи покрывали лежащих, как бархатный ковер. Когда кто-нибудь шевелил ногой, они взлетали с шумом станков, с шумом десяти тысяч шмелей, и оседали. Они тоже совокуплялись. На ложках, во время еды, в ушах, в глазницах, влетали в рот. Они были сумасшедшие, развратные и наглые. Их царство было на экскрементах. Когда они садились на кого-нибудь так густо, что его было не узнать, доктор Вильчек говаривал:

— Они ставят диагноз лучше нас. *Moribundus*. Предчувствуют разложение за два дня.

Белобородые пророки в тюбанах ехали сквозь солнце, как привидения.

Невероятно худые, больные дизентерией в грозный полдень мечтали о тенистых уборных, о покое, о том, чтобы лежать и спать в уборной, чтобы не нужно было туда ползть по пятьдесят раз в день, чтобы не болела прямая кишка, чтобы вокруг прохаживались огромные, прекрасные скарабеи, черно-зеленые навозные жуки, катящие перед собой, как львы в цирке, шары кала.

И была у них еще одна, страшная мечта: мечта о воде, которая была запрещена.

Когда ее приносили из вад, к ней ползли украдкой, днем и ночью, в бреду, присасывались к ведрам, как пиявки, пили чистую, пили грязную, пили по три, по четыре, по пять литров. Никакие аргументы не действовали. Их оттаскивали силой, били, они цеплялись костлявыми руками, ведра уносили, они их находили. За пару часов до смерти они на четвереньках, с опухшими ногами, животами, в страшной жажде мечтали о воде, ползли к ней, видели ее во сне, холодную и прозрачную.

Минул полдень, когда люди ходили, как муи в сиропе. Вечером выносили трупы в синих сенниках. Заведующий трупами взволнованно рассказывал доктору Вильчеку, как одна вдова

капитана хотела еще раз посмотреть на лицо покойника-мужа, а оказалось, что из сенника выглядывает еврей с седой бородой.

Но доктор махнул рукой и пошел в дежурку. Он очень устал, не спал три ночи.

Солнце начало спускаться, показался высохший прудик посреди двора. Заведующий нервничал. Ему не терпелось пойти в город, удовлетворить свои половые потребности, напиться вина. Он ждал, пока больной, от которого остались одни глаза, умрет, чтобы закрыть список на сегодня и велеть его унести. Он уже второй раз заходил в палату и спрашивал санитаря Анджея:

— Тело готово?

Санитар Анджей встречался взглядом с тем, кого тот ждал, и отвечал:

— Нет.

Через пятнадцать минут снова:

— Готово тело, в конце концов?

— Нет.

— К черту. Я ухожу.

И ушел.

В отделе тифозных кто-то начал лаять. Солнце садилось, небо поблескивало, театральный месяц висел на небе. Вдалеке плакали ослы.

Некоторые медсестры (вообще они были довольно красивые) готовились к выходу. Некоторые жили в мечети. Они мылись. Все делали *toilette intime*. Никогда не знаешь, что принесет ночь. Они намывались, как кошки, со странными мечтательными взглядами. Приступ мытья, момент отсутствия, медленное вылизывание в забытии, потом внезапное озарение. Они долго размышляли, не шевелясь. Расплетали папильотки. Одевались. Показывали друг другу синяки в маленьких зеркальцах.

Они готовились на всякий случай и готовились на случай конкретный. Затем проплывали к выходу, как корабли.

В это время Ева постучала в дежурку. Стучала, стучала, наконец вошла. Доктора Вильчека пришлось вытаскивать из сна, как из колодца. Он сел, еле соображая.

— Доктор, доктор.

Он выглядел слегка испуганно, ему снилось что-то плохое.

— Он умрет?

— Кто, кто такой?

Он еще не узнал Еву. Наконец он понял, что речь идет о Павле.

— Он. Он уже умирает.

Она решила, что он будет умирать рядом с ней, чтобы ему не было страшно, прижавшись к ней. Она будет рассказывать ему сказки. Не про то, как он выздоровеет и как всё будет. А такие, как маленьким детям. Три дня назад у него открылось кровотечение. Он был почти прозрачный. Так говорят, но трудно поверить, что кожа может быть такой прозрачной. Сначала сильное кровотечение началось через рот, потом он научился глотать кровь. Всегда можно еще чему-нибудь научиться.

Она рассказывала ему «Сказку о лунном лучике», «О добром сеятеле», «В его сердце пел жаворонок»^[4]. Он не мог говорить. Когда она спрашивала, рассказывать ли дальше, он делал знак рукой, что да. И еще, и еще.

Наконец он лежал у нее на правой руке, левой она гладила его, чувствовала его дыхание на своей щеке. Он него слегка воняло. Она была совершенно спокойна. Это слишком далеко выходило за пределы трогательного.

Он умирал ночью, мягкой, как вата; жуки с металлическими, блестящими спинами неустанно катили шары кала, сытые вши шевелились сонно, шакалы выкапывали трупы и кричали, ослы громко плакали. Эмиль бредил из Селина: «Будут везде разбросаны выкидыши счастья, чтобы воняли по углам земли...»; беспрерывно выделяя кал, умирало двенадцать человек, они мяукали, как коты; это были уже не человеческие голоса. Тринадцатым был Павел.

Одной рукой он сжимал руку Евы, другой мямлил подушку, как она во время оргазма. В одиннадцать он стал резко дергаться, через пять минут запел. Это было переполненное дрожью пение неопределенного тона, похожее на кашель арабов и на пение шакалов.

В час пришел доктор Вильчек.

— Хотите, мы введем ему камфару и глюкозу? Он сможет дня три так пропеть.

Ева ответила:

— Нет.

Она думала о рассвете, в котором уже не находила для него места, и хотела, чтобы это мгновение никогда не кончалось. Она внимательно, сосредоточенно планировала свою жизнь, и одновременно в ней поднималось горе. Больной, лежащий рядом, слегка лапал ее, и она этого не чувствовала; а может, и чувствовала.

В четыре часа утра его дыхание за что-то зацепилось, пение прекратилось, челюсть отпала. Она увидела зубы, блестящие в свете луны, и улыбку — гримасу похоти, и он лежал уже там, лежал по другую сторону, прижавшись к ней, почти приникнув к ее губам.

-
1. Арабское название сухих русел рек и речных долин временных или периодических водных потоков. Краткая географическая энциклопедия. Гл. ред. А. А. Григорьев. – Пер.
 2. Организация помощи военным, в которой состояли в основном жены офицеров.

В КЛОАКЕ XX века

Немного есть писателей, на жизнь и творчество которых история наложила такой сильный отпечаток. Лео Липский — а речь идет о нем, — несомненно, один из самых ярких польских прозаиков XX века, несмотря на то что вне узкого круга эмиграции он в течение нескольких десятилетий оставался фигурой практически неизвестной. Подобно Жоржу Батаю, он «никогда не писал о том, чего не пережил», более того — даже попытался описать нам свою смерть. Вот его история.

Рана судьбы

Как и многие биографии XX века, жизнь Лео Липшица (1917–1997), более известного как Лео Липский, распадается на две несимметричные части. Цезуру, а точнее болезненную рану, раз и навсегда разделившую его судьбу надвое, как нетрудно догадаться, оставил в ней 1939 год и та лавина событий, которая поднялась с началом этой жесточайшей из войн. Из-за нее тонкий эрудит, студент философии и психологии, выдающийся знаток европейской литературы, философской мысли и музыки, дебютировавший в качестве писателя и критика в возрасте всего лишь пятнадцати лет, вынужден был оставить родной Краков, чтобы уже никогда туда не вернуться. Как точно заметила одна исследовательница его творчества, дальнейшая судьба Липского, столь же драматичная несмотря на свою незаурядность, складывается в известный нам орнамент биографии «сына века» — века, на который легла двойная тень тоталитаризма. И нацизму, и коммунизму предстояло оставить свое клеймо на полотне судьбы писателя.

Сразу после начала Второй Мировой войны Липский вместе с младшим братом оказался во Львове. Вскоре их постигла та же участь, что и сотни тысяч польских граждан: оба попали в советскую тюрьму (Бриgidки), а затем были высланы вглубь Советского Союза. По иронии судьбы ссылка и лагерь в конечном итоге спасли им жизнь, как и многим польским евреям или полякам еврейского происхождения, в то же время рождая неослабевающее чувство вины и стыда по отношению к тем, кто погиб в огне Катастрофы. Это им Липский посвятит страшный рассказ «Косуленок», добавив в посвящении: «Этим текстом я хотел бы смягчить чувство вины за то, что сам я не оказался по ту сторону».

Липский был отправлен в лагерь на Волге, недалеко от Углича, где работал на лесоповале, а затем в амбулатории на строительстве дамбы в Волгострое. Литературно обработанные лагерные воспоминания писателя нашли свое место в небольшом, как и всё в его творчестве, сборнике прозы под названием «День и ночь» (включающем в себя, помимо заглавного произведения, рассказы «Вади» и «Возвращение»). За «День и ночь» Липский в 1955 г. получил премию парижской «Культуры». Однако до того писателя ждала полоса драматичных событий. Оба брата, так же, как и Густав Герлинг-Грудзинский, вышли на свободу по советско-польскому соглашению (т.н. договор Сикорского—Майского), благодаря которому им удалось выбраться из Советского Союза вместе с армией Владислава Андерса. Их путь лежал через Тегеран, где измученный лагерем Липский заболел тифом. Он вышел из больницы крайне ослабленным, но самое худшее было еще впереди: вскоре, уже в Палестине, где писатель осел в 1943 г., его разбил паралич, с последствиями которого ему пришлось бороться до конца жизни. Он умер 7 июля 1997 г. в Тель-Авиве, где и похоронен на кладбище Ха-Яркон (Яркон). На надгробном камне на его могиле высечена надпись по-польски и на иврите: «Лео Липшиц Липский, польский писатель, 1917-1997».

«Свободный от слез»

Неизвестно, в каком направлении развивалось бы это дарование, если бы не полоса войны. Если взглянуть в то зеркало, которое складывается из довоенных детских литературных опытов Липского и законченной уже после войны явно автобиографической повести «Беспокойные», то мы откроем для себя необычный портрет «художника в юности». Художника, для которого одинаково важны как мотивы эротической инициации, восхищение телесностью в физическом смысле, так и мир чтения, в который он в то время был погружен вместе со своими молодыми друзьями, так же, как и он, замороженными европейской культурой. Поэтому в ранней прозе Липского слышны отголоски произведений его тогдашних кумиров — Томаса Манна и Селина, а также Пруста, Хаксли, Виткация, Мальро, Достоевского, Бабея и многих-многих других. Для этой исключительно одаренной молодежи чтение было наркотиком, кислородом; война же распорядилась так, что те, кому посчастливилось уцелеть, вынуждены были навсегда покинуть стены библиотек.

Прошло почти десять лет, пока Липский решился облечь в литературную форму свой военно-лагерный опыт.

Несомненно, столь долгий перерыв был связан с болезнью и ее последствиями, которые мешали ему двигаться и даже говорить. Писатель, называвший себя «замурованным в собственном теле», до конца жизни нуждался в посторонней помощи и никогда не написал ни слова правой парализованной рукой. Но можно посмотреть на это продолжительное молчание и с другой стороны: художнику требовалось время, чтобы найти форму, в которой можно было бы выразить невыразимое. И он нашел ее. Однако прежде, чем ему это удалось, польскую общественность потрясла волна воспоминаний о советских лагерях. Конечно, эта волна могла бежать только по камням эмиграции... Если мы будем помнить об этой мученической литературе, об авторах, для которых стремление оставить после себя как можно более полное свидетельство пребывания на «бесчеловечной земле» нередко было важнее художественной формы, в которую это свидетельство облакалось, нам будет легче понять открытую провокационность лагерной прозы Липского. Он отдавал себе отчет в том, что польскому читателю уже давно приелась лагерная тема, что ему известны мельчайшие детали «иного мира», и тем не менее решил описать собственное «путешествие на край ночи».

«День и ночь», рассказ с саркастическим посвящением «на открытие Волго-Донского канала», по форме напоминает моралите. Его канву составляют события, происходящие с героем-повествователем, лагерным санитаром, в течение заглавных одного дня и одной ночи. Само собой, у читателя тут же возникают ассоциации со знаменитым рассказом Александра Солженицына, однако необходимо помнить, что «Один день Ивана Денисовича» был опубликован несколькими годами позже. Чтобы описать феномен этой невероятно густой, часто поэтической прозы, нужно обратить внимание на то, что Липский, вопреки преобладавшим в то время тенденциям, говоря о страданиях людей, брошенных в бездну белого ада, делает всё, чтобы не забыть при этом об искусстве. Более того, он без колебаний использует то же страдание как повод для раскрытия собственных творческих способностей — способностей выдающихся. Гипнотизирующий ритм лагерной прозы Липского принято считать шедевром польского литературного языка и своего рода контрапунктом самого важного польского лагерного текста — «Иного мира» Густава Герлинга-Грудзинского.

Болезнь как метафора

И все же настоящую славу Лео Липскому принес скандальный роман с неприметным названием «Пётрусь». Еще до публикации роман получал противоречивые отзывы, его обвиняли в непристойности, скатологии или напрямую в порнографии. Липский создал портрет героя, подобного которому не было и вряд ли таковой появится в польской (и европейской) литературе. Уже то, каким образом калека Пётрусь появляется в книге в первый раз, необычно: прежде чем читатель что-либо узнаёт о его происхождении или прошлом, ему в глаза бросается надпись заглавными буквами «ПЁТРУСЬ ВМЕСТЕ С ОДЕЖДОЙ — ПРОДАЕТСЯ». Объявление с таким содержанием на нескольких языках главный герой повесил у себя над головой посреди палестинского базара. Вскоре Пётрусь действительно «продается» и попадает в дом демонической госпожи Чин, где ему предстоит жить... в клозете.

За гротескной фабулой скрывается тревожная игра смыслов. Писателю удалось, что он сам подчеркивал в комментариях, «показать человека в универсальном смысле этого понятия — и его судьбу на земле. Показать его деградацию». Герой романа, «жизнь которого лишена всего и сведена к унижительному существованию на ограниченном пространстве клозета», приобретает черты надындивидуальные. Потому что увечье Пётруся можно интерпретировать метафорически — как шрамы, которые оставила на его сознании травма — военные и лагерные переживания, наконец, Катастрофа. Послевоенная действительность, в которой ему пришлось жить (доживать), предстает как огромная клоака, *anus mundi*. Такое прочтение романа, который не случайно носит подзаголовок «Апокриф», сближает его с шедеврами европейской притчевой литературы — прозой Кафки или «Чумой» Альберта Камю. И в этом соседстве место Лео Липского не случайно.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Польская культура понесла огромную утрату. 15 августа в возрасте 83 лет в Ницце скончался Славомир Мрожек. Драматург, прозаик, сатирик, художник, он был всесторонним творцом. Критика считает самыми значительными его пьесами «Танго» (1964) и «Эмигрантов» (1974), но успехом пользовались также «Бойня», «Портной», «Пешком», «Посол», «Любовь в Крыму», «Преподобный» и более десятка иных. Умным юмором и многозначной метафорикой отмечены его рассказы — «Практичные полупанцири», «Слон», «Свадьба в Атомицах». Свою жизнь в Польше и эмиграции Мрожек описал в «Дневнике возвращения» и автобиографической книге «Валтасар». Издал также «Дневник» (1962—1989).

Когда поляки говорят: «Как у Мрожека», — то обычно имеют в виду какой-нибудь монументальный абсурд. Нелепицу. Одну из тех ситуаций, которые действительность ПНР изо дня в день преподносила гражданам. Абсурд, гротеск, склонность к парадоксу — таковы важнейшие черты творчества Славомира Мрожека. Но суть состояла не в том, чтобы высмеять нонсенс реального социализма. Мрожек писал о кризисе самосознания у поляков. О мифах, миражах и фантомах, которые сделали нас разобщенными и неподлинными.

Мрожек — автор нескольких тысяч сатирических рисунков, в том числе циклов «Польша в картинах», «Сквозь очки», «Поляк в Париже». Очень часто их герой — это одетый в свитку человек, в краковской шляпе с павлиньим пером. Это наш земляк — смешной или растерянный.

Автор «Танго» говорил: «Я принадлежу поколению, для которого смех всегда был приправлен иронией, горечью или отчаянием. Обычный смех, смех для смеха, добродушный и без проблем, забавная игра слов — всё это кажется нам словно бы старорежимным и будит зависть».

Выставка, которой в послевоенной Польше еще не было. 125 картин польских мастеров рубежа XIX–XX веков в течение всего лета могли удивлять курортников в Сопоте. Все эти работы из находящейся теперь на территории Украины Львовской национальной галереи искусства. Среди них произведения Аксентовича, Баччиарелли, Бознанской, Брандта, Хелмонского, Чапского, Фалата, Герымского, Коссаков, Мальчевского,

Матейко, Норблина, Пронашко, Семирадского, Стыки, Тетмайера и Вычулковского.

Особый интерес привлекает львовское собрание работ Яцека Мальчевского. Здесь автопортреты с музой и фавнами, а также картина маслом «Христос и самарянка», для которой художнику позировала его многолетняя возлюбленная Мария Балёва. На тот же сюжет написана картина Генриха Семирадского, автора эскизов замечательных занавесов для Львовской оперы и краковского Театра имени Юлиуша Словацкого. Показан также знаменитый, многократно репродуцировавшийся «Портрет детей художника» Яна Матейко. Впервые после войны мы можем увидеть «Портретную штудию женщины» Ольги Бознанской — таинственный портрет дамы с грустными глазами. Интересен автопортрет Анджея Пронашко на фоне сельского пейзажа в знойный летний день.

Выставка, которую с успехом могли бы показать Королевский замок в Варшаве или Национальный музей в Кракове, открыта в Сопоте в выставочном зале у мола по 22 сентября.

Замечательную выставку «Свободное время. Фотография» подготовила на лето варшавская галерея «Захента». Представлены работы из архивов шести выдающихся фотографов, работавших для прессы. Это Ромуальд Бронярек, Александр Ялосинский, Богдан Лопенский, Ян Морек, Войцех Плевинский и Тадеуш Рольке. Самый старший родился в 1928 г., самый младший — в 1940-м. Бóльшая часть профессиональной жизни экспонентов прошла в ПНР, но их снимки не показывают правительственных церемоний, глав государств или героев пропагандистских репортажей. Герои представленных фотографий отдыхают.

— Граждане ПНР были заняты строительством социализма до 16.00. А затем, в свободное время, выйдя с работы, они становились другими людьми, — говорит фоторепортер Александр Ялосинский.

«Повседневная жизнь, запечатленная на фотографиях шести участников выставки, бывает абсурдной, смешной, но также и тревожащей. Для части героев фотографий «свободное время» — это усилие функционировать «вне реальности», попытка овладеть тем, чем овладеть нельзя. Для других, напротив, это время забыться в случайной сиюминутной игре», — отмечает в анонсе выставки ее куратор Лукаш Модельский. «Большинство фотографий, — пишет Дорота Ярецкая в «Газете wyborczej», — художественно представляют бытовые сценки, подсмотренные

в Польше, но также, например, и в России. Они не проясняют сущности свободного времени или сущности труда при коммунизме, они говорят об универсальном: что в каждой эпохе есть своя свобода и своя кабала. Для меня в этом отношении символичной представляется работа Тадеуша Рольке: мужчина на московском рынке, с птицей в самодельной клетке. Вот малое пространство свободы: можно было вырастить и продать птичку в клетке». Выставка продлится по 22 сентября.

XVII Шекспировский фестиваль прошел 1-6 августа в Гданьске, а также в Сопоте и Гдыне. Свои спектакли показали, наряду с польскими, театры из Грузии, Хорватии, Германии и Румынии. Фестиваль открылся ярким спектаклем «Как вам это понравится» в исполнении грузинского Тбилисского академического театра им. Котэ Марджанишвили. Польские артисты выступили с таким знаменитыми спектаклями, как «Песнь Лиры» театра «Песнь козла», «Тит Андроник» Яна Кляты, «Анатомия Тита — Падение Рима» Войтека Клемма. Премию «Золотой Йорик» в нынешнем году жюри присудило краковскому Театру им. Юлиуша Словацкого за спектакль «Каждый должен когда-то умереть, Золотко, или Рассказ о Троянской войне» (режиссер Агата Дуда-Грач), вдохновленный «Троилом и Крессидой» Шекспира.

Фестивалю сопутствовала международная конференция «Языки власти / Языки искусства». Исходным пунктом в дебатах стала постановка шекспировского «Тита Андроника» (1992) — спектакль румынского режиссера Сильвиу Пуркарете. Поставленный через два года после падения Николае Чаушеску, спектакль воспринимается не только как политический комментарий, но и как вневременное иносказание. Предметом анализа был также язык — как орудие насилия, манипуляции и лицемерия.

Рассказ позднего, «израильского» Марека Хласко «Все отвернулись» инсценировал Михал Задара. Спектакль показан в июле в Музее истории польских евреев в Варшаве. Для режиссера важнейшим стало повествование о мифе мужественности, в который вовлечены герои Хласко. Спектакль, однако, не увлек. Как пишет рецензент «Политики» Юстина Соболевская, «проблема состоит в игре актеров, которые завязли не столько в своей мужественности или женственности, сколько в некоей актерской манере, состоящей в выкрикивании своих проблем. Поэтому ни одно из действующих лиц не запоминается». То есть лучше перечитать Хласко. Без криков, в тишине.

Кшиштоф Занусси подготовил с российской труппой спектакль «Недоразумение» по Альберу Камю. Актеры из Бурятии работают с польским режиссером в оранжевое его дома в Лясках. «Недоразумение» было написано в 1944 г. и входит в триптих «Миф о Прометее» наряду с более известными «Чумой» и «Человеком бунтующим».

— Это мрачная и грустная пьеса, — говорит Занусси. — Речь идет о всеожжении, о том, что сделала война с людьми. Внешне всё в них осталось по-старому, но фундаментальные ценности обратись в прах.

Премьера состоится 10 сентября в Национальном театре в Бурятии.

Мировая премьера наиболее ожидаемого польского фильма нынешнего года «Валенса. Человек из надежды» состоится на юбилейном, семидесятом, Международном кинофестивале в Венеции (фестиваль проходит с 28 августа по 7 сентября).

Анджей Вайда говорит, что такая премьера — необычайное отличие, которое открывает перед фильмом новые, международные перспективы:

— Я с большой радостью узнал, что новый мой фильм начнет свою экранную жизнь с фестиваля в Венеции, который сыграл столь важную роль в моей жизни. В Венеции в 1998 г. я получил «Золотого Льва» за вклад в кинематографию. На Венецианском кинофестивале мой фильм «Катынь» был отмечен призом итальянских журналистов «Nastro d'Argento Europeo-2009». Именно здесь — правда, не в рамках фестиваля, а в небольшом кинотеатре, потому что власти ПНР запретили этому фильму участвовать в каких-либо фестивалях, — был показан мой фильм «Пепел и алмаз»; его заметили, и он начал свой путь в мир. Может быть, и на этот раз Венецианский кинофестиваль даст такой шанс и «Валенсе».

Сценарий фильма написал Януш Гловацкий. Оператор Павел Эдельман. Главные роли сыграли Роберт Венцкевич и Агнешка Гроховская. Торжественная польская премьера «Валенсы» (анонсирована также предпремьера в Гданьске) должна состояться 23 сентября в Большом театре в Варшаве. В прокат фильм выйдет 4 октября.

С 16 по 29 августа проходил второй Международный фестиваль «Литературный Сопот». Главной темой была скандинавская и исландская литература, а также детектив и книги для детей. На польское побережье слетелись литературные звезды с севера, но

и польских авторов было немало. Показались, например, Анджей Барт, Беата Хомонтовская, Марек Краевский, Тадеуш Соболевский, Филип Спрингер, Казимера Щука, Щепан Твардох, Мария Верниковская, Марек Заганчик. Польские авторы приняли участие во встречах с читателями в трех циклах: «Номинированные на литературную премию “Нике”», «Историческая панель» и «Премьеры». В этом году проводился также цикл «Писатель и его член жюри», в рамках которого выступили выдающиеся польские поэты, прозаики и литературоведы — Анджей Сосновский, Петр Сливинский, Иоанна Батор, Томаш Ружицкий, Влодзимеж Болецкий, Петр Матывецкий, Пшемислав Чаплинский и др.

Первый фестиваль «Литературный Сопот» проходил в 2012 г. и был посвящен репортажу.

Званием почетного гражданина Варшавы отмечена в нынешнем году профессор Мария Янион. Выдающийся литературовед, которую называют «историком литературы, идей и воображения», Мария Янион изучает польскую культуру XIX и XX веков, она действительный член Польской Академии наук, профессор академического Института литературных исследований. Почетными гражданами Варшавы стали также сенатор Збигнев Ромашевский и певица Ирена Сантор.

VIII Международный музыкальный фестиваль «Шопен и его Европа» (Варшава, 17–31 августа) прошел под девизом «От Баха до Дебюсси и Киляра». Организаторы подготовили 19 концертов. Среди выступивших пианистов Александр Мельников, Евгений Королев, Говард Шелли, Марта Аргерих, Андреас Стайер, Януш Олейничак, Юлианна Авдеева, Нельсон Гернер, Мария Жуан Пиреш.

Фестиваль открылся 17 августа в Национальной филармонии выступлением Мельникова в сопровождении оркестра «Concerto Koeln». Российский пианист исполнил увертюру к опере «Монбар, или Флибустьеры» Игнация Феликса Добжинского, фортепьянный концерт ля-минор Иоганна Непомука Гуммеля и фортепьянный концерт ми-минор Фредерика Шопена.

— Польская музыка составила основную программную линию фестиваля. В этом году, наряду с Шопеном, мы будем представлять творчество трех наших юбиляров — Лютославского, Пендерцкого и Гурецкого, поэтому современной музыки будет больше, чем обычно. Еще одна ключевая программная линия — и это отличает «Шопена и его Европу» от других европейских фестивалей — это

исполнительство на исторических инструментах, — сказал в интервью агентству ПАП директор фестиваля Станислав Лещинский.

Наряду с Шопеном, Лесселем и Добжинским представлены также произведения Кароля Шимановского, Генрика Венявского, Юзефа Венявского, Мауриция Мошковского и Романа Мациевского.

Событием фестиваля стал концерт под названием «От мазурки до танго» с участием Марты Аргерих. Публика могла также услышать Яна Лисецкого. Этот молодой пианист дебютировал в 13 лет именно на фестивале «Шопен и его Европа». В нынешнем году он с оркестром «Simfonia Varsovia» исполнил произведения Игнация Яна Падеревского и Роберта Шумана. Первый фестиваль «Шопен и его Европа» проводился в 2005 году. Его организует Национальный институт Фредерика Шопена.

Состоялся X Фестиваль еврейской культуры «Варшава Зингера». С 24 августа по 1 сентября можно было услышать клезмерскую музыку и пение канторов в районе дворца Гжибовского и улицы Пружной, по берегам Вислы, в маленьких кафе варшавской Праги. Кроме музыкальных и театральных мероприятий состоялось почти 200 культурных событий — выставки, лекции, мастер-классы, литературные встречи, кинопоказы. Выступали, например, Томаш Станько, «Кроке», Джошуа Нельсон, которого называют «князем госпела», квартет «Nozim». В синагоге Ножиков выступил Хор канторов Иерусалима с певцом Яковом Леммером. Одной из звезд нынешнего фестиваля был Дуду Фишер, известный, в частности, по роли Жана Вальжана в бродвейском мюзикле «Отверженные». Театральные представления, инспирированные творчеством Исаака Башевиса Зингера, привезли труппы из Франции и Румынии. Кукольный спектакль «The Dybbuk Between Two Worlds» представил израильский Национальный театр «Габима». Варшавский Еврейский театр показал спектакли «Мариенбад» (режиссер Мацей Войтышко) и «Кафка танцует» (режиссер Лех Мацкевич).

Прощания

6 июля умер Марек Трач, многолетний директор Опольской филармонии, бывший ректор Вроцлавской музыкальной академии, первый дирижер и музыкальный руководитель Вроцлавской оперы. Ему было 77 лет.

22 июля в возрасте 83 лет в Варшаве умер Михал Радговский, один из самых видных польских журналистов второй половины XX века, участник создания «Политики», многолетний заместитель главного редактора в период наибольшей популярности этого еженедельника в ПНР.

— В том, что «Политику» считали польским «Шпигелем» и лучшим еженедельником от Эльбы до Владивостока, велика заслуга Радговского, — вспоминал Адам Кшеминский. — Его еженедельные «Вместо фельетона», подвал на последней странице «Политики», были в 70-е годы обязательным чтением просвещенного интеллигента. Героем фельетонов Радговского был доцент В. — несколько беспомощный, абстрактно мыслящий, но вместе с тем удивительно прозорливый наблюдатель действительности ПНР.

Философ, афорист, замечательный фельетонист, Радговский оставил после себя книги: «Робкие живут меньше» (1967), «Ляп за ляпом» (1971), «Покой прежде всего» (1973), «Дед Мороз, который приходит летом» (1975), «Трансфертный заяц» (1977), «Какова цель падения» (1981), «Политика и ее время» (1981), «Знать жизнь» (1982), «Контора по делам больных» (1988).

27 июля в возрасте 70 лет умер Генрик Барановский, один из самых оригинальных польских театральных режиссеров. Во второй половине 1970-х в Ольштынском театре имени Ярача он поставил «Замок» Кафки, «Здравствуй и прощай» Фугарда, «Ивонну, принцессу Бургундскую» Гомбровича, но прежде всего — вызвавший споры спектакль по «Дзядам» Мицкевича. В 2003–2007 гг. руководил Силезским театром в Катовице. Иногда обращался к оперной режиссуре. Опера «Жизнь с идиотом» Альфреда Шнитке по либретто Виктора Ерофеева, которую поставил Барановский в Новосибирском театре оперы и балета, в 2004 г. была удостоена «Золотой маски» как лучший оперный спектакль в России.

ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ МРОЖЕКА

Этот дневник — несомненно, личное свидетельство, записывавшееся «для себя». И вместе с тем — документ, ценность которого для исследователей литературы не подлежит сомнению: есть смысл сличать его записи с теми произведениями, которые возникали в то же время, отыскивать в них источники вдохновения автора, вычитывать из них то, что существенно для понимания творческой лаборатории писателя. При этом не следует забывать, что мы имеем дело с «продолжением» того дневника, который Мрожек вел ранее и который, как он сам описывает, уничтожил, а там должен был набраться изрядный объем — «полтора или даже два десятка томиков, страниц по двести каждый». Они были сожжены. Так случилось, что начало сохранившихся записей охватывает период, предшествующий отъезду писателя из страны. Это еще не эмиграция — просто затянувшееся пребывание за границей, связанное с трудностями, которые в то время сопутствовали каждому, кто был вынужден за пределами страны хлопотать о продлении заграничного паспорта, однако же пока еще не принимал решения о разрыве; для Мрожека такой момент наступил в 1968 г., после вторжения войск Варшавского пакта в Чехословакию, что, впрочем, изложено в дневнике почти мимоходом, как эпизод, пусть и значительный, но далеко не самый важный. А вот действительно самое важное — это самоанализ и формирование себя самого: мысли о прочитанном, писательские идеи, размышления о творчестве других авторов, хотя бы — и это здесь важно — Гарольда Пинтера, о котором Мрожек пишет в 1965 г.:

«Мы дебютировали в одном и том же году, 1958 м. Уже когда в первый раз я узнал о нем, то испытал зависть и соперничество вместе с родством. (...) С того времени Пинтер уязвлял меня много раз, но настоящее бешенство, равное тому давнему, я испытал лишь сегодня. Меня ухватило за волосы и потянуло вверх. Мчатся и писать — и сравниваться, а ну! Потому что он с того времени очень продвинулся вперед; да он ли один? Олби, Вайс, они все — да они в том числе и драматургами уже стали, честь по чести. Всё это — мое поколение. Хуже другое: из краткого изложения «Коллекции» или «Любовника» вытекает,

что это почти такие же пьесы, насчет которых я с некоторого времени знал, что можно было бы их написать, и которые я б написал, если только был бы полностью уверен, что именно их, а не что-либо другое, в обязательном порядке необходимо написать. (...) Нечего обольщаться, меня по-прежнему всё еще нету в хорошем обществе, по-прежнему нельзя брать в расчет».

С чем здесь тягается Мрожек? Отчасти с другими, о чем могло бы свидетельствовать это «сравняться, а ну». Однако в этом «а ну» ощутима хотя бы крупица самоиронии. Зато по-настоящему важной выглядит здесь попытка уловить то, что можно назвать ритмом либо духом времени. Открытым вопросом, который автор оставляет без ответа — более того, не предпринимает усилий на самом деле помериться с ним, — остается вопрос о том, почему Мрожек не был «полностью уверен», что написать такую драму необходимо и в чем состоит альтернативное решение, на которое сам он решается в собственном литературном творчестве и которое — это видно — хотя бы в некоторой степени связано с его зачарованностью Гомбровичем; об этой зачарованности свидетельствует преобладание фамилии автора «Космоса» в именном указателе. Впрочем, по-гомбровичевски в сущности он и продумывает вопрос о присутствии «в хорошем обществе». Гомбровичевский характер носит и замечание по поводу отечественного горизонта, который сокращает масштаб творчества: «Беда в том, что, будучи в Польше, с Польшей, из Польши, всегда имеешь единственную возможность ангажированности, локализованную территориально». «Дневник» Мрожека — впрочем, так же, как и «Дневник» Гомбровича, — доказывает, что у части наших писателей проблемы не столько с Польшей, сколько с самими собою. Их нет у Ружеви́ча, но это как раз тот писатель, к которому Мрожек особой симпатии не питает: «Это Ружеви́ч пишет лирически, но, если он, если я его не люблю и с ним не соглашаюсь, это еще не причина, чтобы я тоже не мог». И в другом месте: «Я тоскую по герою, который бы уже преодолел беккетоватость. Пусть это будет герой, противоположный герою Ружеви́ча. Я хочу людей сильных, и пусть он увидит, что делается с его силой. Столько говорится о Шекспире. Его герои — сильные. Только такие и могут быть интересными».

Я обращаю внимание только на некоторые моменты этого повествования — наверно, в «Дневнике» удалось бы найти несколько параллельно проводимых сюжетов. Дневниковые записи Мрожека интересны тем, что их предметом он последовательно делает самого себя, свое писательство, повторяющийся вопрос о собственной идентичности,

показывая наряду с этим пронзительное одиночество или даже осиротелость писателя, сознательно уклоняющегося от «участия» в публичных делах, отстранившегося от общественных и политических вопросов, сконцентрированного на поиске самого себя скорее в пространстве литературы, нежели в «жизни» и «действительности». Но и здесь это его одиночество не делается полным — оно подвергается опасности обнаружения скрытого: «Старый вопрос: почему я здесь пишу только часть того, что знаю о себе? Может, не станем принимать его близко к сердцу. Полная искренность — мы живем в обществе. Это правда, что я должен, быть может, лучше осознавать разные разности о себе, которые мне и так известны. Но попросту всё это может прочитать кто-нибудь другой, не только я. Для меня ничуть не важно, чтобы люди питали ко мне другое отношение, чем я сам того хочу; не скроем, я — это я, а другие — это другие, и нельзя заблуждаться, будто другие воспримут меня с такой же точки зрения, как я сам». Но у этой ситуации существует еще и вторая сторона: «Открытие, в рамках урока смирения: иногда оказывается, что другие, эти презренные другие, которые якобы всегда знают хуже, иногда знают лучше».

Здесь, следовательно, возвращается — подобно тому, как это происходит при чтении других дневников, — вопрос о границе искренности такой дневниковой исповеди и вместе с ним вопрос о соотношении между правдой и искренностью. Как и в каждом «личном» писательстве, оказывается, что читатель — даже самый нежелательный — вступает в текст как действующее лицо, правда, виртуальное, однако настолько реальное, что требует соблюдать осторожность при раскрытии «разных разностей о себе, которые мне и так известны»: всегда что-то остается заслоненным, недосказанным, открытым для додумывания. Мрожек разговаривает с самим собой, и это обладает своей драматургией, но вместе с тем при более длительном соприкосновении становится для читателя утомительным, хотя и здесь хватает наблюдений, привлекающих к себе внимание, как то, которое рисует бедно одетых — «пальтишко и шляпулька» — знакомых из Польши, Киселевского и Блонского, встреченных в Париже: «Почему встреча двоих поляков (и почему только двоих из того большого количества встречаемых здесь) оставила во мне впечатление беспокойства насчет правильности моего пути и — неужели это возможно — зависти? Обоих связывает то же самое — нечто внутри, неуступчивое и одновременно снисходительное по отношению к Польше, польскости. Нет,

мой отъезд не был ошибкой, равно как и моя эмиграция не была явной. Только что же дальше?»

Здесь слышится словно бы эхо «Дневника» Гомбровича: эта Польша и польскость... Но и тут тоже таких вещей с течением времени становится всё меньше. Хотя разве? Снова кое-что интересное — спектакль Гротовского «Apocalipsis cum figuris»: «Не потрясло. (...) Я и «Apocalipsis cum figuris». Нет самого «Апокалипсиса». Людвик Фляшен, ровесник. Подключился к группе, познал успех. Я всё более одинок, и успех стал меньше. Это не жалоба. Всего только разные пути». То, с чем Мрожек сталкивает себя охотнее всего, — это прежде всего неуловимая тень его самого, вплоть до вопроса с драматическим ответом: «За каким сном я гонюсь, от какого призрака убегаю? (...) Вернуться? В общем-то я не выношу поляков за границей, потому что они мне напоминают меня — поляка». И наконец: «Из Польши не видно края света. Локально там настолько плохо, что сомнение: «а если даже мы уладим местные дела, то окажемся перед лицом общего банкротства, стало быть...» — не должно возникнуть». Но со временем такие «польские» рефлексии уходят, предаются забвению. Важно другое: записывать себя, причем вживую, хотя всегда с сознанием, что ты эти записи делаешь. Важно по ходу чтения этого записывания самого себя помнить о судьбах первых тетрадей дневника — уничтоженных. Тут тоже появляется запись, говорящая о том, что данные заметки должны быть уничтожены.

Пока что, однако, Мрожек задумывается над сущностью дневника: «Дневник твой — только как инструмент обособления себя. Не как нора алхимика». Но какое-то время спустя — очередная ремарка: «Человек может быть оскорблен только недочеловеком. Единственное, что человек может сделать, — это отдалиться. (Куда?). По-видимому, этот дневник мало-мальски оберегает меня от чего-то еще худшего». Причем в этих записях заставляет задуматься попеременное употребление первого и второго лица (разновидность внутреннего диалога?), но, кроме всего прочего, безличная фиксация или же заметки в первом лице множественного числа — автор (вслед за Гомбровичем?), похоже, множит проявления отстраненности от себя. Он сам с собой судится, и это судебное дело кажется не до конца ясным, так как разыгрывается в нескольких плоскостях сразу. Оценка — или только описание — собственного существования, своей человеческой судьбы, налагается на раздумья о собственном статусе художника, а в конечном итоге — и места в иерархии: «И всё-таки я сойду с ума, причем плохим способом, если не

буду художником. Художник, который обязан быть художником, но не может быть художником, хотя должен быть художником, — это мой случай».

Когда вчитываешься в дневник внимательно, то в этом океане слов появляется главное, доминирующее течение — упорное, хотя и осужденное на неудачу стремление уловить Целое: «Каждое очередное состояние духа мы склонны признать уже окончательным. Мировоззрение, вытекающее из него, — окончательным. Почему? (...) Мы хотим себя видеть цельными целостями, the unit. И это наше вожделение упаковываем в каждый фрагмент нашего сценария, и из каждого хотим сделать целое». В итоге навязчиво возвращается это стремление к «обособлению себя». Образцом, как уже много лет, служит Гомбрович: «Гомбрович не писал «для публики». (...) Гомбрович не выдумывал затейливых интриг, равно как не обладал «воображением». Но каждую фразу он насыщал самым собой, Гомбровичем». Кто, однако, хотел бы при чтении этих записей пуститься по гомбровичевскому следу, тот далеко не зайдет. Автор «Фердидурки» свой дневник сознательно конструировал как писательское намерение, калькулировал его и оттачивал, заботясь в равной мере как о нарративной точности, так о форме представляемого мира. Мрожек иной раз оказывается до боли «распотрошенным», заболтавшимся, часто обращающимся «к себе», — а поэтому не удивляет, что тетради своего дневника, более ранние, чем напечатанные, он уничтожил; не удивляет и замечание автора о его надежде, что и нынешние заметки подвергнутся истреблению. Принятое по истечении многих лет решение всё-таки их опубликовать, привело к тому, что мы имеем дело с сознательным возвышением «приватных» по задумке заметок до ранга литературного документа. С показыванием всему миру «нутра» художника — его исканий, душевного разлада, борений с самим собой. Но стоило ли оно того? Не может ли эта вынесенная на публику интимность, которая давно канула в небытие, трактоваться как — а ведь такое часто бывает с писательскими дневниками — существенное дополнение наличествующего к этому моменту творчества, или же она представляет собой только материал, которым станут пользоваться биографы?

Вне сомнения, это документ непрестанных метаний, преодоления неуверенности в себе, упорного обманывания собственной идентичности, причем с осознанием — и всё более резким, — что обмануть невозможно. Отсюда «мыслительные эксперименты», подобные мечте оказаться в крайней ситуации, в такой, которая помогла бы герою проверить себя,

очутиться в хаосе, которого он не в состоянии уяснить, но который ощущается им как угроза. Чувство неуловимости материи мира, ее многоярусности в какой-то момент образует вызов автору, а в другой — причину для смиренной покорности и склонности усомниться. Но именно это приводит к тому, что персонаж, эскизно набрасываемый здесь в каком-то внутреннем диалоге с самим собой, как бы повторяет трафарет «человека без свойств» и остается маловыразительным. Если сравнить его с героем дневника Гомбровича — с той лишь разницей, что по причине несходства записей такое сравнение весьма проблематично, — то он окажется личностью слабой и не уверенной в своем праве, в обоснованности своего существования: «Дальнейшее разжижение всего, чему — разжижению — нет других границ, кроме только той, сидя на которой в раскоряку верхом, я перемещаюсь вместе с ней, и она мне постоянно кажется границей. Всё меньше я хочу чего-нибудь от кого-нибудь, и, думается, всё меньше — симметрия? — чего-нибудь, что я могу кому-нибудь дать».

«Нельзя воспринимать проблему как неприятность» — это, вне сомнения, фраза, которую можно вписать в антологию афоризмов. Автор договаривает, уточняя, каким образом можно проблему рассматривать: «Ее можно даже воспринимать как будоражащую задачу, а тренировка сил и умений могла бы стать целью самой по себе». И таких афористических формулировок здесь можно найти намного больше. Предполагаю, что прилежный читатель сумел бы из этих двух с лишним тысяч страниц записей (если, однако, опустить фрагменты, написанные на иностранных языках, и оставить только их переводы, то страниц оказалось бы гораздо меньше) выделить по меньшей мере несколько сотен сентенций, достойных особого отношения. И думаю, что это сто́ит сделать.

Мрожек, зачарованный и временами воодушевляемый творчеством Гомбровича, свой дневник писал, однако, безусловно думая о последующей — может быть, посмертной — его публикации. Не подлежит сомнению, что записи из дневника автора «Порнографии» он читал, пожалуй, даже регулярно, и можно догадываться, что они составляли для него одну из существенных точек отсчета — хоть бы применительно к проблеме формы. Насколько, однако, дневниковые повествования Гомбровича публиковались в качестве литературного произведения, своеобразной *work in progress*, настолько дневник автора «Танго» можно трактовать в качестве заметок частного характера. Но как далеко заходить?

До какой степени Мрожек позирует здесь перед самим собой (и предполагаемыми позднейшими читателями), а в какой мере остается искренним и непосредственным? Иначе говоря: имеем ли мы дело с сознательно формируемым литературным произведением или же скорее с документом, сообщающим о существенных опытах художника? (Здесь важно было бы не только указать доминирующие проблемы, но и обратить внимание на темы, которые писатель обходит или маргинализирует.)

Наверно, самая важная проблема этого дневника — вопрос идентичности, причем Мрожек трактует ее не как нечто данное и неизменное, но как перманентно возникающее задание, которое следует выполнить. Мрожек при этом размышляет о проблеме, поднимаемой не только им: «Последовательно: чистого «я» не удастся найти нигде. Означает ли это, что его не существует? Необязательно. Но оно наверняка не существует ни в какой форме = ни в каком времени, ни в каком пространстве. У чистого (действительно) «я» нет мира. Кроме пространства и времени. Оно не личное. Не может быть достигнуто само по себе. Оно не объект — ни для себя самого, ни для наблюдателя. Это прибытие к себе есть одновременно очищение себя от себя и вызов к новому взгляду на мир, к разрушению готовых формул, как хотя бы в тот момент, когда автор обдумывает склонность к тому, что он называет «зауживанием» взгляда: «Если я говорю «жизнь и — или смерть», — это тоже зауживание, несмотря на огромные размеры обдумываемых тем и производящего впечатление пространства между ними. Дальше — зауживание совершается не в самих обдумываемых темах, не в их выборе, а в способе, каким они трактуются. Сочетание «Жизнь-Смерть» — недействительное, не-операционалистское, разве что целью ставится достижение импонирующего звучания. «Жизнь-Смерть» с операционалистской точки зрения настолько узкое сочетание, что его узость не оставляет вообще никакого пространства». Что интересно, такие спекуляции Мрожек проводит по-английски — не потому ли, что считает этот язык более точным? Ведь по-английски последняя фраза вышеприведенного умозаключения читается как-то иначе: «From the operational point of view „Life-Death” is so narrow that its narrowness doesn't leave any space at all». Оно чувствуется. Что это такое — всего лишь маленькая языковая разминка, некая разновидность упражнения или скорее сознательное выстраивание отстраненности от себя и собственной языковой формы? Это наверняка рассуждения родом из творческой кухни, попытки проверить межпонятийные напряженности и те, которые возникают в межчеловеческих

взаимоотношениях, что для драматурга представляется фундаментальным делом.

При всём том мир в дневнике перемещается где-то на дальнем фоне: сюда, правда, доносятся отголоски событий, но, например, на дела, связанные с введением военного положения в Польше, так же, как ранее — на события 1968 г., он откликается упоминаниями, лишенными сколько-нибудь большой эмоциональной вовлеченности. Можно сказать, что дневник Мрожека выступает здесь противоположностью идеалу дневника Герлинга-Грудзинского, который хотел прежде всего регистрировать панораму действительности с маленьким автопортретом автора в углу картины. Здесь всё наоборот: панорама оказывается едва набросанной, хотя часто в формулировках, не лишенных сарказма: «Сначала в Европе заменили Бога Историей (Бога — я не знаю, как это определить иначе), потом в США Историю — супермаркетом. В Европе же заменили Историю общественной страховой кассой. В России — сразу заменили и Бога, и Историю голой властью, иначе говоря, формой нигилизма. В Польше ничего не заменили ничем, так как там речь идет только о том, чтобы как-либо быть и сохраниться, в лучшем случае — чтобы быть по-человечески. Не такая это страна, которой дано решать о чём угодно, с высочайшим трудом — только о себе».

Но дело всё же обстоит и не так, чтобы книга Мрожека была для исследователей дневниковых форм напрочь лишена аппетитных ингредиентов. Ибо дело в том, что внутри мощного повествования появляется вставка — заставляющая задуматься и несколько отличающаяся по характеру своих записей: ее образует «Мой дневничок», который автор вел с 24 апреля до 30 мая 1981 г. и который был записью любовных перипетий героя, а следовательно, раскрывал более глубокие пласты интимности. Ведется он главным образом во втором лице единственного числа и являет собой мощную эпистолу, адресованную избраннице, отношения с которой не назовешь ни простыми, ни легкими, в том числе и по причине взаимной отдаленности: она на родине, он на чужбине, — что в те времена составляло существенное препятствие для построения живых отношений (кто помнит, чем были в ту пору звонки по телефону из-за границы либо за границу, не говоря уже о добывании заграничных паспортов и виз, тот прекрасно поймет, о чем идет речь). В результате то, что реально должно было разыгрываться между двумя людьми, оказалось расписанным на «я-ты» этого интимного «дневничка» и по существу перенесенным в своеобразное виртуальное

пространство внутреннего монолога, носящего диалогические черты.

Стало быть, в качестве конца — очередной афоризм, который характеризует основополагающую трудность межчеловеческих отношений, в том числе и литературы тоже: «Дела принципиальные не могут, не должны переживаться скоропалительно, через слова и с помощью слов».

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Что можно узнать о России из современной польской прессы? Вопрос далеко не праздный, учитывая драматическую, пусть и не лишенную прекрасных эпизодов, историю наших взаимоотношений. И дело даже не в том, обращается ли читающая публика к таким текстам, но в том, сможет ли обратиться, если того захочет. Попробуем проанализировать.

Издающийся в Гданьске ежеквартальный журнал «Миготаня» («Мерцания») в №1 за 2013 г. представляет обширную подборку материалов, связанных с Россией. Прежде всего назовем отрывки из «Дневниковой прозы» Марины Цветаевой в переводе М.Смеховича. Поэтессу в Польше прекрасно знают уже в течение многих десятилетий (хотя в известные времена путь ее к польскому читателю был непрост). Далее читатель найдет эссе Мирославы Михальской-Суханек «Федор Достоевский — на границе свободы и кабалы», вполне актуальный, так как в Польше существует проблема с Достоевским и его, как определил Рышард Пшибыльский, «проклятыми вопросами». Вновь опубликована интересная (не имевшая шансов на публикацию в ПНР) биографическая работа «Достоевский» Станислава Цата-Мацкевича, после войны ставшего премьером эмигрантского правительства, а в 1956 г. возвратившегося на родину. Рецензируя книгу на страницах еженедельника «До жечи» (2013, №29), Петр Зыхович завершает свой текст, озаглавленный «Как убили Достоевского», словами: «Представляется, без знания Достоевского нельзя понять Россию. Достоевского нельзя понять без прочтения книги Цата». Не станем преувеличивать: эта с подлинной страстью написанная книга не такое уж событие, но для тех, кто произведений Достоевского в руках не держал, она может стать хорошим к ним введением. У Михальской-Суханек амбиции простираются куда далее, чем у знаменитого всё же публициста, каким был Цат-Мацкевич. Она берется за действительно «проклятый» вопрос, каким было в творчестве писателя понимание свободы и стремление к ней. В завершении очерка говорится:

«Если принять, что свобода — это свободная воля и право выбора (прежде всего между добром и злом), а также

возможность распорядиться собою и собственной жизнью, то нельзя не признать, что абсолютное большинство героев Достоевского балансирует на границе свободы и кабалы. Свобода выбора рождает сомнения и раздоры, ибо связана с чувством ответственности. Неуверенность в своих убеждениях, сомнение в правильности принимаемых решений, осознание их непредвидимых и даже непредсказуемых последствий становится неподъемным грузом. Человеческая слабость, обусловленная страхом, позволяет отказаться от субъектности. Соглашаясь на пассивность по отношению к жизни, человек утрачивает свободу. И пусть даже сознательно не отказывается от свободы, но отказывается от какого-либо действия, направленного на ее сохранение. Тем самым обретает покой: ему нет необходимости совершать выбор. Но покой этот иллюзорен, ибо это результат и одновременно элемент закабаления человека сиюминутными «распорядителями» его свободы. (...) В произведениях Достоевского выбор в пользу широко понимаемого добра, сколь ни парадоксально, тоже может привести к кабале. Благородство и добродетель, догматично понимаемые, бывает, становятся кандалами, превращая человека в раба принципов, обычаев, ортодоксально понимаемой морали. Жизнь его течет в жестко обозначенном направлении, и тогда уже нет никакой возможности свернуть с дороги или вернуться. Мысль и поступок подчинены строго определенным, неукоснительным правилам, принимаемым по преимуществу вне размышления. Это, однако, последствия некогда совершённого выбора — и, к сожалению, именно момент проявления свободы становится одновременно актом ее утраты. Человек, избирающий в жизни определенное направление, принимает очерченную им для себя систему принципов, норм, ценностей, установок и т.п. со всеми неизбежными следствиями. Так что же для Достоевского свобода? Начало пути или его конец? Политическая свобода, самоопределение, независимость? Или напротив — полная кабала? Произведения автора «Братьев Карамазовых» характеризуются полной амбивалентностью образов. Черты характеров и содержание идей не определяются в текстах категорически, однозначно. Тезис борется с антитезисом. Полифония, диалогичность, противоречивость утверждений, символичность — все это порождает множественные интерпретации. На поставленные вопросы нет очевидных ответов».

Вот так, научно анализируя Достоевского, мы в Польше и приближаемся к пониманию России. Не стану преуменьшать значения академических рассуждений, но мне всё же Россия становится понятнее при чтении иных работ, например

касающихся судеб российских гуманитарных наук XX века. Таких как исследование Богуслава Жилки, представленное в упомянутом номере гданьского еженедельника фрагментарно, под заголовком «Русская интеллектуальная жизнь: университеты и кружки» (лично я добавил бы «и кухни»...) Автор, в частности, пишет:

«По сравнению с западноевропейскими аналогами, высшие учебные заведения Российской империи были далеки от полной реализации «университетской идеи». Их относительная слабость проистекала не только из того факта, что они функционировали в среде, лишенной значительных интеллектуальных традиций и подозрительно относящейся к «немецкой учености». Будучи продуктом образовательной политики властей (местом активности «правительственной интеллигенции»), они призваны были стать центрами «русского просвещения». Но с неизбежностью функционировали в системе самодержавного государства, идеология которого содержалась в (...) формуле министра Сергея Уварова. Идеология же требовала достижения в России «постоянного и спасительного согласия между верой, ведением и властью, или, другими выражениями, между христианским благочестием, просвещением умов и существованием гражданским». Такая забота «о спасительном согласии» вступала в острое противоречие с «университетской идеей», которая (...) не предполагала (просто не могла предполагать) таких компромиссов. Непреодолимые трудности с примирением официальной идеологии и необходимостью свободного, не затрудненного какими-либо внешними факторами развития мысли хорошо демонстрирует судьба философии в России. (...) Университет как государственное учреждение, несмотря на свою автономию (в России часто ограничиваемую), должен был подчиняться программам, навязанным правительством. Профессора считались государственными чиновниками и ранжировались в соответствии с введенной Петром I табелью о рангах. Ничего удивительного, что независимая мысль должна была для своего развития искать иное место. (...) Речь идет о разного рода кружках, которые со временем стали важным явлением в русской интеллектуальной жизни. Более аристократичной формой художественной жизни и дружественного общения были литературные салоны. (...) Говоря о кружках, мы имеем в виду литературные и научные группировки, в том числе объединявшие и художников, и мыслителей. Кроме того, действовали (часто тайно) многочисленные политические кружки, иногда глубоко законспирированные, ставшие зародышами мощных политических партий».

Как видим, количество работ, посвященных русской культуре, растет. В силу вещей большинство этих текстов имеет довольно выраженный политический контекст, но что поделать — в случае с Россией не могло быть иначе: политический фон всегда присутствовал и в литературе, и в философии, а в коммунистический период — и в других науках. Кому приходилось держать в руках «Краткий философский словарь» начала 50-х годов, знает, что квантовая теория — это буржуазная псевдонаука, а Альберт Эйнштейн — псевдоученый-идеалист (последнее слово изумляло), который морочит голову представителям рабочего класса; если же кто-то возражал, то легко мог пополнить собою число заключенных или ссыльных. Давно это было, но прошлое всё же имеет значение для современности, о чем свидетельствует статья Ядвиги Рогожи «Россия за решеткой», опубликованная на страницах «Новой Восточной Европы» (2013, №3-4). Автор указывает на жизнеспособность тюремной культуры в России:

«В России тюремная культура проникла практически во все сферы жизни. Значительная часть общества при описании действительности оперирует «понятиями блатного мира», даже те, кто избегает употребления данного языка, без труда эти понятия опознают. Часто оказывается, что в России определения родом из криминальных сфер становятся мысленным сокращением, наиболее точно описывающим действительность. (...) Влияние тюремной культуры в общественной жизни России, безусловно, определила многочисленность заключенных в сталинский и советский период. Однако количество может быть лишь одним из факторов жизнеспособности этой культуры во внешней среде. По числу заключенных и их доле во всем населении Россия опередила США. Ученые отмечают выразительную тенденцию к возрастанию числа осужденных во всех странах, определяемых как зрелые демократии. Однако в этих странах тюремная культура и распространение ее влияния вовне в лучшем случае ограничивается определенными слоями — как правило, малоимущими. Существенной причиной столь сильного влияния тюремной культуры на культуру российского общества представляется то, что тюремный кодекс воспроизводит традиционную, патриархальную и авторитарную модель отношений в обществе, которая существовала в России на протяжении почти всей истории. Два десятилетия, прошедших со времен распада СССР, не сформировали полноценной демократической системы, которая стала бы альтернативой «извечной» российской модели. Формально существующий демократический строй трактуется инструментально, а официальные законы и

неформальные методы часто разделяет целая пропасть. И власть, и общество научились обходить закон в такой мере, в какой могут себе это позволить. В этой ситуации, в условиях идеологического вакуума, слабости институтов и низкой правовой культуры, необходим был надежный механизм регулирования общественно-политической жизни. В конце девяностых годов прошлого века на волне разочарований карикатурной версией демократии верх взяла авторитарная «генетическая память». Пустоту быстро заполнили неписанные правила, частично исходящие от тюремной культуры, которые стали исполнять функции «подзаконных актов» по отношению к авторитарной матрице сознания, всё еще доминирующей в российском обществе. Еще одной причиной жизнеспособности тюремной культуры может быть иное, чем в зрелых демократиях, характеризующихся первенством закона, восприятие тюрьмы. «Релятивизация» роли тюрьмы, особенно в период коммунизма, затронула многие страны нашего региона: в общественном восприятии заключение рассматривалось едва ли не как медаль и символ несомненности репрессивным государством. В России это развито до крайности: пребывание в тюрьме не связывается с общественным позором, а сама тюрьма и суд не рассматриваются как орудия справедливости».

Автор в начале статьи приводит русскую пословицу: «От тюрьмы да от сумы не зарекайся». Что ж, в годы коммунизма в Польше говаривали, что граждане нашей страны подразделяются на тех, кто сидел, тех, кто сидит, и тех, кто будет сидеть.

Пока что мы живем в мире хотя бы чуть менее репрессивном, нежели тот, который стал — возможно, навсегда — достоянием прошлого. Но зло творится везде и всегда, в чем можно убедиться, читая тексты, касающиеся России, в прессе, обозначаемой названием «правая». Зло коварно и безжалостно, о чем пишет Бронислав Вильдстейн в статье «Русское наступление» в цитированном уже номере еженедельника «До жечи»:

«Вот уже несколько месяцев усиливается русское наступление на Польшу. С одной стороны, оно выражается в попытках усилить энергетическую зависимость, даже в целом экономическую зависимость нашей страны, с другой — в подаче сигналов международной общественности, что Польша всё еще находится в российской сфере влияния. Москва стремится навязать нам решения, в результате которых поставками энергетического сырья и в целом энергетикой

будут распоряжаться российские фирмы; одновременно Москва стремится блокировать мероприятия (ту же добычу сланцевого газа), которые могли бы освободить нас от зависимости. Впечатление зависимости Польши от Москвы может ослабить наша роль в международной политике, особенно в НАТО и Евросоюзе. Образ не вполне суверенной страны ослабляет наши позиции в отношениях с государствами Запада, которые могут прекратить относиться к нам как к полноправному союзнику, а также лишает возможности коалиции с государствами региона. И в результате не дает проводить независимую политику».

Статья как статья, слегка удивляет в ней избыток предположительных конструкций («кажется») или попросту преобладание вымысла над действительностью (автор обнаруживает наличие в Польше «русской партии»). А вот один из самых удивительных пассажей в этом тексте: «То, что за 24 года независимости в Польше обнаружено всего несколько русских шпионов, свидетельствует, что польская контрразведка не функционирует». Если Вильдстейн верит, что о каждом аресте русского агента в Польше или польского в России сообщается в прессе, то он наивный простачок, рассуждающий о политике. Но самым удивительным представляется то, что статья Вильдстейна обрамлена материалами, из которых каждый поляк может убедиться, что не стоит опасаться России: статье предшествует интервью с Виктором Суворовым, который убеждает, что Россию ждет исчезновение в течение ближайших 10–15 лет, а после текста Вильдстейна размещена таблица под заголовком «Распад России». Это очень смешно.

ЕВРОПЕЙСКАЯ СТОЛИЦА КУЛЬТУРЫ

— Вы трижды побеждали в борьбе за кресло президента Вроцлава (причем два раза выигрывали уже в первом туре), в последние десять лет под вашим управлением столица Нижней Силезии развивалась так стремительно, как ни один большой польский город, а еженедельник «Ньюсуик» назвал вас Супермэром. На фоне этих успехов, однако, озадачивает тот факт, что человек, который, казалось бы, создан для такой работы, сначала, в 90 х годах, отказывается от вступления в должность, а для участия в выборах 2002 г. его приходится долго уговаривать. Откуда эти колебания?

— В 1990 г. я действительно отказался вступать в должность президента Вроцлава. В то время президента еще выбирал городской совет, и случилось так, что я возглавлял Гражданский комитет «Солидарности» во Вроцлаве, который одержал решительную победу на местных выборах, получив в горсовете 67 из 70 мест. Таким образом я, естественно, оказался самым вероятным кандидатом на этот пост. Но я сам в этом уверен не был. Раньше всё было очевидно, надо было бороться за свободу Польши, но, когда эта цель была достигнута, политическая ангажированность перестала быть делом чести. В итоге я решил поехать на стипендию за границу, но, чтобы не совсем уходить от ответственности, взял на себя обязательство подобрать достойную кандидатуру на пост президента. Мой выбор пал на Богдана Здроевского (нынешнего министра культуры и национального наследия в правительстве Польши), который в то время был моим заместителем в комитете.

А в 2002 г. в Польше впервые состоялись прямые выборы мэров, бурмистров и председателей общин. Поначалу возвращение в политику совершенно меня не привлекало, но продолжающийся почти полгода мощный натиск деятелей «Гражданской платформы», в том числе Гжегожа Схетыны и Богдана Здроевского, а также моих друзей из «Права и справедливости» сломили мое сопротивление. По правде говоря, сейчас я уже даже не помню, какие аргументы они выдвигали, но им удалось меня уговорить. В итоге выборы я выиграл, что было как следствием поддержки, которую мне оказали ГП и ПиС, так и результатом отлично по тем временам организованной предвыборной кампании.

— Какую модель Вроцлава вы предложили избирателям 11 лет назад?

— Мы с моим избирательным штабом поступили очень просто: провели среди вроцлавян серию социологических опросов, чтобы узнать, какие направления развития города его жители считают приоритетными. Среди особенно часто упоминавшихся проблем и потребностей обозначились три задачи, которые я сразу четко зафиксировал в своей предвыборной программе: улучшение ситуации на рынке труда, так как в то время безработица у нас превышала 13%; модернизация пришедших в упадок городских коммуникаций; обретение Вроцлавом статуса по-настоящему европейского города, куда не только приезжают туристы, но где еще и происходят интересные и глобальные события.

— Избиратели, как мы знаем, поверили обещаниям — но как происходило их исполнение?

— Если посмотреть на это дело с сегодняшней перспективы, должен признать, что тогда я, в общем, ничего не знал об управлении городом. Несмотря на это, нам удалось провести в жизнь больше 95% тогдашней программы. Самым большим успехом я считаю снижение уровня безработицы, в решающий момент она снизилась до 3,5% (обычно уровень безработицы колеблется в районе 5,7%). В самом Вроцлаве в первую каденцию моего пребывания на посту президента появилось свыше ста тысяч новых рабочих мест, созданных в основном местными предприятиями, при этом главным импульсом стали привлеченные инвестиции. В этом я как раз отлично разбирался. Много лет занимаясь собственным бизнесом, я кое-что стал понимать относительно создания новых рабочих мест. Невозможно недооценить и тот факт, что в 2004 г. Польша вступила в Евросоюз. Пытаясь привлечь первые инвестиционные потоки, идущие из ЕС, мы продемонстрировали такую сноровку и реакцию, что в какой-то момент из 12 крупных инвестиций, пришедших в страну через центральные органы власти, семь были освоены именно во Вроцлаве.

Не стоит забывать и о том, что ситуация с городскими коммуникациями тоже наладилась. Конечно, в этом направлении еще работать и работать, но нам удалось, кроме всего прочего, построить кольцевую автостраду, состоящую из трех больших мостов, которые значительно улучшили пропускную способность города.

— А как вам удалось удовлетворить европейские амбиции вроцлавян?

— В основном хлопоча о проведении во Вроцлаве масштабных событий, таких, к примеру, как Европейская столица культуры (ЕСК) или World Gamts. Первый шаг в этом направлении, кстати, сделал мой предшественник, Богдан Здроевский, по инициативе которого Вроцлав участвовал в конкурсе на организацию Всемирной выставки. Кульминация этих усилий пришлась на самое начало моей каденции и, несмотря на то, что конкурс мы с треском проиграли, решили попробовать еще раз. Нас опять постигла неудача, но на этот раз результаты уже были лучше. Затем мы потерпели поражение в борьбе за размещение во Вроцлаве Европейского технологического института, который в итоге обрел свое место в Будапеште.

И хотя могло показаться, что мы терпим поражение за поражением, полученный опыт позволил нам выиграть конкурс на звание Европейской столицы культуры-2016, а также конкурс на проведение Всемирных игр-2017. А дело в том, что усилия по организации подобного рода мероприятий требуют определенных навыков. Это как в спорте: нельзя научиться кататься на лыжах, если несколько раз не упадешь.

— А вы не боитесь, что когда-нибудь возможное поражение в конкурсе на проведение важного события оппозиция может использовать против вас?

— Если бы я этого боялся, то я вообще не стал бы брать на себя управление городом. Оппозиция имеет полное право привлекать всеобщее внимание к нашим неудачам, но, на мое счастье, эти действия совершенно не влияют на степень поддержки, которую мне оказывают жители. Они понимают, что сами по себе попытки привлечь в город те или иные мероприятия представляют определенную (и большую!) ценность, так как позволяют нам на этом кое-что выиграть. Отличным примером такого подхода может служить ситуация, когда мы боролись за размещение у нас Европейского технологического института. Наш город постоянно фигурировал в СМИ, а среди абитуриентов из других регионов Польши значительно вырос интерес к Вроцлавскому политехническому институту. Благодаря этим усилиям Вроцлав стал одним из наиболее узнаваемых польских брендов, среди городов незначительно уступая разве что Кракову.

— Удивительно, что до сих пор вы ни словом не обмолвились об инвестировании в культуру. Ведь именно под вашим руководством

Вроцлав стал угрожать монополии Кракова как неофициальной культурной столицы страны.

— Знаете, когда десять с лишним лет назад я начинал свою работу, я, честно говоря, не отдавал себе отчет, какую мощную роль в развитии города может играть культура, даже в экономическом смысле. Вышло, однако, так, что я систематически на практике в этом убеждался, вот почему мы постоянно развиваем культурно-артистическую среду города, а с 2003 г. расходы на культуру выросли без малого втрое, до ста миллионов злотых в год. Краков, о котором вы вспомнили, безусловно, по-прежнему остается значительно колоритнее в культурном отношении, но мы изо всех сил стараемся наверстать упущенное.

— В последнее время во Вроцлав переехало несколько больших фестивалей, такие, например, как кинофестиваль «Новые горизонты» или Международный фестиваль детектива. Как вам удастся привлечь во Вроцлав масштабные мероприятия с устойчивой высокой репутацией?

— По-разному получается, во всяком случае у других городов мы мероприятия не крадем, да и силой никого во Вроцлав тащить не собираемся. В какой-то момент на нас обрушилась лавина предложений относительно перемещения различных культурных событий в столицу Нижней Силезии. С одной стороны, это было очень почетно, мы получили довольно ясный сигнал, что Вроцлав стал очень культурным городом. С другой — приходилось быть очень внимательными и осторожными, чтобы сохранить баланс между проектами, которые поступали к нам извне, и теми, что самостоятельно осуществлялись во Вроцлаве с самого начала.

С кинофестивалем «Новые горизонты» выручило стечение благоприятных для нас обстоятельств. В какой-то момент мы стали подумывать над тем, чтобы провести во Вроцлаве кинофестиваль, который мог бы стать настоящим событием. Лучшим кинофестивалем страны были как раз «Новые горизонты», и мы обратились к его вдохновителю и организатору Роману Гутеку, предложив ему пообщаться с нами на эту тему, дать несколько советов относительно того, как вообще за всё это взяться. Я тогда и мечтать не смел перенести «Новые горизонты» во Вроцлав! Сам факт того, что Роман Гутек согласился на такую встречу, уже приятно меня удивил. Еще больше впечатлило его заявление, что он уже давно собирается перенести фестиваль в город покрупнее Тешина. Нам понадобилось пятнадцать минут, чтобы обсудить подробности сотрудничества. Примерно так же обстояло дело с

переездом из Кракова во Вроцлав Международного фестиваля детектива.

— Вас устраивает сегодняшняя культурная составляющая Вроцлава?

— Никогда нельзя быть довольным на все сто. На сегодняшний день Вроцлав явно не хватает большого представительного фестиваля популярной музыки, такого, к примеру, как Heineken Open'er Festival в Гдыне, Orange Warsaw Festival или краковский Coke Live Festival. Музыкального события, которое бы привлекло во Вроцлав десятки тысяч поклонников поп-музыки не только из Польши, но и из других стран. Конечно, у нас есть Ethno Jazz Festival с его невероятно высоким артистическим уровнем, но это всё-таки музыка для определенного круга ценителей, не для широких масс. Выступающие на этом фестивале артисты, такие, как Дайяна Кролл или Ясмин Леви, спокойно могут собрать концертный зал на три тысячи человек, но уж никак не городской стадион.

— Что-то делается для того, чтобы такой фестиваль во Вроцлаве появился?

— Да, в 2014, самое позднее в 2015 г., такое событие у нас произойдет. Но поскольку мы сейчас находимся на стадии переговоров, мне бы хотелось пока что обойтись без подробностей.

— Вроцлав довольно активно продвигает литературу, здесь проводится несколько литературных фестивалей, такие, как Международный фестиваль рассказа или «Литературный порт Вроцлав», однако многие полагают, что эти инициативы всё больше накладываются одна на другую.

— Верно, мы тоже заметили эту тенденцию, и потому доверили функции куратора Европейской столицы культуры по вопросам литературы и чтения Иреку Грину, опытному и авторитетному культуртрегеру. Мы также поручили ему немного перекроить литературную карту Вроцлава, чтобы, с одной стороны, не создавать проблем ни одному из фестивалей, с другой — как-то упорядочить бурную литературную жизнь города. Нам очень важно встроить в эти события вручение двух больших литературных премий, учрежденных городом, — Вроцлавской поэтической премии «Силезиус» и Центральноевропейской литературной премии «Ангелус». Уже сегодня эти премии пользуются большим уважением и признанием в творческой среде, но мы верим, что их культурный потенциал еще далеко не исчерпан.

— *Сторонники амбициозных кинопроектов долго сетовали, что во Вроцлаве нет кинотеатра, специализирующегося на авторском кино, как вдруг появились целых два, причем оба с несколькими залами — Нижнесилезский киноцентр и кинотеатр «Новые горизонты». И теперь СМИ сообщают, что, скорее всего, эти проекты не будут в состоянии себя окупить.*

— Мне так не кажется. Нижнесилезский киноцентр курирует воеводское управление, так что на эту тему мне как-то распространяться не очень удобно, а если говорить об арт-хаусном кинотеатре «Новые горизонты», то я уверен, что в течение года финансовый успех им гарантирован.

— *Расскажите, пожалуйста, как вообще так получилось, что во Вроцлаве на месте мультиплекса появился самый большой в Польше кинотеатр авторских фильмов?*

— Я решил помочь Роману Гутеку, который искал постоянную площадку для фестиваля «Новые горизонты», а также для American Film Festival и других, околофестивальных событий, происходящих во Вроцлаве практически круглый год. Я, правда, и предположить тогда не мог, что дело примет такой масштабный оборот. Сначала мы думали найти какой-нибудь маленький кинотеатр, ну или просто его построить. Но по разным причинам объекты, которые мы осматривали, нам не подходили. Только через некоторое время выяснилось, что мы можем взять в аренду кинотеатр «Гелиос». Мы долго ломали голову, как бы повернуть эту идею, и в итоге решили, что запустим в этом мультиплексе артхаусную площадку, подключив ее к проекту Европейская столица культуры. И хотя все проекты, связанные с этим местом, еще находятся в стадии реализации, у нас уже появилось творческое пространство с очень хорошей атмосферой, притягивающей молодежь как магнитом.

— *Культурных событий во Вроцлаве — великое множество, и с точки зрения городской политики они все чрезвычайно важны, но можете ли вы назвать те из них, которые особенно близки вашему сердцу?*

— В смысле общественной значительности самым удачным проектом я считаю артхаус «Новые горизонты», о котором мы уже говорили. Лично я безгранично люблю музыкальный театр «Капитоль». Программа, которую предлагает зрителям его директор и режиссер Конрад Имеля, подходит мне на все сто. Поэтому я ужасно счастлив, что реконструкция здания театра наконец-то закончена, и уже не могу дождаться официальной осенней премьеры «Мастера и Маргариты» по роману Михаила

Булгакова. Новое здание безумно современно и в то же время как бы отсылает нас к оригиналу, спроектированному берлинским архитектором Фридрихом Липпом и построенному в 1929 г., — он, к несчастью, был частично уничтожен во время осады крепости Бреслау, а потом довольно неудачно восстановлен.

Другим предметом моей гордости — ну, надеюсь, не только моей, думаю, что и большинства вроцлавян — скоро обещает стать Национальный Форум музыки. Этот концертный зал имеет для нас огромное значение, как минимум, по двум причинам. Во-первых, там разместится Вроцлавская филармония — а это не только важнейшая музыкальная организация нашего города; в последние несколько лет в связи с многочисленными творческими инициативами (к примеру, такими, как Musica Polonica Nova, Musica Electronica Nova, Jazztopad или Leo Festiwal) она вознеслась в ранг одного из самых интересных музыкальных учреждений Европы. Но есть и другая причина, по которой здание Форума будет играть в городском пейзаже одну из ключевых ролей. До сих пор Вроцлав отстраивался из руин, оставшихся после Второй Мировой войны. Я уже говорил о здании театра «Капитоль», есть еще Зал столетия и здание Главного вокзала. Это чудесные, во многом символические для города постройки, но они появились в те времена, когда Вроцлав был немецким. Здание Национального Форума музыки будет первым крупным сооружением (если не считать нового пассажирского терминала в аэропорту) для проведения публичных мероприятий, построенным уже в послевоенный период истории города. Да и кроме того, расположенным в самом его центре.

— Тем не менее, чтобы жители города могли в полной мере приобщиться к этим культурным благам, необходимо соответствующим образом спроектировать все окружающее пространство. Здание Форума, как вы сами сказали, находится в самом центре Вроцлава, но от Старого Города отделено довольно оживленной улицей Казимира Великого. Несколько лет назад вы объявили о поэтапном закрытии центра города для автомобилей, как это практикуется во многих городах Западной Европы, но сейчас, как мне кажется, реализация этих планов отложена.

— У меня нет ни малейших сомнений, что автомобильное движение должно исчезнуть из центров городов. Другое дело, что для поляков, и вроцлавяне тут не исключение, автомобиль — это сравнительно новая роскошь. На Западе автомобили стали общедоступны уже в 50-х и 60-х годах, у нас же относительно недавно. Так что мы, грубо говоря, на своих

машинах еще не наездились. Не забывайте и о довольно мощном транспортным лобби. Это, однако, вовсе не означает, что мы поставили крест на наших планах. Мы продолжаем систематически расширять пешеходную зону, но должен признать, что начали немного с места в карьер, и это вызвало довольно решительное сопротивление определенной части жителей города. Зато Крупничая улица, ведущая из Старого Города к Национальному Форуму музыки, уже совсем скоро будет перестроена и полностью избавится от автотранспорта, чтобы в недалеком будущем превратиться в пешеходную аллею.

— Большинство инициатив, о которых вы рассказываете, связаны с проектом Европейская столица культуры-2016. Местные СМИ заранее всё видят в черном свете и сообщают, что Вроцлав может не использовать шансы, предоставляемые этим высоким званием.

— Пресса должна о чем-то писать, а ведь известно, что плохие новости продаются намного лучше хороших. Кроме того, проект «Европейская столица культуры» сам по себе довольно специфический, и критерии, которым он руководствуется, часто не вполне ясны. Это как с походом в театр — мне еще не приходилось бывать на представлении, с которого все вышли бы абсолютно довольными. И тем не менее я спокоен, так как сама подготовка к этим мероприятиям выглядит очень впечатляюще. На сегодня, не считая регулярных фестивальных событий (а ведь они тоже ожидаются!), мы планируем реализовать около 170 проектов. А ведь на дворе пока еще 2013 год.

— Каковы, на ваш взгляд, самые эффектные культурные события, ожидающие нас в 2016 году?

— Уже точно известно, что у нас состоится Международная театральная олимпиада. Это самое масштабное в мире театральное событие, своеобразный фестиваль фестивалей, в ходе которого свои достижения демонстрируют известнейшие артисты со всего мира.

Я убежден, что большим успехом будет пользоваться проект WUWA-2, воплощающий идею образцового микрорайона. Он напрямую перекликается с прошедшей в довоенном Вроцлаве выставкой «Wohnungs- und Werkräumeausstellung», автором идеи которой был немецкий «Веркбунд», производственный союз, включавший тогдашних архитекторов, строителей и художников, которые продвигали идеи модернистского дизайна. Как и в те времена, когда по случаю выставки в Бреслау возник новый микрорайон, куда до сих пор приезжают

любители архитектуры, чтобы только взглянуть на него, мы собираемся застроить новый участок, где потом поселятся вроцлавяне.

Нет стопроцентной уверенности, но, возможно, во Вроцлаве в 2016 г. состоится вручение премий Европейской киноакадемии (это иногда называют «европейским Оскаром»). Во всяком случае об этом активно ведутся переговоры, и всё говорит о том, что мы имеем определенные шансы надеяться на их успех. Результаты будут известны в конце этого года. Это был бы настоящий подарок всем киноманам, потому что тогда во Вроцлав приедут самые яркие звезды мирового кинематографа.

— Вроцлав — это город с интереснейшей историей, который был основан чехами, потом находился в границах Польши под господством силезских Пястов, пока в XVI веке не оказался в составе империи Габсбургов, а потом Пруссии и Германии, чтобы в 1945 г. снова стать польским. Вы первый из его власть предержащих, под чьим управлением эти исторические факты стали частью маркетинга. Более того, вы добавляете сюда еще и львовский контекст.

— Да, потому что во Вроцлав после Второй Мировой войны было переселено много львовян.

— Ну, не так много, как некоторым — особенно тем, кто называет Вроцлав вторым Львовом — может показаться.

— Это правда. Историки до сих пор спорят, сколько составляло львовское меньшинство в послевоенном Вроцлаве — 7 или 12% населения. Большинство составляли люди, приехавшие сюда из центральных районов страны, а также Великопольши. Тем не менее к львовским традициям вроцлавяне обращаются чаще всего. Я помню сбор пожертвований на вроцлавских кладбищах, который мы проводили в 2010 г., когда искали средства на памятник львовским профессорам на Вулецких холмах во Львове. Я лично тогда ходил по Грабишинскому кладбищу с копилкой, а поскольку во Вроцлаве меня хорошо знают, люди останавливались и заговаривали со мной. Меня поразило, как много среди моих собеседников было тех, кто рассказывал о своих предках родом из Львова. Может быть, не каждый вроцлавянин — прямой потомок львовян, но опосредованно почти в каждой семье кто-то с тем городом определенным образом связан.

Что же касается открытого и заинтересованного взгляда на историю и наследие немецкого Вроцлава, о котором вы вспомнили, — ну, что ж, наше общество должно было для этого

созреть, нам понадобилось время. Я не социолог, но, думаю, не погрешу против истины, сказав, что процесс формирования самосознания жителей Вроцлава завершился только во времена «Солидарности», то есть в 1980-е. В то время мы наконец-то почувствовали себя здесь как дома, поняли, что никто нас отсюда не выгонит, и поэтому только сейчас мы можем свободно, без всякой задней мысли рассуждать хоть о десяти вроцлавских нобелиатах.

— Материальное наследие современного Вроцлава — немецкое, а духовное, получается, — львовское?

— Совершенно верно. Отличным примером, иллюстрирующим такое положение вещей, служит Вроцлавский университет, чье великолепное здание осталось еще от немецкого храма науки, а новые кадры формировались в основном из ученых, приехавших из Львова. Со всем этим совершенно мифически перекликается довоенная история Львовского университета им. Яна Казимира — единственный эпизод в истории польской науки, когда зарубежные ученые поголовно учили польский язык, чтобы читать работы польских ученых в оригинале.

Хотя похожая история связана с Национальным учреждением имени Оссолинских, как и со многими другими институтами культуры, переехавшими во Вроцлав из Львова.

Поэтому для меня также очень важно найти во всем этом некое равновесие польских и немецких элементов. Я совершенно не имею ничего против, чтобы на вроцлавской Рыночной площади туристов прежде всего привлекала ратуша, символизирующая многовековые традиции немецкого мещанства. Но я в той же степени заинтересован внедрением в это пространство польской культуры, и потому прилагаю все усилия чтобы именно на этой площади была представлена рукопись «Пана Тадеуша», которая сейчас находится в библиотеке Оссолинских. Городская политика, которую я провожу, может позволить себе подобного рода эклектику.

— Вы думаете, что такие разные явления можно связать воедино?

— Полагаю, что да. Кроме того, существует определенная параллель, аналогия, если говорить об истории двух городов. В истории польской культуры Львов, будучи украинским городом, играл такую же роль, как Вроцлав — в культуре немецкой. Наша работа направлена на то, чтобы воскресить здесь, во Вроцлаве, образ тех многокультурных городов. Удастся ли нам это? Посмотрим лет через десять-пятнадцать.